

Национальный центр
правовой информации
Республики Беларусь

Кафедра ЮНЕСКО
по информационным
технологиям и праву

ISSN 1997-7328

Право.by

Научно-практический журнал

Читайте в номере:

- *Гипноз как средство завладения чужим имуществом*
- *Многоязычный словарь юридических терминов как инновационный терминологический информационно-правовой ресурс*
- *Медицинский работник как субъект профессионального преступления*

Право.by

3 (13) 2011

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год

Издается с июня 2008 г.

Учредитель и издатель

***Национальный центр правовой информации
Республики Беларусь***

Главный редактор

Балашенко С.А.

Заместитель главного редактора

Кравцов О.Э.

Ответственный секретарь редакционной коллегии

Сенько А.С.

Редакционная коллегия

Абрамович А.М.

Батлер Э.У.

Бобцов А.В.

Василевич Г.А.

Гавриш А.Н.

Годунов В.Н.

Гущин И.В.

Каменков В.С.

Кириллова Д.В.

Князев С.Н.

Курбацкий А.Н.

Морозов А.В.

Просяной А.А.

Радиванович Н.Н.

Сивец С.М.

Шаршун В.А.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Хотите быть в курсе всех изменений законодательства?

Цените свое время?

Необходима уверенность в надежности и достоверности правовой информации?

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь (НЦПИ) – первоисточник правовой информации в Республике Беларусь. Совместно с другими государственными органами и организациями НЦПИ обеспечивает всем гражданам нашей страны уверенность в своевременном получении полной, достоверной и актуальной правовой информации.

Предпочитаете использовать информационные технологии?

Тогда для поиска необходимого правового акта Вам достаточно иметь под рукой информационно-поисковую систему «ЭТАЛОН» или доступ к интернет-ресурсам НЦПИ:

www.pravo.by, www.etalonline.by, www.ncpi.gov.by, www.mir.pravo.by

Хотите иметь личную правовую библиотеку?

Приобретайте кодексы и другие печатные издания правовой тематики, а также тематические банки данных на дисках в НЦПИ и книготорговых предприятиях.

МЫ РАБОТАЕМ ВМЕСТЕ С ВАМИ. МЫ РАБОТАЕМ ДЛЯ ВАС.

Если Вы не нашли интересующую Вас правовую информацию или у Вас еще остались вопросы – просто позвоните, и мы подскажем, где искать ответы.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

220701, г. Минск, ул. Берсона, 1а, тел./факс 8 (017) 222-70-69, 279-99-99,

Белком 8 (029) 650-79-30, МТС 8 (029) 561-16-90

e-mail: sales@ncpi.gov.by, online@ncpi.gov.by

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Брестской области:

224030, г. Брест, ул. Дзержинского, 14, к. 12,

тел. 8 (0162) 21-91-73, 21-38-74,

e-mail: brst@ncpi.gov.by

Витебской области:

210029, г. Витебск, ул. Правды, 46,

8 (0212) 47-20-81, 47-81-03,

e-mail: vitebsk@ncpi.gov.by

Гомельской области:

246050, г. Гомель, пр. Ленина, 2а, к. 16-18,

тел. 8 (0232) 74-40-03, 74-17-48,

e-mail: gomel@ncpi.gov.by

г. **Минска:** 220012, г. Минск, пр. Независимости, 91, тел. 8 (017) 280-38-68, 280-53-16, e-mail: minsk@ncpi.gov.by

Гродненской области:

230025, г. Гродно, ул. Антонова, 25, к. 44,

тел. 8 (0152) 77-28-30, 75-50-32,

e-mail: grodno@ncpi.gov.by

Минской области:

220039, г. Минск, ул. Чкалова, 5, к. 315, 317, 319,

тел. 8 (017) 219-06-35, 228-20-11,

e-mail: minskobl@ncpi.gov.by

Могилевской области:

212030, г. Могилев, ул. Дзержинского, 9,

тел. 8 (0222) 31-09-72, 31-13-57,

e-mail: mogilev@ncpi.gov.by

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЕМИНАРЫ, ВЫСТАВКИ, КОНКУРСЫ

О республиканском конкурсе детских видеороликов «Вместе против беды» (<i>Бордиловская А.И.</i>)	5
---	---

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Административные процедуры и работа с обращениями граждан и юридических лиц в Республике Беларусь: проблемы соотношения понятий (<i>Чуприс О.И.</i>)	6
--	---

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Правомерность целевых санкций Совета Безопасности ООН в рамках борьбы с терроризмом (<i>Довгань Е.Ф.</i>)	11
---	----

Нормы о расторжении брака в международных договорах Республики Беларусь (<i>Короткевич М.П.</i>)	21
--	----

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Сравнительно-правовой анализ правомочий религиозных организаций в странах СНГ (на примере Республики Беларусь, Российской Федерации, Украины и Республики Казахстан) (<i>Бакун А.С.</i>)	26
--	----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Дорожно-транспортное происшествие – обстоятельство, отягчающее административную ответственность за совершение правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта (<i>Зиновенко В.В.</i>)	31
---	----

К вопросу о законных интересах лица, в отношении которого ведется административный процесс (<i>Телятицкая Т.В., Асаёнок М.И.</i>)	36
---	----

Современные подходы к пониманию административной юрисдикции (<i>Сенькова Т.В.</i>)	40
--	----

Административно-правовое регулирование миграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь (<i>Федорако А.И.</i>)	45
--	----

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Состав правомерности необходимой обороны по Уголовному кодексу Республики Беларусь в свете принципа субъективного вменения (<i>Грунтов И.О.</i>)	53
--	----

Субъективная сторона причинения имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 Уголовного кодекса) (<i>Мороз Д.Г.</i>)	62
--	----

Принуждение (ст. 185 Уголовного кодекса Республики Беларусь) и принуждение к выполнению обязательств (ч. 1 ст. 384 Уголовного кодекса Республики Беларусь): сравнительно-правовой анализ и вопросы квалификации (<i>Лапцевич И.И.</i>)	68
--	----

Поручения следователя: вопросы теории и практики (<i>Матвейчев Ю.А.</i>)	74
--	----

Медицинский работник как субъект профессионального преступления (<i>Чередниченко О.В.</i>)	79
--	----

Приостановление расследования в связи с временным психическим расстройством (заболеванием) обвиняемого в рамках положений международной классификации болезней 10-го пересмотра (<i>Маджаров Р.В., Кринчик Н.И.</i>)	85
--	----

Правовые аспекты противодействия распространению детской порнографии в сети Интернет (<i>Боровик П.Л., Лепёхин А.Н.</i>)	91
--	----

КРИМИНАЛИСТИКА

Гипноз как средство завладения чужим имуществом (<i>Хилюта В.В.</i>)	97
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

О порядке исчисления сроков исковой давности (*Пунько Т.Н.*)..... 101

Правовое регулирование предпринимательской деятельности некоммерческих юридических лиц (*Горбатова Н.А.*)..... 107

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Судебный аспект определения затрат для исчисления налога на прибыль (*Касач А.А.*) 112

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Возрастание роли кодификации – универсальная генетическая закономерность становления, развития и функционирования права как системы (*Дробязко С.Г.*) 117

Понятие «социальное проектирование» и его взаимосвязь с прогнозом, планом, программой (*Левко П.И.*)..... 125

Сущностный аспект современной теории юридических фактов (*Шафалович А.А.*) 131

Использование научных ресурсов в процессе совершенствования белорусского законодательства (*Гарбузова Е.В.*) 135

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Государственные информационно-правовые ресурсы Беларуси: состояние и перспективы развития (*Сидорчук И.П.*) 139

Многоязычный словарь юридических терминов как инновационный терминологический информационно-правовой ресурс (*Шаршун В.А., Гриневич М.Г.*)..... 145

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

К вопросу об информационном обеспечении контрольно-надзорной деятельности в Республике Беларусь (*Мах И.И.*) 149

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Актуальные вопросы организации повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел (*Мазаник Е.Н.*) 153

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Профессиограмма депутата законодательного органа (*Кибак И.А.*) 157

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Обеспечение экономической безопасности Государственной границы Республики Беларусь (*Логунова Н.М.*) 163

О влиянии соседних государств на формирование государственной пограничной политики Республики Беларусь (правовой аспект) (*Давыдик В.В.*) 167

О РЕСПУБЛИКАНСКОМ КОНКУРСЕ ДЕТСКИХ ВИДЕОРОЛИКОВ «ВМЕСТЕ ПРОТИВ БЕДЫ»

С 21 марта по 20 июня 2011 г. Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ), Министерством внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) и Министерством образования Республики Беларусь при поддержке Белтелерадиокомпаний проводился республиканский конкурс детских видеороликов «Вместе против беды».

В конкурсе могли принять участие все желающие в возрасте до 18 лет. Площадкой для проведения конкурса явился Детский правовой сайт (mir.pravo.by), в адрес которого было прислано около трехсот работ.

Подобная кампания, проводимая НЦПИ совместно с МВД, уже не первая. В прошлом году прошел республиканский конкурс детского рисунка «Рисованное право», на который было прислано около полутора тысяч работ юных художников. На этот раз участниками конкурса стали начинающие режиссеры, актеры, операторы и сценаристы.

В состав жюри вошли юристы, представители правоохранительных органов, педагоги, психологи и журналисты. Выбрать победителей оказалось не так просто. Тематика видеороликов самая разнообразная: предупреждение противоправного поведения, профилактика вредных привычек, формирование здорового образа жизни. Каждая работа индивидуальна, показывает окружающий мир глазами детей, заставляет задуматься.

В итоге, по единогласному мнению жюри, победителями конкурса и обладателями главного приза – цифрового фотоаппарата – стали братья-близнецы Антон и Богдан Савченковы из Борисова. Они представили сразу два видеоролика. В одной из работ авторы призывают не употреблять наркотики, сравнивая их с огнем, в котором сгорают здоровье, любовь, мечты и будущее человека. Второй клип поднимает из-

вечную проблему подрастающего поколения: кем быть? Ребята показывают, что у каждого молодого человека впереди множество возможностей, реализовать которые помогает здоровый образ жизни.

Второе и третье места жюри решило отдать сразу нескольким номинантам. В итоге – второе место у братьев Артема, Евгения и Никиты Лариных из Гродно за работу, посвященную борьбе со сквернословием, и Полины Ильиной с клипом «Какая разница, чем себя убивать», направленным на профилактику курения.

Третье место получили две замечательные работы: минчанки Яны Петрович, поднявшей проблему детей, брошенных родителями, и Виктора Колосова из Логойского района с видеороликом о неблагополучных семьях.

1 июля 2011 г. в Центральном музее МВД состоялась награждение победителей конкурса, которых поздравили директор НЦПИ Олег Кравцов и заместитель Министра внутренних дел Евгений Полудень.

Победители конкурса были награждены ценными подарками и памятными сувенирами, предоставленными организаторами.

Ни один ролик не остался незамеченным организаторами конкурса. Самые лучшие будут демонстрироваться на плазменных экранах и рекламных площадках в метро, по телевидению, в школах.

Учитывая количество и качество присланных работ, профессиональное жюри приняло решение продолжить работу, обратившись в ряд государственных органов с предложением провести дополнительные конкурсы среди созданных работ по тематике, связанной с их деятельностью, и выбрать победителей.

Организаторы конкурса выражают благодарность всем участникам, приславшим свои работы на Детский правовой сайт, и желают дальнейших творческих успехов!

Алла Бордиловская

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ И РАБОТА С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ

ЧУПРИС О.И.,

заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета по образовательным инновациям и учебно-методической работе,
доктор юридических наук, доцент

На основе анализа белорусского законодательства выявлены некоторые аспекты соотношения понятий «административная процедура» и «работа с обращениями граждан и юридических лиц». Административная процедура научно представлена как действие юридически значимого характера, совершаемое уполномоченным органом по факту рассмотрения отдельных видов заявлений, которые являются, в свою очередь, видом обращений граждан и юридических лиц. Высказаны научно обоснованные предложения о совершенствовании базовых положений законодательства в сфере предмета исследования.

The article deals with some aspects of a parity of concepts «administrative procedure» and «work with references of citizens and organisations» based on the analysis of Belarusian legislation, principles of these kinds of activity have been revealed. The administrative procedure has been considered as the action of legally significant character made by authorised body upon consideration of separate kinds of statements. These statements are a kind of references of citizens and organisations. The unity of principles of analyzed kinds of activity has been marked. Scientific grounds for the perfection of base positions of the legislation in sphere of an object of research have been produced.

Введение

Работа с обращениями граждан и осуществление административных процедур являются актуальными направлениями управленческой деятельности, нормативные правовые акты о которых находятся в стадии разработки. Эти виды деятельности тесно взаимосвязаны, и до принятия законодательства, регулирующего вопросы осуществления административных процедур, они проводились по единым правилам, установленным Законом Республики Беларусь «Об обращениях граждан» (далее – Закон об обращениях граждан) [1]. Однако с принятием в 2008 году Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур» (далее – Закон об основах административных процедур) [2] эти виды деятельности были разграничены как принципиально различные, что поставило перед юридической наукой вопрос об оправданности такого подхода и возможности нивелирова-

ния законодательных неточностей путем совершенствования ключевых законодательных положений, касающихся понятийного аппарата.

Ввиду новизны предмета исследования он еще не был глубоко изучен в белорусской юридической науке. Вместе с тем ряд исследований в этой части проводился сотрудниками Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, которые в связи с вышеотмеченным обстоятельством относительно «свежести» Закона об административных процедурах вполне могут быть дополнены новыми научными воззрениями.

Основная часть

Источником методологии научного анализа в данной работе будет выступать подход, заложенный в действующем законодательстве, который узко определяет административные процедуры как деятельность по работе с отдель-

ными заявлениями граждан. В то же время в юридической науке, в том числе белорусской, и законодательстве зарубежных государств встречаются иные методологические подходы, согласно которым административные процедуры рассматриваются сквозь призму форм управленческой деятельности, например, в Законе Литовской Республики «О публичном администрировании», Законе Республики Казахстан «Об административных процедурах» [3, с. 4]. В белорусской науке на стадии обсуждения законопроекта также высказывалось мнение о сути административных процедур как правоприменительной деятельности по разрешению в соответствии с компетенцией различного рода индивидуальных дел, возникающих в связи и по поводу реализации функций органов государственного управления (государственных организаций), не связанных с привлечением к административной ответственности [4, с. 152].

Узкий подход к пониманию административной процедуры, положенный в основу белорусского законодательства, является отнюдь не бесспорным, поэтому на стадии формирования оно в этой сфере могло пойти по любому из указанных путей. Тем более что понятие «административная процедура» являлось новым для Беларуси. Традиционно в отношениях работы организаций, в том числе государственных органов, и граждан использовался термин «работа с обращениями», хотя правовое регулирование отдельных видов заявлений как формы обращений регламентировалось специальными нормативными правовыми актами, что, впрочем, справедливо и в настоящее время применительно к отношениям, регулируемым банковским, налоговым, таможенным, пенсионным законодательством. Начало современному законодательству об административных процедурах было положено Указом Президента Республики Беларусь от 13 сентября 2005 г. № 432 «О некоторых мерах по совершенствованию организации работы с гражданами в государственных органах, иных государственных организациях»*. Поэтому трудно согласиться с мнением Н.А.Савановича, называющего решение белорусского законодателя об использовании узкого подхода «компромиссным» ввиду того, что оно «основывается на сложившихся стереотипах обыденного сознания, в котором термин «административная процедура» прочно ассоциируется с таким атрибутом, как справка» [5].

Не углубляясь более в позицию законодателя, а обращаясь к действующему Закону об основах административных процедур как фактическому правовому явлению, отметим в качестве

одной из причин отсутствия единообразия, связей между понятиями «административная процедура» и «работа с обращениями граждан и юридических лиц», выступающими предметом анализа настоящей статьи, или отсутствия хотя бы элементов их корреляции пробел в закреплении в Законе об обращениях граждан понятия обращений или деятельности по работе с ними. Вместе с тем, как известно, ключевыми для уяснения сущности и соотношения правовых явлений выступают именно базовые законодательные определения.

В определении обращений, использованном в анализируемом Законе, а также в проекте Закона «Об обращениях граждан и юридических лиц», внесенном Советом Министров Республики Беларусь, не выделены ключевые признаки, оно представлено через перечисление видов обращений в зависимости от их содержания: предложения, заявления, жалобы, также даются определения каждого из них. Иное законодательство, непосредственно регулирующее вопросы работы с обращениями, в частности Указ Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц» [6], также не определяет это основное понятие, в то время, как словари русского языка определяют обращение как просьбу к кому-нибудь [7, с. 388]. В этой связи можно отметить, что, действительно, обращения граждан и юридических лиц связаны с реализацией в индивидуальной или коллективной форме прав и свобод, предоставленных законодательством. С помощью обращений населением и организациями решаются основные жизненные вопросы, а право на обращение предоставлено Конституцией Республики Беларусь [8, ст. 40].

Анализ содержания этого права привел ученых к выводу о том, что оно включает в себя следующие правомочия субъектов: 1) право на критический анализ деятельности органов публичной власти; 2) право давать рекомендации по улучшению деятельности органов публичной власти и их должностных лиц; 3) право инициировать своими действиями принятие и отмену или изменение и дополнение нормативных правовых актов и иных решений органов публичной власти и их должностных лиц; 4) право требовать содействия органов публичной власти в реализации конкретных прав и свобод; 5) право на обращение за защитой (восстановлением) своих нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также прав, свобод и законных интересов других лиц; 6) право сообщать о ставших им известными нарушениях законности

* Хотя понятие административной процедуры использовано в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь, одобренной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 марта 1997 г. № 255, в контексте ее понимания в широком смысле как управленческой деятельности (п. 5.6).

органами публичной власти и их должностными лицами [9, с. 6].

Особое внимание следует обратить на четвертое и шестое из перечисленных в списке правомочий, которым корреспондирует такой вид обращения, как заявление, что отражает его неоднородность. Эта неоднородность обоснованно отражена в проекте Закона «Об обращениях граждан и юридических лиц». Вместе с тем заявления, содержащие ходатайство о реализации прав, свобод и (или) законных интересов заявителя, в соответствии с законодательством Республики Беларусь также разделяются на несколько видов: работа с которыми осуществляется по правилам, установленным Законом об обращениях граждан, работа с которыми осуществляется в соответствии с Законом об основах административных процедур, работа с которыми осуществляется по правилам, установленным иным (специальным) законодательством.

При этом в Законе об основах административных процедур понятие заявления дано через понятие обращения, но с указанием цели – осуществление административной процедуры («письменное или устное обращение заинтересованного лица в уполномоченный орган за осуществлением административной процедуры») [2, ст. 1].

Вместе с тем оба закона, несмотря на различия в подходах к названию (одно название содержит материальную составляющую, а другое – процессуальную составляющую), своим содержанием имеют процесс – порядок работы с обращениями. Но Закон об основах административных процедур сферой своего регулирования имеет порядок работы с отдельной группой заявлений, результатом которой выступает совершение юридически значимых действий, названных в определении административной процедуры [2, ст. 1].

То есть поступление в государственный орган (организацию) или иной уполномоченный орган обращения независимо от формы и вида является основанием для осуществления процесса работы с ним и принятия решения по факту его рассмотрения. При этом гражданин или юридическое лицо, подающие обращение, включая такой его вид, как заявление, не задумываются над разницей этих процессов в смысле специфики их правового регулирования и отдельных особенностей каждого из них. Важно, что во всех случаях обращения реализуются конституционные права и свободы, а сам процесс «обеспечивает взаимодействие (связь) гражданина и власти» [10, с. 335].

С точки зрения науки управления, не должна прослеживаться и существенная разница в самих процессах (как при рассмотрении заявлений, так и при рассмотрении жалоб на вынесенные решения), поскольку они касаются, по сути, одного явления – работы с обращениями, имеют общие основы, в том числе принципы, осуществляются между одними и теми же видами субъек-

тов, занимают единое место в системе административного (управленческого) права. Их общим признаком выступает необходимость разрешения индивидуальных дел, связанных с применением конституционных и административных правовых норм к конкретным жизненным ситуациям и осуществлением в связи с этим руководящих, распорядительных, координационных и оперативно-исполнительных действий, а также принятием решений полномочными органами и должностными лицами и (или) совершением юридически значимых действий. При этом также не имеет значения, в отношении физических или юридических лиц эта процессуальная деятельность осуществляется. Единственным критерием их разграничения служит собственно вид обращения – отдельная группа заявлений. О совмещении сфер правового регулирования двух родственных Законов свидетельствует порядок разграничения их пределов, вытекающий из законодательства и складывающийся на практике. Так, при поступлении обращения в уполномоченный орган в первую очередь выясняется, может ли быть осуществлена административная процедура в соответствии с перечнем, установленным Указом Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» [11], и в зависимости от разрешения этого вопроса дальнейшая работа ведется в пределах, установленных либо Законом об основах административных процедур, либо Законом об обращениях граждан.

Отдельные особенности, установленные в настоящее время этими законами, не затрагивают сути этих видов процессуальной деятельности, а имеющиеся различия в законодательном регулировании в большинстве своем искусственно выделены. Они могут быть нивелированы в едином акте, а особенности работы также найдут свое отражение в нем.

Обращаясь к основному определению Закона об основах административных процедур – понятие этих процедур, следует сделать некоторые критические замечания. Во-первых, оно чрезмерно громоздко, что не соответствует правилам юридической техники. Во-вторых, оно не отражает реального единства различных групп заявлений как обращений, несмотря на отдельность правового регулирования этих групп. В-третьих, в существующем определении законодатель попытался объединить все возможные признаки, характеризующие административную процедуру: ее существование как деятельности, субъектов, основания, последствия осуществления и юридическую форму. Подобное совмещение допустимо (и даже желательно) для разграничения научных определений, зачастую показывающих связь отдельных признаков объекта ис-

следования. Введение подобного определения в Закон об основах административных процедур, как представляется, было обосновано необходимостью утверждения на законодательном уровне отличий этого вида деятельности от родственных ему видов. В-четвертых, данное определение не в полной мере соответствует содержанию всего Закона в части закрепления в нем понимания административной процедуры как совокупности ряда действий уполномоченных органов.

Считаем возможным предложить корректировку данного определения с учетом следующих научных представлений.

В первую очередь в определении зафиксировано, что процедура – это деятельность, а основанием для ее осуществления служит заявление заинтересованного лица (хотя, как отмечалось в науке еще на стадии обсуждения законопроекта [4, с. 140], в качестве основания следует признать также инициативу государственного органа).

Поскольку заявление – это ходатайство о реализации объективно закрепленных в нормах права прав, свобод и законных интересов, которые приобретают характер субъективных прав и обязанностей на основе их официального установления, изменения, прекращения и т.д., то логично отметить, что заинтересованное лицо и ходатайствует об этом, что следует отразить в определении применительно к заявлению, а не к деятельности уполномоченного органа.

В то же время уполномоченный орган на основе рассмотрения заявления принимает административное решение об удовлетворении заявления или его неудовлетворении, как это и указано в ст. 24 Закона об основах административных процедур.

Юридически значимым последствием этого рассмотрения выступает совершение административной процедуры (по содержанию действующего Закона [2, ст. 24, ч. 1 ст. 44]). Исключительный перечень видов административных процедур установлен в Указе Президента Республики Беларусь № 200 [11]. В контексте этого Указа и всего смысла Закона (за исключением его определения) административная процедура есть действие юридически значимого характера, юридической формой которого выступает определенный документ (справка, решение или др.).

Однако до совершения этого юридически значимого действия (административной процедуры) могут реализовываться организационные формы, которые в большинстве своем и описаны в анализируемом Законе. Именно поэтому понятие «административная процедура» как юридическое последствие (действие юридически значимого характера) употребляется только в первом разделе Закона, а порядок работы уполномоченного органа сводится к рассмотрению заявления, вынесению и исполнению административного решения (причем административное решение уста-

навливает возможность или невозможность осуществления административной процедуры).

В связи с вышеизложенным предлагается уточнить законодательное определение административной процедуры следующим образом:

«Административная процедура – действие юридически значимого характера, совершаемое уполномоченным органом по факту рассмотрения отдельных, предусмотренных законодательством, видов заявлений об установлении (предоставлении, удостоверении, подтверждении, регистрации, обеспечении), изменении, приостановлении, сохранении, переходе или прекращении прав и (или) обязанностей.

Осуществление административной процедуры оформляется принятием решения, выдачей документа (его принятием, согласованием, утверждением), внесением официальных записей».

Считаем нецелесообразным уточнять в Законе форму официальных записей – учет, регистрация и т.п. – или называть способы исполнения вынесенных решений – предоставление имущества, денежных средств, услуг. Эти формы и способы названы в Указе Президента Республики Беларусь № 200 [11].

Статью вторую, определяющую сферу отношений, регулируемых Законом, следует специально разделить на две части, указав в первой части, что сферой действия настоящего Закона является установление порядка работы с отдельной группой обращений граждан – заявлениями, результатом рассмотрения которых является осуществление административной процедуры. Специально также следует отметить, что порядок работы с иными обращениями регламентируется общим законодательством об обращениях граждан и юридических лиц. Такое решение позволит показать, что законодательство, определяющее административные процедуры, является специальным по отношению к общему законодательству об обращениях граждан. Во второй части анализируемой статьи следует разграничить сферы Закона об основах административных процедур и сферы иного законодательства.

При подобных законодательных решениях определение заявления заинтересованного лица, данное в ст. 1 действующего Закона об основах административных процедур, необходимо исключить.

Заключение

Таким образом, понятия «административная процедура» и «работа с обращениями граждан и юридических лиц» являются родственными, что может быть отражено в законодательных определениях этих видов деятельности, а также в определении сфер отношений, подлежащих законодательному регулированию. Значит, регламентирующие их законы подлежат совершенствованию. Вместе с тем

полагаем, что данное решение является временным. В дальнейшем в условиях стабилизации правовых отношений в сфере осуществления административных процедур, уменьшения их количества, использования средств электронного общения между государственными органами и обращающимися, а значит, снижения их актуальности, вопросы, связанные с рассмотрением обращений граждан и юридических лиц и административными процедурами, целесообразно будет регулировать единым законом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об обращениях граждан: Закон Респ. Беларусь, 6 июня 1996 г., № 407-ХІІІ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.11.2004 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
2. Об основах административных процедур: Закон Респ. Беларусь, 28 окт. 2008 г., № 433-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
3. Кулеш, Н.Н. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ в сфере регулирования административных процедур / Н.Н. Кулеш. – Минск, 2007. – 23 с. // Офиц. Интернет-портал Нац. центра зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.center.gov.by/debur/docs/info/analysis_CIS.pdf. – Дата доступа: 31.03.2011.
4. Чуприс, О.И. Развитие законодательства об административных процедурах в Республике Беларусь / О.И. Чуприс // Белорус. государственность и развитие нац. правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 марта 2008 г. / редкол.: Г.А. Василевич [и др.]. – Минск: Веды, 2008. – С. 137–140.
5. Саванович, Н.А. Административные процедуры в Республике Беларусь / А.Н. Саванович // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
6. О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 окт. 2007 г., № 498; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 11.12.2009 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
7. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 52 000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. С.П. Обнорского. – 3-е изд. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1975. – 848 с.
8. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г., № 2875-ХІІ (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
9. Скрябина, М.В. Реализация конституционного права граждан на обращения в органы публичной власти: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / М.В. Скрябина. – СПб., 2007. – 230 с.
10. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: учеб. / Г.А. Василевич. – Минск: Книжн. Дом, 2010. – 768 с.
11. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан: Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 21.01.2011 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Дата поступления статьи в редакцию 10.05.2011

УДК 341.4

ПРАВОМЕРНОСТЬ ЦЕЛЕВЫХ САНКЦИЙ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН В РАМКАХ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

ДОВГАНЬ Е.Ф.,доцент кафедры международного права факультета международных отношений
Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук

Принятие Советом Безопасности ООН целевых санкций в борьбе с международным терроризмом предоставляет государствам возможность для серьезных злоупотреблений. В статье дается правовая квалификация международного терроризма, определяется место прав человека в борьбе с ним, дается оценка правомерности применяемых Советом Безопасности ООН целевых санкций, раскрываются проблемы их имплементации на национальном уровне.

Targeted sanctions of the UN Security Council in the course of struggle against international terrorism are often used by states to justify their abuse of human rights. The article provides qualification of international terrorism, determines status of human rights while countering terrorism, assesses the legality of the UN SC targeted sanctions, considers disputable issues of their implementation.

После окончания «холодной войны» деятельность Совета Безопасности ООН (далее – СБ ООН) значительно активизировалась. СБ ООН расширил понятие угрозы международному миру и безопасности, включив в него, помимо прочего, международный терроризм (далее – МТ) (резолюции 1373(2001), 1511(2003)). При этом, несмотря на то, что СБ ООН был создан как орган, обеспечивающий исполнение права (ответственный за поддержание международного мира и безопасности – ст. 24(1) Устава ООН [17, с. 14]), а не создающий правовые нормы [1, с. 184–198; 2, с. 60–61; 3, с. 16–17], он оказал значительное влияние на формирование всей системы борьбы с МТ. Одним из методов, используемых СБ ООН, является введение целевых (индивидуальных) санкций, которые налагаются на конкретных физических лиц, а также юридические лица, вовлеченных в террористическую деятельность. В то же время, несмотря на стремление путем их введения снизить гуманитарный эффект в целом, правомерность деятельности СБ ООН в части принятия целевых санкций и их правовой статус неоднозначны. Существующий механизм предоставляет государствам возможность для злоупотреблений.

Отдельные из указанных проблем достаточно глубоко исследовались в правовой литературе. Так, правовое регулирование и институциональные механизмы защиты прав человека (далее –

ПЧ) в рамках борьбы с МТ, а также анализ и характеристики отдельных ПЧ при чрезвычайных обстоятельствах рассмотрены, например, А. Конте (США) [4], Р. Арнольдом (Швейцария) [5]. С. В. Глотова (Россия) исследует отдельные аспекты борьбы с МТ в деятельности СБ ООН [6]. Однако до настоящего момента не проводилось комплексной оценки целевых санкций СБ ООН и их реализации государствами в системе принципов и норм международного права.

Терроризм и международное право. До настоящего времени определение МТ отсутствует как в универсальных международных документах, так и в доктрине международного права. Это связано с тем, что терроризм может рассматриваться и с точки зрения права международной безопасности (угроза международному миру и безопасности, вооруженное нападение), и международного уголовного права (уголовное преступление, преступление международного характера, международное преступление). Проанализируем каждую из предлагаемых квалификаций.

Терроризм как угроза международному миру и безопасности. Деятельность террористических групп долгое время рассматривалась как дозволенная форма борьбы за самоопределение либо деятельность партизанских отрядов [7, с. 359, 369–373; 8, с. 38–40]. Впоследствии было признано, что акты терроризма не могут

оправдываться никакими соображениями независимо от их характера (резолюция Генеральной Ассамблеи (далее – ГА ООН) A/RES/49/60 от 17.02.1995 г.; п. 3 резолюции СБ ООН 1566(2004), преамбулы резолюций СБ ООН 1456(2003), 1822(2008), 1904(2009), Предварительный отчет 4734 заседания СБ ООН от 04.04.2003 г. (S/PV/4734)).

Оценка МТ в резолюциях СБ ООН и ГА ООН за последние 10 лет включала осуждение отдельных террористических актов (резолюции СБ ООН 1373(2001), 1516(2003)), всех видов, форм и практики терроризма (резолюция СБ ООН 1267(1999) и др.), признание их в качестве угрозы международному миру и безопасности (резолюции СБ ООН 731(1992), 1368(2001), 1373(2001), 1378(2001), 1438(2002), 1516(2003), п.1 Глобальной контртеррористической стратегии ООН A/Res/60/288 (далее – ГКТС)), политической независимости и территориальной целостности государств (п. 3 резолюции ГА ООН 54/164 от 24.02.2000 г.) и на последнем этапе – в качестве одной из наиболее серьезных угроз международному миру и безопасности (резолюции СБ ООН 1735(2006), 1822(2008), 1904(2009)).

В то же время следует согласиться с мнением Б.Саула (Австралия), который, несмотря на признание СБ ООН актов терроризма в качестве угрозы международному миру и безопасности, настаивает на том, что каждый отдельный акт терроризма вряд ли может квалифицироваться таким образом [9, с. 159]. На наш взгляд, МТ как явление представляет собой угрозу международному миру и безопасности. Отдельные акты терроризма могут рассматриваться в качестве таковой только в случаях, когда они обладают высокими разрушительными характеристиками либо организуются или контролируются государствами.

Терроризм как вооруженное нападение. Акты терроризма впервые стали рассматриваться как вооруженное нападение в США [10] для того, чтобы обеспечить правовую базу действиям США в Афганистане в 2001 году и Ираке в 2003 году. Путем снижения критериев самообороны и квалификации деятельности террористических организаций как вооруженного конфликта немеждународного характера делаются попытки обосновать применение вооруженной силы (в том числе для задержания лиц, подозреваемых в причастности к террористическим актам) против государства, нежелающего или неспособного подавить на своей территории террористическую деятельность [7, с. 359, 365, 374]. Однако данный подход становится в США непопулярным, поскольку в этом случае лицам, задержанным в ходе операции, должен быть предоставлен статус военнопленных и они не могут быть привлечены к ответственности за деяния, совершенные в период «вооруженного

конфликта» (за исключением серьезных нарушений Международного гуманитарного права (далее – МГП) [5, с. 298, 310; 7, с. 359, 365, 374].

В ст. 8 Проекта статей об ответственности государств 2001 года признается возможность рассматривать действия частных лиц и организаций как действия государства. Однако для того, чтобы квалифицировать акт терроризма как вооруженное нападение, он должен быть совершен под «существенным, эффективным» [11, с. 62–65] либо «всеобъемлющим» [12] контролем со стороны государства, обладать высоким уровнем разрушительности, быть длящимся, а также представлять угрозу политической независимости и территориальной целостности конкретного государства [11, с. 104, 110; 13, с. 1392; 14, с. 175–176; 15, с. 114–115]. В противном случае невозможно определить, кто осуществляет вооруженное нападение и против кого будет направлены действия по самообороне.

Государство, которое не контролирует совершение террористических актов, но поощряет, финансирует либо не подавляет деятельность террористических организаций на своей территории, нарушает международные обязательства, вытекающие из международных договоров (например, Конвенции по борьбе с финансированием терроризма 1999 года), резолюций СБ ООН и обычных норм международного права (например, обязанность обеспечить, чтобы деятельность под его юрисдикцией и контролем не причиняла ущерба другим государствам – Дело о проливе Корфу 1946 [16]). Такое государство несет ответственность за нарушение международных обязательств, но не отвечает за совершение конкретного террористического акта [11, с. 51, 62, 64–65; 17, с. 110, 312] и не может рассматриваться как совершившее вооруженное нападение.

Терроризм как международное преступление. Международные договоры и резолюции СБ ООН обычно закрепляют национальную юрисдикцию в отношении исполнителей терактов. В то же время МТ посягает на жизненно важные интересы государств, подрывает принципы международного права, представляет угрозу международному миру и безопасности. В резолюции 1822(2008) СБ ООН назвал терроризм «одной из самых серьезных угроз миру и безопасности, <...> не имеющими оправдания преступлениями».

Если изначально терроризм оценивался в качестве опасной деятельности (Конвенция о преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту воздушного судна 1963 года), то уже вскоре террористические акты были криминализированы (Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года, Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 года и др.). В последние

годы органы ООН рассматривают в качестве преступных все формы, практики и проявления терроризма (преамбулы резолюций СБ ООН 1456(2003), 1822(2008), 1904(2009)). Как и в универсальных антитеррористических конвенциях, СБ ООН признаются преступными: захват заложников (резолюции 579(1985), 618(1988), 638(1989)), убийство должностных лиц (Заявление Председателя СБ ООН от 22.11.1989 г. (S/20988)), использование пластиковой взрывчатки (п. 2, 4 резолюции 635(1989), бомбовый терроризм (п. 18 резолюции 1511 (2003)), разрушение гражданских воздушных судов (п. 2, 6 резолюции 748(1992), п. 1–7, 9–10, 16 резолюции 883(1993)) и др.

В доктрине наиболее серьезные акты МТ иногда квалифицируются как международные преступления. А.Кассесе (Италия) в качестве таковых рассматривает наиболее серьезные акты спонсируемого либо терпимого государства терроризма [18, с. 24, 126–129]. М.Ф.Шарф оценивает терроризм как эквивалент военных преступлений, совершенных в мирное время [7, с. 363–365]. С.В.Глотова, М.Байерс (США), Р.Ёнг полагают, что террористические акты, равные по разрушительности атаке 11 сентября, являются преступлениями против человечности [6, с. 146; 8, с. 31; 19, с. 413].

Международный терроризм как военное преступление. Акты терроризма, совершенные в период вооруженного конфликта, сложно квалифицировать. В некоторых случаях совершение враждебных действий против комбатантов противной стороны будет представлять собой нормальную практику ведения военных действий и, как следствие, не влечет ответственности исполнителей. В иной ситуации речь может идти о совершении уголовных преступлений, а в случаях, прямо предусмотренных нормами МГП, такие акты могут представлять собой военные преступления либо преступления против человечности.

МГП признает возможность квалифицировать акты как террористические, только если они совершены в отношении лиц, не принимающих участия в вооруженном конфликте (ст. 33 IV Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 года, ст. 51 Дополнительного протокола I 1977 года, ст. 4(2d) Дополнительного протокола II 1977 года). Отдельные виды преступлений, например, захват заложников, также криминализованы (ст. 3(1b) Женевских конвенций 1949 года, ст. 34 IV Женевской конвенции, ст. 4(2c) Дополнительного протокола II, ст. 2(h), 3 Статута МУТЮ, ст. 8(2aiii, 2ciii) Римского статута, ст. 4с Статута МУТР).

Необходимо учитывать, что сам факт вооруженного конфликта не влечет автоматически прекращения действия законодательства государства (в том числе уголовного права и права прав человека (далее – ППЧ) и универсальных международных договоров [20, с. 592; 21, с. 145–146]. В период вооруженных конфликтов нормы МГП выступают в качестве *lex specialis* [5, с. 302–303] и, как следствие, обладают приоритетом по отношению к положениям Международного уголовного права (далее – МУП) и ППЧ, что подчеркивается и в универсальных конвенциях по борьбе с терроризмом (ст. 12 Конвенции по борьбе с захватом заложников 1979 года, ст. 4 Конвенции по борьбе с ядерным терроризмом 2005 года). Последние, однако, продолжают применяться в период вооруженных конфликтов любого типа в части, неурегулированной МГП (§ 34–35 КЗ МС ООН о правомерности применения или угрозы применения ядерного оружия 1996 года, § 3 Основных принципов защиты гражданского населения во время войны – резолюция ГА ООН 2675 (XXV) от 9.12.1970 г.) [4, с. 7; 22, с. 9; 23, с. 240].

Терроризм как уголовное преступление международного характера. Если относиться к МТ, как к уголовному преступлению международного характера (В.Ю.Федянин (Россия) [24, с. 161–162], П. ван Крикен (Нидерланды) [25, с. 17], М.Е.О’Коннелл [26, с. 32]), то лица, виновные в совершении данного преступления, подлежат уголовному преследованию по законодательству отдельных стран и их дела должны слушаться национальными судами. Относительно экстрадиции террористов будет действовать принцип *aut dedere aut judicare* (п. 2 резолюции СБ ООН 1566(2004)).

Поскольку МТ имеет черты и международных преступлений, и уголовных преступлений международного характера, в доктрине предлагается наиболее серьезные дела передавать на рассмотрение Международного уголовного суда (далее – МУС) согласно ст. 5, 7(1a, k), 13 Римского статута, специального международного трибунала либо трибуналов *ad hoc* [24, с. 161–163; 27, с. 114; 28, с. 1; 29, с. 37; 30, с. 667], а в иных случаях предоставить возможность действовать национальным судам в соответствии с национальным правом [18, с. 344–345; 20, с. 565]. Для привлечения к ответственности исполнителей актов МТ государства обязаны криминализовать деяния, рассматриваемые в качестве таковых в универсальных документах, направленных на борьбу с терроризмом*.

Целевые санкции СБ ООН в борьбе с МТ. Согласно ст. 25 Устава ООН государства обяза-

* Ст. 4 Конвенции по борьбе с финансированием терроризма 1999 года, ст. 4 Конвенции по борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года, ст. 5 Конвенции по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 года, ст. 2 Конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 года, ст. 1 Протокола по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 1988 года, ст. 3 Протокола по борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах 1988 года, ст. 3 Конвенции по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 года, ст. 5 Международной конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма 2005 года.

ны выполнять резолюции СБ ООН, действующего в рамках его компетенции. Долгий период времени СБ ООН, признавая акты, методы и явления терроризма в качестве угрозы международному миру и безопасности, принимал экономические и иные санкции к государствам, поддерживающим или финансирующим террористов либо не желающим или не способным подавить террористическую деятельность на своей территории. Такие санкции, однако, имеют избирательное действие и оказывают негативное воздействие на население государства, но не на правительство. Они также используются как средство давления (например, Акт Кеннеди д'Амато 1996 года, Акт Хелмса-Бартона 1996 года)[18, с. 4]. В связи с этим, а также учитывая тот факт, что акты международного терроризма совершаются не государствами, а конкретными физическими и юридическими лицами, с 1999 года (резолюция 1267(1999))^{*} СБ ООН начал принимать целевые санкции, направленные против конкретных физических и юридических лиц.

Возможность принятия целевых санкций не предусмотрена в ст. 41, 42 Устава ООН. В то же время закрепленный в указанных статьях перечень не является исчерпывающим. Устав ООН не содержит и перечня субъектов, к которым СБ ООН может применять принудительные меры, предусматривая лишь обязанность государств обеспечить их использование (ст. 39, 41, 42).

В связи с изменяющимся характером международных отношений [31, с. 887] за Международными правовыми организациями (далее – МПО) признается возможность совершать действия, прямо не закрепленные в их учредительных документах, но необходимые для достижения поставленных перед ними целей и выполнения их функций (имманентная компетенция). За СБ ООН такое право было специально признано Международным судом ООН (далее – МС ООН) уже в 50–60 годах XX века (КЗ о компенсации за ущерб, понесенный на службе ООН 1949 года, КЗ об определенных расходах ООН 1962 года) [32, с. 167; 33, с. 182]. Именно в рамках имманентной компетенции СБ ООН расширяет сферу своей деятельности, рассматривая в качестве угрозы международному миру и безопасности широкий круг вопросов, учреждая международные трибуналы и проч. Поэтому представляется, что принятие СБ ООН целевых санкций не противоречит Уставу ООН.

^{*} Целевые санкции введены СБ ООН также резолюциями 1333(2000), 1390(2002), 1455(2003), 1526(2004), 1617(2005), 1735(2006), 1737(2006), 1822(2008), 1904(2009).

^{**} СБ ООН резолюцией 1566(2006) учредил Центральный пункт (Focal point), резолюцией 1904(2009) введена должность омбудсмена.

^{***} На сегодняшний день из около 400 лиц и более 100 организаций, включенных в списки согласно резолюции 1267(1999) и последующим, 64 физических лица и организации исключены из списков. Однако до сих пор в них остаются люди, которые уже умерли, лица, сотрудничающие с правительством, лица, признанные невиновными после судебного разбирательства, организации, прекратившие свое существование [3, с. 219, 221–222; 5, с. 4].

Целевые санкции СБ ООН обычно включают наложение следующих ограничений на индивидов и юридические лица:

замораживание счетов и иных финансовых активов либо экономических ресурсов, собственности, которая прямо или косвенно контролируется лицами и организациями, включенными в список (§ 4(b) резолюции 1267(1999), § 1(a) резолюции 1904(2009));

запрет въезда или транзита через свою территорию (§ 1(b) резолюции 1904(2009));

предотвращение прямых или косвенных поставок оружия, оборудования, иных материалов, технических консультаций, подготовки в военной сфере (§ 1(c) резолюции 1904(2009)), в области использования или изготовления радиоактивных веществ.

Применение государствами таких санкций к внесенным в списки лицам существенным образом ограничивает права физических лиц, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года (далее – МПГПП), в том числе право на личную свободу (ст. 9), свободу передвижения (ст. 12), свободу от дискриминации (ст. 2, 27), запрет вмешательства в личную и семейную жизнь (ст. 17) и проч. (§ 38–39 Отчета специального докладчика по поощрению и защите ПЧ в ходе борьбы с терроризмом от 29.01.2007 (A/HRC/4/26)) [34, с. 798]), и по сути является наказанием [см. 31, с. 905].

В этой связи необходимо иметь в виду, что цели, принципы и механизмы международного уголовного права, с одной стороны, и имплементации санкций СБ ООН – с другой, принципиально отличаются. Поскольку СБ ООН является политическим, но не правотворческим или судебным органом [31, с. 889; 34, с. 799], принимаемые им решения по включению лиц и организаций в списки являются политическими, кардинально отличаются от уголовных наказаний, налагаемых по решению суда. При этом включение лиц в списки осуществляется на основании информации, поступающей от государств, критерии для их включения не являются жесткими, отсутствует процедура обоснования включения и действенная процедура обжалования. Процедура исключения из списков по заявлению заинтересованных лиц появилась только в 2006 году^{**} и до настоящего момента крайне малоэффективна^{***}.

МТ и ПЧ. Борьба с МТ и уважение основополагающих ПЧ тесно связаны. С одной стороны,

акты терроризма наносят ущерб физическим лицам и их имуществу, с другой – несоблюдение ПЧ в государстве может стать причиной совершения террористических актов, в борьбе с терроризмом могут ущемлять права лиц, подозреваемых в совершении терактов, и населения в целом.

Согласно ГКТС все формы и проявления терроризма являются действиями, уничтожающими права и основные свободы человека [34, с. 799–800]. Соблюдение ПЧ является неотъемлемой мерой по борьбе с МТ, а контртеррористические меры должны включать участие в международных договорах по ПЧ, сотрудничество в области безопасности и уголовном правосудии, принятие соответствующих актов национального права, в том числе, направленные на защиту ПЧ (ч. IV ГКТС, п. 113 Доклада ГС ООН «Объединяясь в борьбе против терроризма» 2006 года А/60/825, Отчет Контртеррористического комитета ООН (S/2005/800/2005), п. 82 Доклада ГС ООН «Деятельность системы ООН по имплементации ГКТС» 2008 года А/62/898 [22, с. 6].

Таким образом, защита ПЧ является неотъемлемым элементом борьбы с МТ. Поскольку борьба с МТ часто использовалась государствами для решения внутренних проблем и влекла массовое нарушение ПЧ, подход ООН к данной проблеме существенно изменился. Так, если изначально СБ ООН делал основной акцент на необходимость борьбы с терроризмом, санкционируя государства бороться с угрозами МТ «всеми необходимыми методами» (резолюция 1368(2001)), то в последующих резолюциях четко прослеживается стремление ограничить круг принимаемых мер. СБ ООН требует от государств действовать в соответствии с Уставом ООН (резолюции 1373(2001), 1516(2003)), международным правом (резолюция 1735(2006)), особо подчеркивая роль норм ППЧ, прав беженцев, МГП (преамбулы резолюций 1566(2004), 1624(2005), 1822(2008), 1904(2009)). Более того, для контроля за соблюдением ПЧ в рамках ООН учреждены специальные институциональные структуры, включая специального докладчика по поощрению и защите ПЧ в борьбе с терроризмом – 2005 год (п. 14 резолюции Комиссии по ПЧ 2005/80 (E-CN₄-RES-2005-80)), рабочую группу по проблеме защиты ПЧ в борьбе с международным терроризмом, Центральный орган (§ 1, прил. резолюции СБ ООН 1730(2006)), омбудсмена (§ 20–21, прил. 2 к резолюции 1904(2009)). В связи с вышеизложенным представляется целесообразным определить правомерные пределы ограничения основополагающих ПЧ в период борьбы с терроризмом.

Права человека в условиях борьбы с терроризмом.

Статус основополагающих прав человека. В современном международном праве основные стандарты по защите ПЧ и основных свобод являются обычными общепризнанными нормами международного права (*erga omnes*), которые носят императивный характер (*jus cogens*) [35, с. 32; 36, с. 133; 37, с. 77; 38, п. 226–232; 39, с. 277–283].

На сегодняшний день нормы *jus cogens* обладают наивысшим статусом в системе международного права. Они распространяются на всех субъектов международного права, включая СБ ООН [31, с. 886; 40, с. 858–859]. Нормы, противоречащие положениям *jus cogens*, недействительны с момента их принятия (ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969 г.).

Ограничения прав человека. В современном международном праве любые ограничения ПЧ могут осуществляться либо в период чрезвычайного положения в соответствии с процедурой, предписанной законом (ст. 4 МПГПП), либо в части, касающейся ограничений прав отдельных лиц, – в соответствии с решением суда, принятым согласно действующему законодательству. При этом такие ограничения должны прямо предусматриваться национальным правом и носить минимальный, пропорциональный, необходимый и недискриминационный характер (пп. 2, 4–5 Общих комментариев № 29 к ст. 4 МПГПП – ССР/С/21/Rev.1/Add.11). Согласно ст. 4(2) МПГПП запрещается отклонение от ст.ст. 6 (право на жизнь), 7 (свобода от пыток), 8 (1, 2) (свобода от рабства), 11 (запрет уголовного преследования за нарушение договорных обязательств), 15 (гарантии уголовного производства), 16 (право на признание правосубъектности) и 18 (свобода мысли, совести и религии).

В контексте данного исследования наибольший интерес представляют ст.ст. 14(2–7) и 15. В отличие от ст. 15, запрещающей привлечение к ответственности за действия или упущения, которые в момент их совершения не являлись уголовным преступлением, ст. 14, пп. 2–7 которой закрепляют минимальные гарантии в уголовном процессе, не включена в перечень ст. 4(2). В то же время неотъемлемый характер права на должный процесс в рамках уголовного преследования получил признание со стороны органов по защите ПЧ (§ 16 Общих комментариев КППЧ № 29) и нашел свое отражение в доктрине [5, с. 305; 22, с. 40–41] и международных договорах (пр. V Принципов Нюрнбергского трибунала, ст. 72–73, 146(4) IV Женевской конвенции 1949 года, ст. 105–108, 129(4) III Женевской конвенции, ст. 75 Дополнительного протокола I, ст. 6 Дополнительного протокола II).

Нарушение данного права рассматривается как серьезное нарушение МГП (ст. 147 IV Женевской конвенции, ст. 85(4e) Дополнительного протокола I).

Учитывая универсальное применение и признание права на должный процесс как нормы, отклонение от которой недопустимо, представляется возможным сделать вывод, что право на должный процесс в рамках уголовного обвинения является основополагающим ПЧ, нормой *jus cogens*, ограничения которого недопустимы ни при каких обстоятельствах.

СБ ООН и ППЧ. Как отмечалось выше, принятие СБ ООН целевых санкций является политической мерой. При том, что права внесенных в списки физических лиц существенно ограничиваются аналогично наказанию за уголовные преступления, процессуальные гарантии в отношении таких лиц отсутствуют: индивидуальное слушание дела лица не проводится, уголовное обвинение часто не предъявляется, лицо не имеет возможности защищать свои интересы и практически лишено возможности обжалования внесения в список, что нарушает ст.ст. 14, 15 МПГПП.

Устав ООН, предоставляя СБ ООН широкие полномочия, не содержит положений относительно правовой силы и последствий принятия резолюций, противоречащих нормам *jus cogens*. В то же время ООН является МПО, учрежденной по соглашению между государствами на основании международного договора. Это значит, что ООН и ее органы, в том числе СБ ООН, должны действовать в рамках системы принципов и императивных норм международного права [3, с. 21; 41, с. 93; 42, с. 63, 68; 43, с. 425]. Резолюции СБ ООН должны соответствовать нормам *jus cogens* [38, с. 230; 39, с. 281]. В противном случае они (по аналогии с положениями ст. 53 Венской конвенции 1969 года) будут недействительными с момента их принятия [34, с. 801; 41, с. 98; 43, с. 423, 465–469; 44, с. 66–67; 45, с. 88–89 (п. 8); 46, с. 440 (п. 100); 47, с. 26].

Обязанность СБ ООН действовать в соответствии с императивными нормами международного права и в особенности согласно обязательствам по защите ПЧ закреплена в ст. 24(2) Устава ООН, согласно которой СБ ООН при исполнении своих полномочий должен руководствоваться целями и принципами ООН, одним из которых и является «уважение прав человека и основных свобод для всех» (преамбула, ст. 1(3) Устава ООН) [см. 31, с. 886; 42, с. 67; 43, с. 429]. В связи с этим представляется, что указанные цели вряд ли могут быть достигнуты путем ущемления основополагающих ПЧ. Деятельность СБ ООН по введению целевых санкций в

существующей сегодня форме нарушает право на справедливое судебное разбирательство (должный процесс) и по сути налагает наказание за деяния, не рассматриваемые в качестве преступлений (*nullum crimen*), то есть нарушает нормы *jus cogens* [5, с. 3, 7; 31, 906–909; 38, с. 299; 39, с. 248].

Таким образом, принятие СБ ООН целевых санкций к физическим лицам и организациям (в той части, в которой они затрагивают индивидуальные права человека) создает противоречие между положениями права международной безопасности и императивными нормами международного права*. Когда государства начинают применять санкции СБ ООН, они сталкиваются с дилеммой, в результате которой оказываются нарушенными нормы международного права. С одной стороны, в соответствии со ст. 25 Устава ООН государства обязаны выполнять решения СБ ООН, принимаемые на основании главы VII. Невыполнение его санкций ставит под угрозу международный мир и безопасность. В то же время реализация целевых санкций СБ ООН представляет собой нарушение норм *jus cogens* и, как следствие, ведет к дестабилизации всей системы международных отношений [41, с. 99, 103].

В литературе применение СБ ООН целевых санкций в нарушение основополагающих ПЧ часто обосновывается чрезвычайными обстоятельствами и необходимостью защиты общественных ценностей [41, с. 95; 48, с. 697–699], а ущемление прав лиц, внесенных в списки, рассматривается как определенное изъятие для общего блага [3, с. 220]. В целом, и международное, и национальное право признают возможность отступления от прав отдельного лица для защиты общественных интересов (ЕСПЧ *S. v. France* 1988, *Powell & Rayner v. United Kingdom* 1990, *Fredin v. Sweden* 1990; *Pine Valley Development Ltd. & Others v. Ireland* 1991). Однако, на наш взгляд, идея нарушения основополагающих ПЧ и основных свобод в целях защиты ПЧ как «меньшее зло» противоречива и порочна с точки зрения и морали, и права, тем более что СБ ООН уже наделен исключительными полномочиями для того (и только затем), чтобы справляться с чрезвычайными ситуациями. Как справедливо отмечает итальянский автор А.Биччи, нельзя создавать исключения из уже существующих исключений [31, с. 891–892].

Таким образом, в случае, когда государства автоматически выполняют решения СБ ООН по введению целевых санкций против отдельных индивидов и организаций, вводя в отношении

* В связи с этим Л. ван ден Херик даже указывает на все возрастающую необходимость защиты ПЧ от деятельности МПО, в частности СБ ООН [34, с. 787].

физических лиц наказания без обеспечения гарантий должного процесса, они нарушают императивные нормы международного права как обязательства высшего порядка, несмотря на то, что они действовали по санкциям СБ ООН (принцип IV принципов Нюрнбергского трибунала). В то же время, если государство будет рассматривать дело каждого внесенного в списки лица, это будет нарушением принципа *non bis idem* (не быть судимым дважды за одно преступление), закрепленного в ст. 14(7) МПГПП. В случае же, когда государство вынесет решение о невиновности лица и не применит к нему предписанные СБ ООН меры, это будет являться прямым нарушением санкций СБ ООН и потенциально способно подорвать существующую систему коллективной безопасности. Указанный конфликт между нормами, направленными на благо всего человечества, не может быть разрешен на национальном уровне. В связи с этим необходимо изменение всей системы целевых санкций СБ ООН.

Республика Беларусь и целевые санкции СБ ООН. На сегодняшний день Республикой Беларусь предпринимаются активные меры, направленные на борьбу с МТ, в том числе в части криминализации деяний, признанных преступными в универсальных и региональных международных договорах, обеспечения соответствия режима введения чрезвычайного положения стандартам ст. 4 МПГПП и Общих комментариев № 29 Комитета ООН по правам человека, закрепления гарантий права на должный процесс и запрет дискриминации в ходе уголовного преследования и др.*

Обращаясь к проблеме реализации санкций СБ ООН в Республике Беларусь, необходимо отметить, что до настоящего времени не принято общего нормативного правового акта, регулирующего порядок осуществления его санкций. В связи с этим данный вопрос рассматривается государственными органами Республики Беларусь на *ad hoc* основе, что, безусловно, создает проблемы в части реализации и эффективности санкций.

В то же время законодательство Республики Беларусь содержит отдельные нормы, регулирующие возможность включения лиц в списки в связи с их возможной причастностью к осуществлению террористической деятельности, в том числе в результате их включения в списки СБ ООН. Ст.ст. 23, 23¹ Закона о борьбе с терроризмом от 03.01.2002 г. (ред. от 28.12.2009), ст.ст. 12–13 Закона о противодействии экстремизму от 04.01.2007 г. (ред. от 28.12.2009) закрепляют возможность признать террористическими организации, в том числе осуществляющие фи-

нансирование террористической деятельности, и запретить их деятельность в государстве на основании решения Верховного Суда Республики Беларусь. В целях предотвращения легализации доходов, полученных незаконным путем, и финансирования террористической деятельности Комитетом государственной безопасности составляются списки лиц, вовлеченных в осуществление финансовых операций, в том числе на основании информации, полученной от международных организаций, осуществляющих борьбу с терроризмом (пп. 1.2.1 п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11 марта 2006 г. № 336 «О порядке определения перечня участников финансовой операции, в отношении которых имеются сведения об их участии в террористической деятельности либо нахождении под контролем лиц, участвующих в террористической деятельности, и доведения этого перечня до сведения лиц, осуществляющих финансовых операции»). В этой связи следует отметить, что законодательство Республики Беларусь не содержит положений об автоматическом применении санкций в отношении лиц, включенных в списки СБ ООН. Возможность оценки судом правомерности включения в такие списки осуществляется только в отношении организаций. При этом теоретически возможны случаи, когда Верховный Суд Республики Беларусь откажется признать организацию террористической и применить в отношении нее санкции, несмотря на ее включение в списки СБ ООН.

Заключение. МТ является многоаспектным феноменом. Борьба с ним должна осуществляться государствами и МПО по целому ряду направлений как на международном, так и на национальном уровнях. МТ как явление, а также акты терроризма, организуемые государствами или осуществляемые под их контролем, представляют угрозу международному миру и безопасности. Отдельные акты терроризма являются в зависимости от их характера международными преступлениями, уголовными преступлениями международного характера или преступлениями согласно национальному праву. Их исполнители подлежат уголовной ответственности.

На государствах лежит обязанность не участвовать в совершении актов МТ, принимать меры по борьбе с ним, включая обязанность присоединиться к соответствующим универсальным и региональным конвенциям и имплементировать нормы указанных конвенций в национальное законодательство, в том числе криминализировать предусмотренные ими деяния, сотрудничать с другими государствами в борьбе

* Подробнее по вопросу имплементации международных обязательств по борьбе с МТ в законодательстве Республики Беларусь см. [49].

с терроризмом, подавлять деятельность террористов на своей территории, все виды поощрения терроризма, обеспечивать ПЧ и основные свободы, например, право на должный процесс и справедливое судебное разбирательство.

Организация государством террористических актов либо руководство ими в зависимости от обстоятельств могут рассматриваться как вмешательство во внутренние дела, применение силы, агрессия или вооруженное нападение. В иных случаях (финансирование террористических актов, непринятие мер по подавлению террористических актов) государство отвечает за нарушение его обязательств по пресечению деятельности террористических организаций в соответствии с нормами права международной ответственности, но не несет ответственности за сами террористические акты.

СБ ООН внес огромный вклад в формирование правовой базы по борьбе с МТ. Именно он посредством принятия соответствующих резолюций перешел от восприятия терроризма как отдельного преступления до его оценки в качестве угрозы международному миру и безопасности. В настоящий момент можно констатировать, что основные ориентиры в области борьбы с МТ сформировались. В то же время проблема обеспечения основополагающих ПЧ в рамках данного вопроса еще не решена. Борьба с терроризмом подорвала и до настоящего времени подрывает основополагающие ценности ООН, а именно: запрет применения силы на международной арене и обеспечение основополагающих ПЧ.

Принятие СБ ООН целевых санкций к индивидам и организациям как средство поддержания международного мира и безопасности в целом не противоречит Уставу ООН. В то же время принятие таких санкций и их применение государствами в существующей сегодня форме представляет собой нарушение основополагающих ПЧ, в том числе права на судебный процесс (ст. 14 МПГПП) и запрет быть осужденным за деяние, не являющееся преступлением на момент его совершения (ст. 15 МПГПП), которые представляют собой императивные нормы международного права.

Существующий механизм целевых санкций СБ ООН неправомерен с точки зрения международного права, представляет собой вмешательство во внутренние дела всех государств, лишая их права действовать в соответствии с нормами международного права, принуждая к нарушению норм *jus cogens*, и требует доработки. В частности, государство должно иметь право предложить лицо для включения в перечень СБ ООН только одновременно с возбуждением уголовного (для физических лиц) либо административного (для организаций) производства в отношении него, поскольку в соответствии с универсальными

либо региональными международными договорами на государства возлагается обязанность криминализовать деяния, представляющие собой преступления терроризма. В этом случае применение санкции будет длиться, в зависимости от результатов рассмотрения, либо до вынесения оправдательного приговора (принятия решения о непричастности организации к осуществлению либо финансированию террористической деятельности), либо до снятия с лица судимости. Как справедливо отмечает Дж.Фаррал, введение санкций должно носить временный характер, до момента, когда дело индивидуально будет рассмотрено уполномоченным органом, с возможностью высказать свою точку зрения и предоставить доказательства своей невиновности [3, с. 237–238].

На государство должна возлагаться обязанность извещать соответствующий комитет по санкциям о принятом решении. Лица должны иметь возможность представить ходатайство об исключении их из списка (включая случаи, когда уголовное производство в отношении них носило явно дискриминационный характер без соблюдения гарантий должного процесса), а также известить о вынесении в отношении него оправдательного приговора либо снятии судимости. Указанные действия позволят избежать/свести к минимуму нарушения императивных норм международного права, в первую очередь в области защиты ПЧ как на универсальном, так и на национальном уровнях.

В рамках процесса реформирования ООН также возможно наделение МС ООН компетенцией давать консультативные заключения о соответствии нормам международного права резолюций СБ ООН по запросам акторов, ныне обладающих таким правом, и государств. Это позволит избежать структурного реформирования СБ ООН, сохранить при этом уважение к основополагающим принципам международного права и его императивным нормам, тем более что указанные органы уже осуществляли параллельную юрисдикцию по целому ряду дел (Дело Локкерби 1998 года (пп. 36–50) [50, с. 128–134], о захвате заложников в Тегеране 1980 года (пп. 31–44) [51, с. 16–24], дело о проливе Корфу 1946 года [16]). Решения, признанные не соответствующими принципам и императивным нормам международного права, а также принятые с превышением полномочий, должны утрачивать свою силу с момента вынесения консультативного заключения МС ООН, а противоречащие нормам *jus cogens* – с момента их принятия. Представляется, однако, нецелесообразным приостановление действия решений, в отношении которых в МС ООН подана просьба о консультативном заключении, с целью предотвращения злоупотребления правом со стороны затрагиваемых государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alvarez, J.E. *International Organizations as Law-Makers* / J.E. Alvarez. – New York: Oxford University Press, 2005. – 660 p.
2. Eitel, T. The UN Security Council and its Future Contribution in the Field of International Law / T. Eitel // *Max Plank Yearbook of United Nations Law*. – 2000. – P. 53–71
3. Farral, J.M. *United Nations Sanctions and the Rule of Law*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 542 p.
4. Conte, A. *Handbook on Human Rights Compliance While Countering Terrorism* / A. Conte. – Washington: Center on Global Counterterrorism Cooperation, 2008. – 31 p.
5. Arnold, R. Human Rights in Times of Terrorism / R. Arnold // *Zeitschrift für Ausländisches Öffentliches Recht und Völkerrecht*. – 2006. – Vol. 66. – P. 297–319.
6. Глотова, С.В. Правовые аспекты борьбы с терроризмом и Совет Безопасности ООН / С.В. Глотова // *Моск. журн. междунар. права*. – 2005. – № 4. – С. 142–165.
7. Scharf, M. Defining terrorism as the Peacetime Equivalent of War Crimes: Problems and Prospects / M.F. Scharf // *Case Western Reserve University School of Law*. – Vol. 36. – 2004. – P. 359–374.
8. Young, R. Defining Terrorism: The Evolution of Terrorism as a Legal Concept in International Law and Its Influence on Definitions in Domestic Legislation / R. Young // *Boston College International and Comparative Law Review*. – Vol. 29. – 2006. – P. 23–106.
9. Saul, B. Definition of «Terrorism» in the UN Security Council: 1985–2004 / B. Saul // *Chinese Journal of International Law*. – 2005. – Vol. 4 – No. 1. – P. 141–166.
10. Murphy, S.D. Terrorism and the Concept of «Armed Attack» in Article 51 of the U.N. Charter / S.D. Murphy // *Harvard International Law Journal*. – 2002. – Vol. 43. – No. 1. – P. 41–51.
11. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) Preliminary objections, Judgment of 26.11.1984 // *I.C.J. Reports*. – The Hague: I.C.J., 1984. – P. 392–443.
12. Prosecutor v. Tadic, Judgment of 15 Jul. 1999, ICTY. Appeals Chamber. // *International Criminal Tribunal*. – [Electronic resource]. – Mode of Access: <http://www.un.org/icty/tadic/aPeal/judgement/tad-aj990715e.pdf> – Date of access: 20.03.2004.
13. Bruha, T. Use of Force, Prohibition of / T. Bruha // *United Nations: Law, Politics and Practice* / ed. by R. Wolfrum. Vol.2. – Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers/ München: Verlag C.H. Beck, 1995. – P. 1387–1399.
14. Dinstein, Y. *War, Aggression and Self-Defence*. 3rd. edition. / Y. Dinstein – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 300 p.
15. Frowein, J.A. Legal Consequences for International Law Enforcement in the Case of Security Council Inaction / J.A. Frowein // *The Future of International Law Enforcement: New Scenarios – New Law?: Proceedings of an International Symposium of the Kiel Institute of International Law*. Mar. 25 to 27, 1992 / Ed. by J. Delbrück. – Berlin: Bunker und Humblot, 1993. – P. 111–124.
16. The Corfu Channel Case (Albania v. United Kingdom), Merits // *I.C.J. Reports* 1949. – The Hague: I.C.J., 1949. – P. 4–170.
17. Crawford, J. *The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries* / J. Crawford. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 387 p.
18. Cassese, A. *International Criminal Law* / A. Cassese. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 472 p.
19. Byers, M. Terrorism, the Use of Force and International Law after 11 September 2001 / M. Byers // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2002. – Vol. 51, Part. 2. – P. 401–414.
20. Brownlie, J. *Principles of Public International Law*. 6th ed. / J. Brownlie. – Oxford, Oxford University Press, 2003. – 742 p.
21. Malanczuk, P. *Akehurst's Modern Introduction to International Law*. 7th revised Edition / P. Malanczuk. – London: Routledge, 1997. – 449 p.
22. *Handbook on Criminal Justice and Responses to Terrorism, Criminal Justice Handbook Series* // United Nations: New York, 2009. – 127 p.
23. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. Advisory Opinion // *I.C.J. Reports*. – The Hague: I.C.J., 1996. – P. 226–267.
24. Федянин, В.Ю. Актуальные вопросы обеспечения ответственности за терроризм в международном уголовном праве / В.Ю. Федянин // *Моск. журн. междунар. права*. – 2001. – № 3. – С. 159–169.
25. *Terrorism and the International Legal Order* / Ed. by P.J. van Krieken. – The Hague: T.M.C. ASSER Press, 2002. – 482 p.
26. O'Connell, M.E. Evidence of Terror / M.E. O'Connell // *Journal of Conflict and Security Law*. – 2002. – Vol. 7. – No. 1. – P. 19–36.

27. Каламкьян, Р.А. Кодификация международного права и современный миропорядок / Р.А. Каламкьян. – М.: Наука, 2008. – 274 с.
28. Там же.
29. Pillay, N. The Role of International Criminal Court in an Emerging System of International Justice / N. Pillay // Beyond the UN Charter: Peace, Security and the Role of Justice / ed. by O. Ribbelink. – The Hague: Hague Academic Press, 2008. – P. 35–43.
30. Zaid, M.S. Combating International Terrorism into the 21st century / M.S. Zaid // ILSA Journal of International and Comparative Law. – 1996. – Vol. 2. – No. 3. – P. 661–669.
31. Bianchi, A. Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: the Quest for Legitimacy and Cohesion / A. Bianchi // European Journal of International Law. – 2007. – No. 5. – P. 881–919.
32. Certain Expenses of the United Nations (Article 17, Paragraph 2, of the Charter), Advisory Opinion // I.C.J. Reports. – The Hague: I.C.J., 1962. – P. 151–309.
33. Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations. Advisory Opinion // I.C.J. Reports 1949. – The Hague: I.C.J., 1949. – P. 174–189.
34. Herik L. van den, The Security Council's Targeted Sanctions Regimes: In Need of Better Protection of the Individual // Leiden Journal of International Law. – Vol. 20(2007). – P. 797–807.
35. Barcelona Traction, Light and Power Company, Ltd. // I.C.J. Reports. – The Hague: I.C.J., 1970. – P. 3–113.
36. International Status of South-West Africa. Advisory Opinion // I.C.J. Reports. – The Hague: I.C.J., 1950. – P. 128–145.
37. Interpretation of Peace Treaties, Advisory Opinion. // I.C.J. Reports. – The Hague, I.C.J., 1950. – P. 65–78.
38. Kadi v. Council and Commission, ECJ, Case T 315/01 of 21.09.2005 [Electronic resource] / – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62001A0315:EN:HTML> – Date of access – 10.02.2010.
39. Yusuf and al Barakaat International Foundation v. Council and Commission, CFI Case T306/01, 21.09.2005 [Electronic resource] / – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62001A0306:EN:HTML>.
40. Reinisch, A. Developing Human Rights and Humanitarian Law of the Security Council for the Imposition of Economic Sanctions / A. Reinisch // American Journal of International Law. – 2001(95). – P. 851–872.
41. Doehring, K. Unlawful Resolutions of the Security Council and Their Legal Consequences / K. Doehring // Max Plank Yearbook of United Nations Law. – 1997. – P. 91–109.
42. Orakhelashvili A. The Impact of Peremptory Norms on the Interpretation and Application of United Nations Security Council Resolutions / A. Orakhelashvili // European Journal of International Law. – 2005. – Vol. 16. – No. 1. – P. 59–88.
43. Orakhelashvili, A. Peremptory Norms in International Law / A. Orakhelashvili. – New York: Oxford University Press, 2008. – 622 p.
44. Международное публичное право: учеб. / под ред. К.А. Бекяшева. – М.: Проспект, 1999. – 608 с.
45. Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda), Judgment of 3 February 2006, Separate Opinion of Judge Dugard // ICJ Rep. 2006. – P. 86–94.
46. Case Concerning the Application of the Genocide Convention (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia), Order of 13 September 1993 on the Request for the Indication of Further Provisional Measures, Separate Opinion of Judge Lauterpacht // I.C.J. Reports, 1993. – P. 407–448.
47. Cassese, A. Ex Iniuria ius oritur: Are we moving toward International Legitimation of Forcible Humanitarian Countermeasures in the World Community? / A. Cassese // European Journal of International Law. – 1999. – Vol. 10, No. 1. – P. 23–30.
48. Benvenisti, E. The US and the Use of Force: Double-edged Hegemony and Management of Global Emergencies / E. Benvenisti // European Journal of International Law. – Vol. 15. – 2004. – P. 677–700.
49. Довгань, Е.Ф. Имплементация норм по борьбе с международным терроризмом в законодательстве Республики Беларусь / Е.Ф. Довгань // Право в совр. бел. о-ве: сб. науч. тр. Вып. 5. – Минск: Право и экономика, 2010. – С. 130–141.
50. Case Concerning Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention Arising from Aerial Incident at Lockerbie, Judgment of 27/02/1998, Preliminary objections // I.C.J. Reports 1998. – P. 115–136.
51. Case Concerning United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran, Judgment of 24.05.1980 // I.C.J. Reports 1980. – P. 3–46.

Дата поступления статьи в редакцию 21.03.2011

УДК 341.96:347.627

НОРМЫ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

КОРОТКЕВИЧ М.П.,

доцент кафедры гражданского и хозяйственного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук

В статье проанализированы коллизионные нормы международных договоров о расторжении брака. Особое внимание уделено нормам двусторонних соглашений Республики Беларусь о правовой помощи с другими государствами. Автором также рассмотрены вопросы соотношения международной и территориальной подсудности дел о расторжении брака.

In the article conflict rules of international treaties about divorce are analysed. A special attention is given to norms of bilateral agreements of the Republic of Belarus about legal aid with other states. The author also considers questions of a ratio international and territorial cognizance of affairs about divorce.

Введение

В соответствии с законодательством Республики Беларусь мужчина и женщина пользуются равными правами не только в отношении вступления в брак, но и в отношении его расторжения – при жизни супругов брак между ними может быть расторгнут судом по заявлению одного из супругов (ч. 2. ст. 34 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 года (далее – КоБС) [1]). Расторжение брака, наряду со смертью одного из супругов или объявлением его умершим, является основанием прекращения брака.

При расторжении брака между лицами, не имеющими единого гражданства государства, возникает ряд коллизионных проблем, требующих своего разрешения. В научной литературе выделяют проблемы выбора закона, определяющего основания расторжения брака, а также проблемы определения подсудности бракоразводного дела [2, с. 110]. Различное решение указанных вопросов, а также устанавливаемая государствами необходимость признания иностранных решений о расторжении брака способствуют возникновению «хромяющих разводов», признаваемых в одном государстве, но не имеющих силы в другом государстве, требующем иные коллизионные привязки (например, в государстве, где брак был заключен или гражданство которого имеет один из супругов). Решению данных проблем способствует унификация норм о расторжении брака в

международных договорах, которая происходит путем унификации коллизионных норм, то есть норм, определяющих право государства, применяемое при регулировании частноправовых отношений.

Современными белорусскими авторами рассматриваются в основном положения внутреннего законодательства Республики Беларусь, регулирующие вопросы расторжения брака граждан Республики Беларусь с иностранными гражданами (М.И.Жандарова, В.И.Пенкрат, В.Г.Тихиня, С.Н.Ховратова и др.), при этом отсутствует анализ положений международных договоров Республики Беларусь, содержащих нормы о расторжении брака. Указанное обстоятельство обуславливает актуальность исследования и анализа коллизионных норм международных договоров, направленных на устранение проблем правового регулирования расторжения брака с иностранными гражданами.

Основная часть

Часть первая ст. 8 Конституции Республики Беларусь [3] закрепляет приоритет общепризнанных принципов международного права, в связи с чем, рассматривая нормы международных договоров о расторжении брака, нельзя обойти вниманием международные акты, которые содержат эти принципы.

По мнению белорусских ученых в области права, к общепризнанным принципам международного права относятся те, которые содержатся

в важнейших международных актах, принятых в рамках Организации Объединенных Наций и составляющих Билль о правах человека, а именно: Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года [4, с. 4]. Проанализировав нормы, содержащиеся в документах, составляющих Билль о правах человека, можно выделить следующий общепризнанный принцип международного права, касающийся вопросов прекращения брака: принцип равенства прав мужчины и женщины на расторжение брака.

В области регулирования брачно-семейных отношений существуют многосторонние договоры, содержащие нормы, непосредственно направленные на устранение коллизий в области брачно-семейного регулирования, участницей которых Республика Беларусь не является. Это, во-первых, Гаагская конвенция о признании развода и судебного разлучения супругов 1970 года (действует для Дании, Египта, Финляндии, Италии, Люксембурга и др.), а во-вторых, так называемый Кодекс Бустаманте, который является приложением к принятой странами Латинской Америки 20 февраля 1928 года. в Гаване Конвенции о международном частном праве (действует для 15 стран).

В то же время Республика Беларусь участвует в ряде международных соглашений, регулирующих вопросы гражданского процесса. Это — многосторонняя Конвенция по вопросам гражданского процесса (Гаага, 1 марта 1954 года), Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам от 15 ноября 1965 года (участвует более 40 государств, в том числе страны, с которыми Республикой Беларусь не заключены двусторонние соглашения о правовой помощи). Указанные документы способствуют расширению правового сотрудничества со странами-участницами, облегчению международного общения и взаимодействия, в том числе по вопросам расторжения брака.

Для Республики Беларусь применительно к делам о расторжении брака наиболее важные правила содержатся в Конвенциях СНГ о правовой помощи и правовых отношениях 1993 года и 2002 года, а также двусторонних соглашениях Республики Беларусь с другими государствами о правовой помощи. При этом данные соглашения можно разделить на две группы: заключенные еще в советский период, обязательность которых признана Республикой Беларусь путем правопреемства (с Венгерской Народной Республикой, Республикой Куба, Финляндской Республикой, Чехословацкой Социалистической Республикой (действует в отношениях с Чешской Республикой и Словацкой Республикой), и

заключенные в постсоветский период (с Латвийской Республикой, Литовской Республикой, Республикой Польша, Социалистической Республикой Вьетнам).

Большинство норм указанных договоров о расторжении брака сходны в общем изложении: содержат правила определения компетентных органов и выбора применимого права, за исключением договора с Финляндской Республикой, а также правила признания решений, вынесенных в другом государстве.

В отношении выбора применимого права при расторжении брака между супругами, имеющими гражданство одного государства, ряд международных договоров исходит из принципа применения закона общего гражданства независимо от страны совместного проживания (Конвенции СНГ, договоры с Чехословацкой Социалистической Республикой, Республикой Куба). В других договорах применению подлежит закон совместного проживания супругов (договоры с Социалистической Республикой Вьетнам, Республикой Польша, Латвийской Республикой, Литовской Республикой).

Международные договоры Республики Беларусь о правовой помощи по делам о расторжении брака между супругами, имеющими общее гражданство, как правило, устанавливают компетенцию учреждений государства гражданства лиц. Однако правила большинства международных договоров также относят к юрисдикции судов Республики Беларусь дела о расторжении браков между гражданами государств-участников при условии проживания обоих на территории Республики Беларусь (Конвенции СНГ, договоры с Чехословацкой Социалистической Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам, Республикой Польша, Республикой Куба, Венгерской Народной Республикой). При этом выбор компетентного учреждения страны гражданства или страны проживания в таких случаях в соответствии с правилами указанных договоров зависит от воли супругов. Договор с Венгерской Народной Республикой не содержит правил выбора применимого права при расторжении брака между гражданами одной из договаривающихся сторон и определяет только компетентные в данном случае органы (учреждения страны общего гражданства, а при проживании на территории другой стороны — также учреждения этого государства (п. 2 ст. 26). Договоры с Латвийской Республикой и Литовской Республикой, наоборот, устанавливают исключительную компетенцию страны проживания супругов, гражданством которой супруги не обладают (ст. 27, ст. 29).

При разном гражданстве супругов в случае расторжения брака в соответствии с международными договорами применимо законодательство государства, в учреждение которого подали

заявление или учреждение которого приняло дело к рассмотрению, независимо от того, на территории какой договаривающейся стороны они проживают (Конвенции СНГ, договоры с Чехословацкой Социалистической Республикой и Республикой Куба), либо законодательство совместного места жительства супругов, а при отсутствии такового – закон страны, учреждение которой рассматривает дело о расторжении брака (договоры с Социалистической Республикой Вьетнам, Республикой Польша). При разном гражданстве и разной стране проживания супругов Договор с Латвийской Республикой называется применимым законодательство государства, в учреждение которого первым подано заявление (п. 2 ст. 27), Договор с Венгерской Народной Республикой закрепляет необходимость применения законодательства страны, орган которой рассматривает дело о расторжении брака (п. 2 ст. 26), а Договор с Литовской Республикой вовсе указывает лишь на применение законодательства одной из сторон (п. 2 ст. 29). Договор с Финляндской Республикой содержит только условия признания решений о расторжении брака компетентных учреждений договаривающихся сторон и основания для отказа в признании (ст. 23). Следует отметить, что в договорах с Латвийской Республикой (ст. 27), Литовской Республикой (ст. 29), Венгерской Народной Республикой (ст. 26) отсутствует определение применимого права при разном гражданстве супругов и совместном проживании на территории одной из договаривающихся сторон. Полагаем, что в таком случае применимое право должно определяться в соответствии с внутренними коллизионными нормами государств.

Компетенция учреждений договаривающихся сторон при разном гражданстве супругов в большинстве договоров о правовой помощи определяется по месту совместного проживания, а при проживании супругов на территории разных договаривающихся сторон компетентными считаются учреждения юстиции обеих (Конвенции СНГ, договоры с Чехословацкой Социалистической Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам, Республикой Польша, Республикой Куба).

Как и в вопросе определения применимого права, договоры с Латвийской Республикой, Литовской Республикой, Венгерской Народной Республикой не определяют компетентные органы по делам о расторжении брака при разном гражданстве супругов и совместном проживании на территории одной из договаривающихся сторон. В то же время при разном гражданстве супругов и проживании на территории различных государств Договор с Венгерской Народной Республикой (п. 2 ст. 26) устанавливает компетенцию органов обеих договаривающихся сто-

рон, а в договорах с Латвийской Республикой (п. 3 ст. 27) и Литовской Республикой (п. 3 ст. 29) компетентными признаются учреждения договаривающейся стороны, законодательство которой подлежит применению в соответствии с правилами договоров.

Таким образом, анализ норм о расторжении брака, которые содержатся в международных договорах Республики Беларусь о правовой помощи, позволяет сделать вывод, что на практике рассмотрение одних и тех же отношений может относиться к компетенции органов различных договаривающихся государств, то есть закрепляется альтернативная юрисдикция с применением в каждом случае различного материального права.

В то же время к недостаткам двусторонних соглашений Республики Беларусь следует отнести отсутствие норм о расторжении брака с лицами без гражданства. В Конвенциях СНГ регулируются только вопросы заключения брака с лицами без гражданства, проживающими на территории государств-участников, а расторжения брака – не рассматриваются. Лиц без гражданства, постоянно проживающих за пределами страны, следует относить к категории иностранного элемента, следовательно, при расторжении брака с ними имеют место международные частноправовые отношения, связанные с правовыми порядками нескольких государств. Исходя из вышеуказанного, а также закрепленного в законодательстве о браке и семье равенства прав лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, и граждан Республики Беларусь (ст. 228 КоБС), полагаем, в международных договорах Республики Беларусь следует определять международную юрисдикцию дел о расторжении брака с ними, а также применимое в таких случаях право.

Кроме того, из анализа норм договоров Республики Беларусь о правовой помощи следует, что при разном гражданстве супругов и проживании хотя бы одного из них на территории белорусского государства компетентными признаются суды Республики Беларусь. Однако неясно, означает ли данное правило, что независимо от того, истец или ответчик проживает на территории государства, суд должен принять исковое заявление о расторжении брака или договоры содержат только условия дальнейшего признания решения на территории другой договаривающейся стороны, а при принятии заявления суду следует руководствоваться только внутренними процессуальными нормами. Такой характер изложения норм международных договоров может повлечь их различную трактовку. Так, постановлением пленума Верховного суда СССР от 19 июня 1959 г. № 2 «О вопросах, связанных с выполнением судебных органами договоров с иностранными государствами об ока-

зании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» [5, с. 12–13] нормы внутреннего законодательства истолковывались «слишком буквально» и внутренняя территориальная подсудность к делам о расторжении брака с иностранным элементом применялась на общих основаниях, что не согласовывалось с положениями международных договоров. А.А.Рубанов критиковал такую позицию и полагал, что договор дает право супругам обратиться в суд любой договаривающейся стороны. Возможность признания решения учреждений иностранного государства, по мнению автора, не должна быть основанием для ограничения прав иностранцев на подачу заявления о расторжении брака в отечественный суд [6, с. 150]. Другая точка зрения высказана Н.И.Марышевой: отсутствие в международных договорах правил определения территориальной подсудности требует обращения к внутреннему законодательству [7, с. 33]. По мнению Х.Шака, отсутствие в национальном праве норм о территориальной подсудности для случаев, предусмотренных международными договорами, указывает на необходимость восполнения такого пробела правилами о чрезвычайной (субсидиарной) территориальной подсудности [8, с. 213]. И даже при существовании международной подсудности подаваемый иск может быть не принят вследствие отсутствия территориальной подсудности [9, с. 49; 10, с. 90].

Учитывая, что международные договоры Республики Беларусь о правовой помощи, как правило, разграничивают компетенцию учреждений по признаку гражданства, а территориальная подсудность по белорусскому законодательству определяется согласно общему правилу по месту проживания ответчика, на практике возможны ситуации, при которых отсутствие соответствующих правил территориальной подсудности будет препятствовать принятию судами дел о расторжении брака к своему производству. Тогда, несмотря на отнесение правилами международных договоров дел о расторжении брака граждан Республики Беларусь с иностранными гражданами к компетенции судов белорусского государства, при условии проживания только истца на территории государства, с точки зрения правил внутренней территориальной подсудности такие дела не могут быть рассмотрены по месту жительства истца при отсутствии оснований для выбора истцом подсудности по правилам ст. 47 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) [11].

Следует отметить, что общие правила международной подсудности, изложенные в ст. 545 действующего ГПК, исходя из смысла ст. 544 ГПК, должны дополняться перечнем альтернативной территориальной подсудности [12], а так-

же правилами подсудности, определяемыми в других нормативных правовых актах Республики Беларусь. Например, в ч. 6 ст. 231 КоБС установлена международная подсудность судам Республики Беларусь дел о расторжении брака постоянно проживающих за границей граждан Республики Беларусь с постоянно проживающими за пределами Республики Беларусь супругами, независимо от гражданства последних, которые рассматриваются судами по поручению Верховного Суда Республики Беларусь (ч. 6 ст. 231 КоБС). Таким образом, в анализируемом случае вопрос о территориальной подсудности данной категории дел не вызывает затруднений.

В то же время граждане Республики Беларусь, постоянно проживающие на территории государства, лишаются возможности возбуждения дела о расторжении брака с супругом, не проживающим постоянно в стране, если у них нет несовершеннолетних детей, супруг-иностранец никогда не проживал на территории Республики Беларусь (ст. 47 ГПК), в том числе когда в соответствии с правилами международных договоров суды Республики Беларусь компетентны рассматривать дело о расторжении брака. Однако расторжение брака за пределами Республики Беларусь для ее граждан может быть сопряжено с целым рядом трудностей, касающихся необходимости отыскания органа иностранного государства, компетентного рассматривать данную категорию дел, перевода всех необходимых документов на иностранный язык, больших материальных затрат для выезда к месту нахождения иностранного органа, решающего вопрос о расторжении брака, и др.

В целях защиты законных интересов граждан Республики Беларусь, уравнивания их в правах независимо от страны проживания представляется целесообразным введение правил международной подсудности дел о расторжении брака по искам граждан Республики Беларусь, постоянно проживающих в белорусском государстве, к иностранным гражданам, постоянно проживающими на территории другого государства. Территориальная подсудность таких дел должна определяться по месту жительства истца – гражданина Республики Беларусь.

Следует учитывать и отсутствие в ряде государств – участников действующих договоров о правовой помощи единой судебной формы расторжения брака. Указанное является существенным аргументом в пользу необходимости расширения случаев альтернативной территориальной подсудности, предусмотренных внутренним законодательством.

На основании изложенного предлагаем дополнить ст. 231 КоБС ч. 7 следующего содержания: «Дела о расторжении брака постоянно проживающих в Республике Беларусь граждан

Республики Беларусь с постоянно проживающими за пределами Республики Беларусь иностранными гражданами или лицами без гражданства могут рассматриваться судами Республики Беларусь по месту жительства граждан Республики Беларусь».

Заключение

Таким образом, следует отметить, что в большинстве двусторонних международных договоров Республики Беларусь о правовой помощи с другими государствами содержатся нормы о расторжении брака. Такие нормы включены

также в многосторонние региональные соглашения о правовой помощи, заключенные в рамках СНГ. Однако к недостаткам указанных соглашений Республики Беларусь следует отнести отсутствие норм о расторжении брака с лицами без гражданства.

Несмотря на отнесение к компетенции судов Республики Беларусь дел о расторжении брака граждан белорусского государства с иностранными гражданами в соответствии с нормами международных соглашений Республики Беларусь, нерешенным остается вопрос о территориальной подсудности таких дел. В связи с этим необходимо дополнить ст. 231 КоБС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2010 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
2. Орлова, Н.В. Брак и семья в международном частном праве / Н. В. Орлова. – М.: Междунар. отношения, 1966. – 254 с.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
4. Василевич, Г.А. Общеизвестные принципы и нормы международного права – реальная основа деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь / Г.А. Василевич // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: Н.В. Сильченко [и др.]. – Гродно, 2002. – С. 3–8.
5. О вопросах, связанных с выполнением судебными органами договоров с иностранными государствами об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам: постановление Пленума Верх. Суда СССР, 19 июня 1959 г., № 2 // Бюл. Верх. Суда СССР. – 1959. – № 4. – С. 8–22.
6. Правовое сотрудничество между социалистическими государствами / М.М. Богуславский [и др.]; отв. ред. В.С. Тадевосян. – М.: Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1962. – 280 с.
7. Марышева, Н.И. Вопросы применения договоров о правовой помощи в практике советских судов / Н.И. Марышева // Очерки междунар. частного права / Р.Ф. Каллистратова [и др.]; под общ. ред. Л.А. Лунца. – М., 1963. – С. 28–52.
8. Шак, Х. Новеллы гражданского процесса по брачно-семейным делам в Европейском союзе / Х. Шак // Рос. ежегодник гражд. и арбитраж. процесса. – 2004. – № 2: 2002–2003. – С. 208–227.
9. Кох, Х. Международное частное право и сравнительное правоведение / Х. Кох, У. Магнус, П. Винклер фон Моренфельс; пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 480 с.
10. Шак, Х. Международное гражданское процессуальное право: учеб. / Х. Шак. – М.: БЕК, 2001. – 560 с.
11. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 11 янв. 1999 г., № 238-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2010 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
12. Николаев, М. Вопросы регулирования международной подсудности в гражданском и хозяйственном процессуальном законодательстве Республики Беларусь / М. Николаев // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Дата поступления статьи в редакцию 02.02.2011

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОМОЧИЙ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТРАНАХ СНГ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

БАКУН А.С.,

аспирант Академии управления при Президенте Республики Беларусь

В статье анализируются законодательные подходы к закреплению объема правомочий религиозных организаций в таких государствах Содружества Независимых Государств, как Республика Беларусь, Российская Федерация, Украина и Республика Казахстан. В статье также рассматривается вопрос о необходимости специального законодательства о религиозных организациях на постсоветском пространстве.

The article deals with legal approaches to consolidation of rights of religious organizations in such CIS countries as the Republic of Belarus, Russian Federation, the Ukraine and the Republic of Kazakhstan. The article also considers the question of necessity to elaborate the special law of religious organizations.

Введение

Для современного постсоветского пространства еще актуальны проблемы правовой регламентации объема правомочий такого института гражданского общества, как религиозные организации. Историческим законодательным базисом современного законодательства о религиозных организациях в постсоветских государствах можно назвать принятый в 1990 году первый за всю историю существования СССР Закон «О свободе совести и религиозных организациях» [1], на основе которого союзные республики разрабатывали и принимали свои законодательные акты.

По мнению казахстанского ученого Р.А.Подопригоры, вопрос о том, нужен ли специальный закон, регламентирующий правомочия религиозных организаций, в рассматриваемых странах решается однозначно в пользу его существования. Хотя если обратиться к иностранному опыту, то существует и другая точка зрения, что особой необходимости в подобном законе нет. Право на свободу совести (вероисповедания, религии) закрепляется в Конституции и международно-правовых актах, имущественные аспекты правового статуса религиозных организаций могут регулироваться гражданским законодатель-

ством, налогообложение – налоговым законодательством, трудовые отношения – трудовым законодательством. Противоправная деятельность религиозных организаций должна быть в сфере внимания правоохранительных органов и соответствующих отраслей права [2].

Учитывая общность исторического прошлого Республики Беларусь, Российской Федерации, Украины и Республики Казахстан, представляется целесообразным проследить некоторые тенденции в законодательстве, регламентирующем правомочия права на свободу вероисповедания, реализуемые религиозными организациями в этих государствах, с целью выявления положительного опыта законодательных подходов к закреплению наиболее оптимального объема правомочий данных коллективных субъектов.

Основная часть

В специальных законах данных государств подробно регламентируется объем правомочий религиозных организаций. Так, например, в Законе Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г. (в ред. Закона от 4 января 2010 г.) (далее – ЗРБ) [3]

и Законе Украины «О свободе совести и религиозных организациях» от 21 апреля 1991 г. (далее – ЗУ) [4] закрепляется право на участие в общественной жизни, а также использовать наравне с другими общественными объединениями средства массовой информации (ст. 8 ЗРБ, ст. 5 ЗУ). В свою очередь, в Федеральном законе Российской Федерации «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. (далее – ЗРФ) [5] и Законе Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» от 15 января 1992 г. (далее – ЗРК) [6] такие полномочия религиозных организаций не закреплены.

Согласно законодательству о религиозных организациях данные коллективные субъекты имеют право создавать для религиозного просвещения детей и взрослых учебные группы и воскресные религиозные школы (ч. 5 ст. 9 ЗРБ; ч. 4 ст. 6 ЗУ), в познавательных-воспитательных целях взаимодействовать с образовательными учреждениями (ч. 5 ст. 9 ЗРБ; ч. 4 ст. 5 ЗРФ). Согласно ст. 28 ЗРБ, ст. 11 ЗУ, ч. 3 ст. 5 ЗРФ, ч. 1 ст. 19 ЗРФ, ч. 3 ст. 7 ЗРК религиозные организации в соответствии со своими уставами имеют право создавать духовные учебные заведения для профессиональной подготовки священнослужителей, теологов и церковного персонала. Однако в белорусском законодательстве имеет место норма (ч. 3 ст. 9), ограничивающая анонимную деятельность религиозных организаций в учреждениях, противоречащую законодательству.

В специальном законодательстве о религиозных организациях данных государств содержится такое полномочие религиозных организаций, как право основывать свои структурные образования – монастыри, религиозные братства и миссионерские организации (миссии) (ст. 15 ЗРБ, ст. 10 ЗУ). Представляется, что данное полномочие не противоречит принципам деятельности некоммерческих юридических лиц, какими являются религиозные организации, и наиболее явственно отражает понимание законодателем соотношения религиозных организаций с религиозными общинами, монастырями, братствами и т.д.

Во всех четырех законах законодателями было закреплено полномочие религиозных организаций на проведение богослужений как в специально предназначенных для этого местах, так и в жилых помещениях граждан, больницах, госпиталях, домах престарелых и инвалидов и т.д., а также проводить публичные богослужения (ст. 25 ЗРБ, ст. 16 ЗРФ; ст. 21 ЗУ; ст. 12 ЗРК). В данных законах, кроме белорусского, содержится норма о том, что религиозные организации имеют право учреждать и удерживать свободно доступные места богослужений или религиозных собраний, а также места паломничества (ч. 1 ст. 12 ЗРК; ч. 1 ст. 16 ЗРФ; ч. 1 ст. 21 ЗУ).

Еще одним правомочием религиозных организаций, закрепленным в специальном законодательстве, является право данных субъектов на производство, приобретение, ввоз, вывоз и распространение религиозной литературы, иных печатных, аудио- и видеоматериалов, а также других предметов религиозного назначения (ст. 22 ЗУ, ст. 17 ЗРФ, ст. 13 ЗРК, ст. 26 ЗРБ). Однако белорусский законодатель ограничил данное полномочие обязательным проведением экспертизы ввозимых в республику религиозной литературы, иных печатных, аудио- и видеоматериалов (ч. 2 ст. 26 ЗРБ). Также при распространении религиозной литературы, иных печатных, аудио- и видеоматериалов может проводиться государственная религиоведческая экспертиза по решению республиканского органа государственного управления по делам религий (ч. 3 ст. 26 ЗРБ).

Во всех законах, кроме казахстанского, имеет место норма, закрепляющая исключительное право религиозных организаций основывать предприятия для выпуска богослужебной литературы и предметов религиозного назначения (ч. 2 ст. 17 ЗРФ; ч. 5 ст. 26 ЗРБ; ч. 3 ст. 22 ЗУ). Эта норма представляется своевременной, однако ее необходимо дополнить положением о том, что и распространять литературу и предметы религиозного назначения могут исключительно учреждения, основанные религиозными организациями, во избежание неправильного толкования светскими издателями и распространителями тех или иных канонических норм.

Согласно ст. 18 ЗРФ, ст. 14 ЗРК, ст. 27 ЗРБ и ст. 23 ЗУ религиозные организации имеют право на занятие благотворительной деятельностью. Своевременными представляются нормы, закрепленные в вышеуказанных законах о религиозных организациях, о том, что при религиозных организациях могут образовываться общества, братства, ассоциации, другие объединения граждан для осуществления благотворительности, изучения и распространения религиозной литературы и другой культурно-образовательной деятельности.

Еще одним правомочием религиозных организаций, закрепленным в специальном законодательстве, является право данных субъектов устанавливать и поддерживать международные связи и контакты, в том числе в целях паломничества, участия в собраниях и других мероприятиях, для получения религиозного образования, а также приглашать для этих целей иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 29 ЗРБ; ст. 24 ЗУ; ст. 15 ЗРК и ст. 20 ЗРФ). Согласно ч. 2 ст. 15 ЗРК и ч. 2 ст. 24 ЗУ религиозные организации могут направлять граждан за границу для учебы в духовных учебных заведениях и принимать с этой целью иностранных граждан. Однако представляется, что нет необходимости

в закреплении данной нормы, так как государство не должно вмешиваться во внутрицерковные дела религиозных организаций.

Отдельными нормами в рассматриваемых законах закрепляется право собственности религиозных организаций. Так, ст. 30 ЗРБ, ст. 21 ЗРФ, ст. 16 и 17 ЗРК, ст. 18 ЗУ закреплено, что религиозные организации обладают правом собственности на имущество, приобретенное или созданное ими за счет собственных средств, пожертвованное физическим или юридическим лицам или переданное религиозным организациям в собственность государством либо приобретенное другим способом, не противоречащим законодательству. В то же время, украинский законодатель подробно закрепляет виды имущества, находящегося в собственности религиозных организаций. Так, ч. 2 ст. 18 ЗУ закреплено, что в собственности религиозных организаций могут быть здания, предметы религиозного назначения, объекты производственного, социального и благотворительного назначения, транспорт, средства и другое имущество, необходимые для обеспечения их деятельности.

Особенностью белорусского закона о религиозных организациях является то, что законодатель не закрепляет права религиозных организаций иметь собственность за границей, в то время как украинский, российский и казахстанский законодатель предусматривают данное правомочие (ч. 4 ст. 21 ЗРФ; ч. 3 ст. 16 ЗРК и ч. 4 ст. 18 ЗУ).

Однако в ч. 3 ст. 30 ЗРБ, в которой закрепляется преимущественное право религиозных организаций на передачу им государством религиозных зданий с прилегающей территорией, содержится кощунственная формулировка «за исключением тех, которые используются как объекты культуры, физической культуры и спорта». Представляется, что данная формулировка ограничивает право на свободу вероисповедания религиозными организациями, в частности их имущественные права, а также является оскорбительной для членов религиозных организаций.

Все законодатели рассматриваемых государств в законах о религиозных организациях закрепили право пользования религиозными организациями для своих нужд зданиями и другим имуществом, предоставляемыми им на условиях договоров, заключаемых с юридическими и физическими лицами (ст. 31 ЗРБ; ст. 17 ЗУ; ст. 22 ЗРФ и ст. 17 ЗРК). Однако украинский законодатель подробно регламентировал порядок передачи религиозных зданий и имущества религиозным организациям, закрепив безвозмездную передачу движимого и недвижимого иму-

щества, которое составляет государственную собственность. Полагаем, что данная норма является необходимой для восстановления имущественных прав религиозных организаций после национализации их имущества в советский период.

Религиозные организации всех рассматриваемых стран имеют право заниматься предпринимательской деятельностью (ст. 32 ЗРБ; ст. 19 ЗУ; ст. 18 ЗРК и ст. 23 ЗРФ). Однако если белорусский и российский законодатель ограничиваются только общей формулировкой нормы, то казахстанский и украинский законодатель подробно закрепляют виды предпринимательской деятельности религиозных организаций. Так, согласно ст. 19 ЗУ и ст. 18 ЗРК религиозные организации в порядке, определенном действующим законодательством, имеют право для выполнения своих уставных заданий учреждать издательские, полиграфические, производственные, реставрационно-строительные, сельскохозяйственные и другие предприятия, а также благотворительные заведения (пристанища, интернаты, больницы и тому подобное), которые имеют права юридического лица.

Белорусский, российский, казахстанский и украинский законодатель предусмотрели также и случаи распоряжения имуществом религиозной организации в случае ее ликвидации (ст. 33 ЗРБ; ст. 20 ЗУ; ст. 19 ЗРК; ст. 14 ЗРФ). Согласно ЗРФ, ЗУ и ЗРК имущество ликвидированной религиозной организации распределяется в соответствии с ее уставом и гражданским законодательством государств. В свою очередь, белорусский законодатель разделяет права пользования и собственности религиозных организаций. Так, согласно ч. 1 ст. 33 ЗРБ после ликвидации религиозных организаций имущество, предоставленное им в пользование юридическими и физическими лицами, возвращается лицам, предоставившим имущество. В то же время, ч. 2 ст. 33 ЗРБ закрепляет, что при ликвидации религиозных организаций распоряжение находившимся в их собственности имуществом осуществляется в соответствии с их уставами и законодательством Республики Беларусь.

Положительным моментом в законодательстве о религиозных организациях рассматриваемых государств является закрепление невозможности обращения взыскания по претензиям кредиторов на имущество религиозного назначения (ч. 2 ст. 19 ЗРК; ч. 5 ст. 14 ЗРФ; ч. 3 ст. 33 ЗРБ; ч. 3 ст. 20 ЗУ). Данная норма является гарантией сохранности имущества религиозного назначения, которое имеет зачастую не только сакральную, но и культурологическую ценность.

По мнению украинского ученого В.М.Малышко, право на свободу вероисповедания, реал-

лизуемое религиозными организациями, не является абсолютным [7, с. 98].

Анализ специального законодательства о религиозных организациях показал, что данные коллективные субъекты ограничены в некоторых правомочиях. Так, религиозные организации не могут выполнять какие-либо государственные функции (ч. 6 ст. 5 ЗУ; ч. 1 ст. 4 ЗРК; п. 2 ч. 5 ст. 4 ЗРФ; ч. 2 ст. 8 ЗРБ), не участвуют в деятельности политических партий (ч. 2 ст. 4 ЗРК; ч. 8 ст. 5 ЗУ; ч. 4 ст. 8 ЗРБ; п. 4 ч. 5 ст. 4 ЗРФ). Российский и казахстанский законодатель также ограничили религиозные организации своих государств в участии в выборах в государственные органы (п. 3 ч. 5 ст. 4 ЗРФ; ч. 2 ст. 4 ЗРК). В свою очередь, казахстанский законодатель закрепил прогрессивную норму о недопустимости образования партий и иных политических формирований религиозного характера (ч. 2 ст. 4 ЗРК). Так, в целях предотвращения регистрации и деятельности религиозных организаций в качестве общественных объединений и политических партий представляется необходимым закрепить данную норму и в отечественном законодательстве.

Согласно ч. 5 ст. 8 белорусского закона о религиозных организациях в местах богослужений не допускаются использование государственной символики, проведение собраний, митингов, предвыборной агитации и других мероприятий политического характера, а также выступления, призывы, оскорбляющие представителей органов государственной власти, должностных лиц и отдельных граждан. Также в ч. 4 ст. 4 ЗРБ закреплено, что деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления не сопровождается публичными религиозными обрядами и церемониями. Данным нормам нет аналогов в украинском, российском и казахстанском законодательстве.

По мнению российского ученого О.Н.Петюковой, государство не должно вмешиваться в жизнь религиозных организаций, в ее управление, вероучение, литургическую жизнь, духовническую практику и т.д., равно как и вообще в деятельность канонических церковных учреждений, за исключением тех сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством, законодательством и государственными органами [8, с. 23]. Так, согласно п. 1 ч. 5 ст. 4 ЗРФ религиозные организации создаются и осуществляют свою деятельность в соответствии с собственной иерархической и институциональной структурой, выбирают, назначают и заменяют свой персонал согласно собственным установлениям. Представляется, что данная норма является гаран-

тией государства невмешательства во внутренние дела религиозных организаций. Полагаем, необходимо дополнить белорусский закон о религиозных организациях подобной нормой.

Своевременной представляется норма в российском законе о религиозных организациях (ч. 7 ст. 4 ЗРФ) о том, что по просьбам религиозных организаций соответствующие органы государственной власти в Российской Федерации вправе объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях. Так, белорусскому законодателю стоит закрепить отсылочную норму в специальном законодательстве о религиозных организациях.

Полагаем, что необходимо закрепить в белорусском законе о религиозных организациях норму, запрещающую религиозной организации вмешиваться в деятельность других религиозных организаций, в какой-нибудь форме проповедовать вражду, нетерпимость к неверующим и верующим других вероисповеданий. Данная норма содержится в украинском законе о религиозных организациях (ч. 9 ст. 5 ЗУ).

Заключение

Сравнительный анализ законодательства о свободе вероисповедания и религиозных организациях Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан и Украины выявил некоторые различия в законодательных подходах к правовой регламентации права на свободу вероисповедания и объема правомочий религиозных организаций. Однако в целом законодатели всех стран закрепляют почти идентичные правомочия религиозных организаций с той лишь разницей, что аналогичные правомочия в одних законах регламентируются общей нормой, а в других – более детально. Однако в каждом из зарубежных законодательных актов содержатся нормы, которые могли бы дополнить отечественное законодательство.

Представляется, что на данном этапе развития общественных отношений законодатель стремится максимально перечислить возможности религиозных организаций, выражая их в конкретных правомочиях. Полагаем, в перспективе возможно приближение белорусского законодательства к международному опыту, в связи с чем вопросы деятельности религиозных организаций будут рассматриваться в соответствующих актах, отпадет необходимость в отдельном законе о религиозных организациях. Думается, что в белорусском законодательстве появится тенденция к минимальной регламентации свободы вероисповедания в отличие от какого-либо права, когда детальная законодательная регламентация является необходимой.

ЛИТЕРАТУРА

1. О свободе совести и религиозных организациях: Закон СССР, 1 окт. 1990 г., № 1689-1 // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верх. Совета СССР. – 1990. – № 41.
2. Подопрігора, Р.А. Государство и религиозные организации в Центральной Азии: конституционный и административно-правовой анализ / Р.А. Подопрігора // Конституц. и муницип. право. – 2005. – № 9. – С.
3. О свободе совести и религиозных организациях: Закон Респ. / Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2010 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
4. О свободе совести и религиозных организациях: Закон Украины, 21 апр. 1991 г., № 987-ХІІ // [Электронный ресурс]. – http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=10173. – Дата доступа: 26.01.2011.
5. О свободе совести и религиозных объединениях: Федер. закон Рос. Федерации, 26 сент. 1997 г., № 125-ФЗ: с изм. от 23 июля 2008 г. № 160-ФЗ // [Электронный ресурс]. – http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=1455. – Дата доступа: 26.01.2011.
6. О свободе вероисповедания и религиозных объединениях: Закон Респ. Казахстан, 15 янв. 1992 г., № 1128-ХІІ: с изм. и доп. // [Электронный ресурс]. – <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=00160&all=all>. – Дата доступа: 26.01.2011.
7. Малишко, В.М. Конституційно-правове регулювання свободи віросповідання та релігійних відносин у зарубіжних країнах / В.М. Малишко // Держава і право. – 2007. – № 15. – С. 94–100.
8. Петюкова, О.Н. Правовое содержание религиозной свободы в России: опыт, проблемы, тенденции / О.Н. Петюкова // Гос-во и право. – 2009. – № 4. – С. 22–28.

Дата поступления статьи в редакцию 28.01.2011

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ – ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ АДМИНИСТРАТИВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

ЗИНОВЕНКО В.В.,

преподаватель кафедры административного права и управления органами внутренних дел Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье исследуются проблемы применения мер административной ответственности за совершение правонарушений, связанных с нарушением Правил дорожного движения, повлекших дорожно-транспортное происшествие. Предлагаются меры по совершенствованию норм административного законодательства для их эффективного применения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

In the article problems of application of measures of administrative responsibility for fulfillment of offenses of the Traffic Regulations connected with infringement entailed road and transport incident are investigated. Measures on perfection of norms of the administrative legislation for their effective application in sphere of traffic safety are offered.

В комплексе мер, направленных на улучшение экономического и социального уровня жизни нашего общества, важное место занимает обеспечение безопасности дорожного движения, составляющее одно из главных направлений деятельности белорусского государства.

В п. 2.4 Правил дорожного движения (далее – ПДД), утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2005 г. № 551 (в ред. указов Президента Республики Беларусь от 18 октября 2007 г., 4 декабря 2008 г., 23 января 2009 г., 17 декабря 2009 г., 25 ноября 2010 г.), раскрывается понятие безопасности дорожного движения как состояние дорожного движения, обеспечивающее минимальную вероятность возникновения опасности для движения и дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) [6].

Исходя из вышеуказанного следует, что безопасность дорожного движения обеспечивается путем принятия комплекса мер (условно можно разделить на инженерно-технические, профилактические и меры административного принуждения), направленных на минимизацию возможности возникновения опасности для движения и совершения ДТП.

Согласно п. 2.18 ПДД ДТП – происшествие, совершенное с участием хотя бы одного находившегося в движении механического транспортного средства, в результате которого причинен вред жизни или здоровью физического лица, его имуществу либо имуществу юридического лица [6].

Следствием нарушений ПДД являются дорожно-транспортные происшествия, которые отнесены законодателем к правонарушениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Согласно сведениям о состоянии дорожно-транспортной аварийности, опубликованным в аналитических сборниках Министерства внутренних дел Республики Беларусь за 2006–2010 годы, чаще всего ДТП совершались по причине нарушения следующих ПДД: превышение установленной скорости движения, нарушение правил маневрирования, выезд на полосу встречного движения, несоблюдение правил проезда перекрестков, нарушение правил проезда пешеходных переходов и нарушение ПДД пешеходами. Так, в 2010 году на территории Республики Беларусь зарегистрированы 6363 ДТП, в которых

1190 человек погибли, 6832 получили ранения. Из них 911 (14,3 %) совершено по причине превышения установленной скорости движения, 585 (9,1 %) – нарушений правил маневрирования, 421 (6,6 %) – выезда на полосу встречного движения, 586 (9,2 %) – несоблюдения очередности проезда перекрестков, 747 (11,7 %) – нарушений правил проезда пешеходных переходов и 1189 (18,6 %) – нарушений ПДД пешеходами (по состоянию на 1 января 2011 г.) [8; 9; 10; 11; 12].

Решение проблемы совершения указанных правонарушений требует повышения правового сознания граждан в целях соблюдения ими ПДД, укрепления дисциплины и, соответственно, повышения эффективности правового воздействия на них, в частности, применения мер административной ответственности.

Вследствие нарушения ПДД любой гражданин, находящийся в пределах дороги в (на) транспортном средстве или вне его, может стать участником ДТП. Правонарушения, связанные с нарушением ПДД, существенно ухудшают безопасность дорожного движения, затрагивают общие интересы всех членов общества (социальный, экономический аспекты), поэтому должны регулироваться нормами публичного права. Интересы же граждан, связанные с причинением вреда в результате нарушения ПДД, могут реализовываться ими самостоятельно и поэтому должны регулироваться нормами частного права [1, с. 274].

С принятием Закона Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 98 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам уголовной и административной ответственности» дополнен содержащийся в ст. 4.5 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП) перечень деяний, влекущих административную ответственность по требованию. Теперь к таким деяниям (кроме телесного повреждения, клеветы, оскорбления, отказа в предоставлении информации, присвоения имущества, причинения ущерба, уничтожения урожая, уничтожения имущества, разглашения тайны) отнесены нарушения, совершенные лицом, управляющим транспортным средством, пешеходом, лицом, управляющим велосипедом, гужевым транспортным средством, или лицом, участвующим в дорожном движении и не управляющим транспортным средством, ПДД, повлекшие причинение потерпевшему легкого телесного повреждения либо повреждение транспортного средства или иного имущества (ч.ч. 1–3 ст. 18.17 и ч. 4 ст. 18.23 КоАП) [5].

В соответствии со ст. 9.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИККоАП) административный процесс по делам об административных правонарушениях, преду-

смотренных ч.ч. 1–3 ст. 18.17 и ч. 4 ст. 18.23 КоАП Республики Беларусь, начинается только по требованию потерпевшего либо его законного представителя и подлежит прекращению в случае примирения с лицом, в отношении которого ведется административный процесс [7].

Указанные нормы относятся к нормам частного правового характера. Их принятие связано с возможностью потерпевшего самостоятельно защищать интересы, связанные с причинением вреда его здоровью и имуществу вследствие нарушений ПДД. Отношения, связанные с причинением вреда, регулируются гражданским законодательством. Так, в главе 58 «Обязательства вследствие причинения вреда» Гражданского кодекса Республики Беларусь закреплена ответственность за причинение вреда [2]. Исходя из этого данная новелла, безусловно, способствовала совершенствованию административного законодательства. Вместе с тем дополнения, внесенные в ст. 4.5 КоАП Республики Беларусь, исключают возможность применения к правонарушителю мер административной ответственности за нарушение ПДД (в случае отсутствия требования потерпевшего либо его законного представителя), которое, как было указано выше, затрагивает интересы всех членов общества, связанные с необходимостью обеспечения безопасности дорожного движения.

Так, например, проезд водителем регулируемого пешеходного перехода на красный сигнал светофора (пп. 7.1.2, 39.5 ПДД) подлежит административной ответственности по ч. 1 ст. 18.14 КоАП Республики Беларусь, а в случае если данное нарушение повлечет причинение потерпевшему легкого телесного повреждения либо повреждение транспортного средства или иного имущества, действия правонарушителя будут квалифицироваться по ч. 1 ст. 18.17 КоАП и при отсутствии требования потерпевшего либо его законного представителя он избегает административной ответственности.

Исходя из этого дополнения, внесенные в ст. 4.5 КоАП Республики Беларусь, представляются не совсем удачными, а применение мер административной ответственности к лицам, совершившим правонарушения, предусмотренные ч.ч. 1–3 ст. 18.17 и ч. 4 ст. 18.23 КоАП, малоэффективным. Кроме этого, принятие ст. 4.5 КоАП и ст. 9.4 ПИККоАП в новой редакции способствовало формированию практики правоприменения, противоречащей требованиям закона.

Так, согласно методическим рекомендациям управления Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – ГАИ) административный процесс по ч.ч. 1–3 ст. 18.17, ч. 4 ст. 18.23 КоАП подлежит прекращению в случае примирения (до объявления постановления по делу об административном правонарушении) потерпевшего

либо его законного представителя с лицом, в отношении которого он начат. В этом случае, а также в случае отсутствия требования потерпевшего либо его законного представителя о привлечении к административной ответственности на правонарушителя должно быть наложено административное взыскание за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст.ст. 18.12–18.15 чч. 1–3 ст. 18.23 либо ч. 2 ст. 18.22 КоАП.

Например, если лицо, управляющее транспортным средством, совершило действие, предусмотренное ч. 6 ст. 18.14 КоАП, в результате которого произошло ДТП, и при этом потерпевший не требует привлечь его к административной ответственности по ч. 1 ст. 18.17 КоАП, то уполномоченный сотрудник ГАИ составляет в отношении данного лица протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 6 ст. 18.14 КоАП, а при наличии достаточных данных, указывающих на создание аварийной обстановки, – по ч. 10 ст. 18.14 КоАП. При составлении протокола по факту совершенного правонарушения, повлекшего ДТП, в фабуле указываются действия водителя, повлекшие создание аварийной обстановки (если они имели место), и сведения о наступивших в результате совершения правонарушения последствиях (причинение телесных повреждений, повреждение имущества, груза и т.д.). В графе протокола после слов «ответственность за которое предусмотрена ст.» указывается как ч. 6 ст. 18.14 КоАП (либо ч. 10 ст. 18.14 КоАП), так и ч. 1 ст. 18.17 КоАП. При этом в случае поступления заявления потерпевшего с требованием привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 18.17 КоАП (в течение двух месяцев) либо примирения с лицом, в отношении которого ведется административный процесс (до вынесения постановления по делу), новый протокол об административном правонарушении не составляется. Правонарушитель привлекается к ответственности в зависимости от названных обстоятельств либо по ч. 1 ст. 18.17 КоАП либо по ч. 6 ст. 18.14 КоАП (либо ч. 10 ст. 18.14 КоАП) [13].

Данная практика применения административного законодательства целесообразна (практически необходима) исходя из публичности норм, регулирующих интересы общества в части обеспечения безопасности дорожного движения, и необходимости эффективного применения мер административной ответственности при совершении административных правонарушений, связанных с нарушением ПДД, но противоречит принципам административной ответственности, изложенным в ст. 4.2 КоАП (законности, виновной ответственности, справедливости и гуманизма), поэтому является неправомерной [3].

Так, в ч. 6 ст. 4.2 КоАП раскрывается принцип виновной ответственности и говорится, что лицо подлежит административной ответствен-

ности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена их вина [3]. Составы административных правонарушений, предусмотренных чч. 1–3 ст. 18.17 и ч. 4 ст. 18.23 КоАП и влекущих административную ответственность по требованию, являются материальными. Вина лиц, совершивших такие правонарушения, характеризуется умыслом к нарушению ПДД и неосторожностью к наступлению последствий. Составы подавляющего большинства административных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 18.12–18.15, чч. 1–3 ст. 18.23, ч. 2 ст. 18.22 КоАП, являются формальными, и вина лиц, их совершивших, характеризуется только умыслом к нарушению ПДД. Вина – понятие целостное и неделимое. Поэтому в случае установления виновности лица в совершении административного правонарушения, предусмотренного чч. 1–3 ст. 18.17 либо ч. 4 ст. 18.23 КоАП, нельзя вести речь о его виновности в совершении правонарушений, предусмотренных статьями 18.12–18.15, чч. 1–3 ст. 18.23, либо ч. 2 ст. 18.22 КоАП.

Согласно положениям чч. 7, 8 ст. 4.2 КоАП административное взыскание должно назначаться с учетом характера и вредных последствий административного правонарушения, быть необходимым и достаточным для воспитания физического лица, совершившего административное правонарушение [3]. С учетом данного положения в санкциях статей законодателем определены виды взысканий и пределы их применения за каждое конкретное административное правонарушение в отдельности.

В сравнении с правонарушениями, предусмотренными ст.ст. 18.12–18.15, чч. 1–3 ст. 18.23 ч. 2 ст. 18.22 КоАП, наблюдается усиление законодателем административной ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных чч. 1–3 ст. 18.17 и ч. 4 ст. 18.23 КоАП. Это связано с необходимостью учета наступивших последствий, закрепленных в диспозиции статьи, при наложении административного взыскания. В случае отсутствия требования потерпевшего либо его законного представителя о привлечении к административной ответственности по чч. 1–3 ст. 18.17, ч. 4 ст. 18.23 КоАП и привлечения лица к административной ответственности по ст.ст. 18.12–18.15, чч. 1–3 ст. 18.23 либо ч. 2 ст. 18.22 КоАП невозможно учесть наступившие последствия при наложении взыскания, так как пределы и виды взысканий, имеющих в санкциях данных статей, законодателем заметно ограничены. В связи с данным ограничением правоприменитель не сможет назначить взыскание, необходимое и достаточное для воспитания лица, совершившего административное правонарушение.

Составы административных правонарушений, предусмотренных чч. 1–3 ст. 18.17 и ч. 4

ст. 8.23 КоАП, содержат только присущие им признаки, чем отграничиваются соответственно от правонарушений, предусмотренных ст.ст. 18.12–18.15, чч. 1–3 ст. 18.23, ч. 2 ст. 18.22 КоАП [4. с. 106]. При наличии всех признаков, образующих составы административных правонарушений, предусмотренных чч. 1–3 ст. 18.17 и ч. 4 ст. 18.23 КоАП, ни при каких обстоятельствах недопустимо учитывать только часть данных признаков и квалифицировать деяние по статьям 18.12–18.15, чч. 1–3 ст. 18.23, ч. 2 ст. 18.22 КоАП.

Таким образом, привлечение лица к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст.ст. 18.12–18.15, чч. 1–3 ст. 18.23, ч. 2 ст. 18.22 КоАП, в случае совершения им правонарушения, предусмотренного чч. 1–3 ст. 18.17 и ч. 4 ст. 18.23 КоАП, является незаконным.

С целью устранения выявленной проблемы в правоприменении, достижения целей и реализации принципов административной ответственности, повышения ее эффективности, исключения возможности двойного толкования и ненадлежащего применения норм административного законодательства, влекущего нарушения прав граждан, целесообразно:

1. Исключить из КоАП составы правонарушений, предусмотренных чч. 1–3 ст. 18.17 КоАП.

2. Ч. 4 ст. 18.23 КоАП принять в следующей редакции: «Оставление пешеходом, лицом, управляющим велосипедом, гужевым транспортным средством, или лицом, участвующим в дорожном движении и не управляющим транс-

портным средством, места ДТП, участниками которого они являются.».

3. Исключить из ст. 4.5 КоАП пункты 8¹, 8².

4. Дополнить ст. 7.3 «Обстоятельства, отягчающие административную ответственность» пунктом 12 следующего содержания: «12. Совершение административного правонарушения против безопасности и эксплуатации транспорта, связанного с нарушением Правил дорожного движения, повлекшее причинение потерпевшему легкого телесного повреждения либо повреждение транспортного средства или иного имущества.».

Правоотношения между правонарушителем и потерпевшим по возмещению вреда, причиненного в результате ДТП, должны регулироваться исключительно нормами гражданского законодательства.

5. Изменить санкции статей в направлении усиления ответственности за правонарушения, связанные с нарушением ПДД и наиболее часто приводящие к ДТП: ст. 18.13, чч. 3, 4 ст. 18.14, ч. 1 ст. 18.15, ч.ч. 1–3 ст. 18.23 КоАП;

6. Установить ответственность за совершение повторно в течение года после привлечения к административной ответственности правонарушений, предусмотренных чч. 3, 4 ст. 18.14 и чч. 1–3 ст. 18.23 КоАП.

Предлагаемое разрешение выявленной проблемы позволит более эффективно реализовывать меры административной ответственности за совершение административных правонарушений, связанных с нарушениями ПДД, в целях минимизации ДТП и обеспечения безопасности дорожного движения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права: учеб. / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; под общ. ред. В.А. Кучинского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит., 2006. – 656 с.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.01.2011 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпект», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

3. Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.11.2010 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпект», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

4. Крамник, А.Н. Административное право. Ч. 2. Административно-деликтное право. Общая часть: пособие для студентов высш. учеб. заведений по юрид. специальностям / А.Н. Крамник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Изд. центр БГУ, 2009. – 379 с.

5. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Респ. Беларусь по вопросам уголовной и административной ответственности: Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 98-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпект», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

6. О мерах по повышению безопасности дорожного движения: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 нояб. 2005 г., № 551: в ред. указов Президента Респ. Беларусь от 18.10.2007, 04.12.2008, 23.01.2009, 17.12.2009, 25.11.2010 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпект», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

7. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: 20 дек. 2006 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.11.2010 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

8. Ливанский, О.Г. Сведения о состоянии дорожно-транспортной аварийности: аналит. сб. / О.Г. Ливанский, А.А. Сушко; МВД Республики Беларусь; под общ. ред. А.М. Менделеева. – Минск, 2007.

9. Ливанский, О.Г. Сведения о состоянии дорожно-транспортной аварийности: аналит. сб. / О.Г. Ливанский, А.А. Сушко; МВД Республики Беларусь; под общ. ред. А.М. Менделеева. – Минск, 2008.

10. Бульбенков, В.В. Сведения о состоянии дорожно-транспортной аварийности: аналит. сб. / В.В. Бульбенков, О.Г. Ливанский, А.А. Сушко; МВД Респ. Беларусь; под общ. ред. Ю.А. Литвина. – Минск, 2009.

11. Бульбенков, В.В. Сведения о состоянии дорожно-транспортной аварийности: аналит. сб. / В.В. Бульбенков, О.Г. Ливанский, А.А. Сушко; МВД Респ. Беларусь; под общ. ред. Е.Е. Полудня. – Минск, 2010.

12. Бульбенков, В.В. Сведения о состоянии дорожно-транспортной аварийности: аналит. сб. / В.В. Бульбенков, О.Г. Ливанский, А.А. Сушко; МВД Респ. Беларусь; под общ. ред. Е.Е. Полудня. – Минск, 2011.

13. Черняков, С.П. Методические рекомендации по применению сотрудниками Госавтоинспекции некоторых норм Кодекса об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь / Черняков С.П. // Информ. бюл. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – Вып. 46. – С. 35–51.

Дата поступления статьи в редакцию 08.02.2011

К ВОПРОСУ О ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСАХ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ТЕЛЯТИЦКАЯ Т.В.,

доцент кафедры теории и истории права факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук

АСАЁНОК М.И.,

соискатель кафедры теории и истории права Белорусского государственного экономического университета

Данная статья посвящена вопросам понятия, правовой сущности и содержания законных интересов лица, в отношении которого ведется административный процесс. В ней дана также авторская классификация законных интересов и критерии правомерности их защиты в административном процессе.

This article is about questions of the notion, legal essence and content of legal interests of a person, who is in administrative procedure. It contains the authors' definition of legal interests, its law defense criteria in administrative procedure.

Введение

В административно-процессуальном законе, равно как и в литературных источниках, принцип обеспечения права лица, в отношении которого ведется административный процесс, на защиту предполагает, кроме реализации прав этого субъекта административно-процессуальных отношений, также и защиту его законных интересов. Однако сложившаяся в законе и теории ситуация в отношении обеспечения интересов участника административного процесса в некоторой степени парадоксальна, поскольку действующий Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) использует термины «интерес», «законный интерес», не конкретизируя их содержания и не определяя критерии правомерности их реализации. Все это не может не вызывать разночтения в понимании органом, ведущим административный процесс, и стороной защиты способов реализации этих законных интересов. Представляется, что данный пробел в законе возможно и необходимо устранить. Для этого важно определить, какие из «интересов» лица, в отношении которого ведется административный процесс, подлежат правовой защите. В силу того, что наука административного процесса еще достаточно далека от разрешения этих вопросов, будем использовать отдельные наработки

уголовно-процессуальной сферы. Это обусловлено и тем, что регламентация правового статуса участников административного и уголовного процесса во многом совпадает.

Основная часть

Этимологическое значение слова «интерес» – нужды, потребности его субъекта [9, с. 541]. С точки зрения психологии, интерес – это «форма проявления познавательной потребности, обеспечивающая направленность личности на осознание целей деятельности и тем самым способствующая ориентировке, ознакомлению с новыми фактами, более полному и глубокому отражению действительности» [5, с. 124].

Интерес является основным побудительным мотивом реализации норм объективного права конкретным субъектом. Именно он определяет, какие нормы данного права использует лицо для достижения социальных благ. Посредством этого лицо становится субъектом правоотношений в той либо иной сфере правоприменения. В административном процессе различные его участники также имеют определенные интересы. Именно интересы (точнее, их различие у разных участников процесса) привели к формированию отдельных процессуальных функций: функции защиты, ведения административного расследования (подготовки к рассмотрению дела об ад-

министративном правонарушении), рассмотренная по существу дела об административном правонарушении. Столкновение противоборствующих интересов привело к жесткой регламентации правил их осуществления как со стороны защиты, так и со стороны должностных лиц органов, ведущих административный процесс.

Общественные и государственные интересы в полной мере определены в статье 1.2 ПИК_оАП: установление правовой процедуры осуществления административного процесса, регулирование исполнения постановления о наложении административного взыскания, обеспечение прав и законных интересов физических и юридических лиц, которым административным правонарушением причинены вред жизни или здоровью либо имущественный или моральный вред, а равно защита прав, свобод и законных интересов лиц, подвергнутых административному взысканию. Эти интересы имеют значение для всего общества в целом, определяют границы защиты интересов всех участников процесса. По справедливому замечанию А.Н.Козлова, публичный интерес есть «любой интерес, который берет под свою защиту государство ввиду невозможности или нецелесообразности его индивидуального осуществления, ярко выраженного социального характера и особой значимости для существования и развития общества в целом либо большей его части» [4, с. 75].

Очевидно, что правомерный интерес государства состоит не только в привлечении к ответственности виновных в совершении административных правонарушений лиц, но и избежании случаев привлечения к ответственности лиц невиновных. Однако целью стороны защиты является согласно пункту 9 части первой статьи 1.4 ПИК_оАП обеспечение прав, свобод и законных интересов физического лица, в отношении которого ведется административный процесс. В представленном в указанном пункте определении защиты хотелось бы выделить два аспекта:

1) нигде не указаны пределы и способы осуществления защиты, что позволяет интерпретировать в качестве средств и способов ее любые действия, имеющие вышеуказанные цели;

2) используется именно термин «законные интересы» безо всякой ссылки на их содержание.

Все это позволяет говорить о том, что в качестве законных интересов лица, в отношении которого ведется административный процесс, могут быть указаны любые его интересы, способствующие избежанию или смягчению административной ответственности. Но возможно ли такое, чтобы одна из процессуальных функций противоречила целям административного процесса в целом? Очевидно, что нет. Так почему же возможна такая интерпретация интересов лица, в отношении которого ведется админист-

ративный процесс, которая позволяет препятствовать установлению обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, нарушать права иных участников процесса? По мнению авторов, первой из причин является отсутствие законодательного разграничения понятий «интерес» и «законный интерес».

В самом общем виде интересы лица, в отношении которого ведется административный процесс, могут быть представлены следующими составляющими:

избежание административной ответственности;

смягчение административной ответственности;

продолжение противоправной деятельности; сохранение чести, достоинства и деловой репутации;

избежание иных негативных последствий, связанных с привлечением к административной ответственности, для себя и своих близких.

Как видим, круг интересов достаточно широк. Однако все ли из указанных интересов лица, в отношении которого ведется административный процесс, являются законными и в силу этого подлежат правовой защите? И здесь кажется уместным привести мнение В.Н.Бибило, в котором усматривается основная предпосылка возможного решения данного вопроса: «Социальные интересы людей выражаются в их социальном поведении, которое проявляется как позиция, ориентированная на поступок или воздержание от него. Для того чтобы поведение человека носило позитивный характер, оно должно согласовываться с легитимным порядком, принятым в данном обществе, государстве» [2, с. 37]. Из этого следует, что с правовой точки зрения значение имеет даже не сам интерес участника административного процесса, а способ реализации этого интереса, то есть поведение данного участника при осуществлении своего интереса, правомерность или неправомочность его.

Справедливо, что правовой защитой должны обеспечиваться лишь те интересы лица, в отношении которого ведется административный процесс, которые не противоречат праву, его принципам либо прямо в нем предусмотрены, то есть речь идет только о законных интересах [7, с. 205].

Что же такое законный интерес и в чем особенность его реализации по сравнению с правом? А.В.Малько и В.В.Субочев, учитывая опыт исследования данного правового явления в общей теории права, дают различные интерпретации этого термина, суть которых сводится к следующему: законный интерес имеет характер юридического стремления, которому не соответствует четкая корреспондирующая обязанность других лиц [6, с. 41, 69–70, 73]. Аналогичное определение законных интересов в сфере

уголовного процесса дает белорусский ученый-процессуалист П.В.Мытник [8, с. 54].

Особенностью законного интереса, в том числе и участника административного процесса, как указано в вышеприведенном определении, является то, что ему, в отличие от субъективного права, не соответствует определенная процессуальная обязанность иного участника процесса. Законные интересы чрезвычайно многочисленны, поэтому их невозможно в полной мере отразить в законодательстве. Особо важные законные интересы постепенно могут быть закреплены в законе с установлением обязанности иных сторон того либо иного правоотношения. В этом случае законный интерес преобразуется в субъективное право. Кроме того, законный интерес конкретизирует и уточняет порядок пользования каким-либо правом.

Поддерживая точку зрения П.В.Мытника в том, что интересы участника уголовного процесса подразделяются на материально-правовые и процессуальные, представляем возможным использовать имеющую место в литературе классификацию интересов подозреваемого, обвиняемого и структурировать законные интересы применительно к лицу, в отношении которого ведется административный процесс, по следующей схеме:

1) материально-правовые:

а) заинтересованность в том, чтобы не быть привлеченным к административной ответственности при отсутствии вины в совершении административного правонарушения;

б) заинтересованность в том, чтобы не быть подвергнутым несправедливому административному взысканию;

в) заинтересованность в справедливом возмещении им ущерба, причиненного его противоправным деянием;

2) процессуальные:

а) заинтересованность в неприкосновенности его личности, жилища и личной документации, если это не требуется в интересах установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела;

б) заинтересованность в сохранении его чести, достоинства и деловой репутации при ведении административного процесса;

в) заинтересованность в получении наиболее полной информации, касающейся его права на защиту;

г) заинтересованность в том, чтобы не подвергаться излишним мерам административно-процессуального принуждения;

3) материальные (обеспечение оптимальной для виновного лица степени и характера ответст-

венности за счет его собственности, денежных средств путем ходатайства об отсрочке, рассрочке исполнения штрафа, обращении ареста лишь на определенные объекты имущества и др.);

4) моральные (обеспечение органом, ведущим административный процесс конфиденциальности самого факта привлечения лица к административной ответственности в части, не причиняющей вреда интересам общества и государства, компенсация морального вреда за неправомерное или необоснованное привлечение к административной ответственности) [1, с. 130–131; 3, с. 24; 10, с. 30; 8, с. 54].

Предполагая, что данная классификация не является исчерпывающей, можно считать, что она все же дает тот перечень, который составляет содержание законных интересов, на удовлетворение которых данное лицо имеет право. Реализация же этих интересов должна основываться на критерии непричинения вреда реализации задач административного процесса (без ущемления презумпции невиновности), правам и законным интересам граждан. Однако в белорусском законодательстве пока еще нигде не закреплено само понятие «законные интересы». Все это не может не отразиться на правоприменительной практике.

Заключение

Вышеизложенное требует внесения некоторых дополнений и изменений в действующее административно-процессуальное законодательство. Так, в статье 1.4 ПИККоАП «Разъяснение некоторых понятий и наименований, содержащихся в настоящем Кодексе» необходимо закрепить одним из пунктов определение понятия «законные интересы» в следующей редакции: «Законные интересы участника процесса – это предусмотренные законом либо не противоречащие ему интересы участника административного процесса, реализация которых не препятствует осуществлению правосудия и не нарушает права и защищаемые законом интересы иных лиц». Кроме того, необходимо внести изменения во все статьи ПИККоАП, где содержится термин «интересы». Поскольку правовой защите подлежат лишь законные интересы любого участника административного процесса, представляется, что и в указанных статьях термин «интересы» должен быть заменен на «законные интересы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Апралич, М.Л. Охраняемые законом личные неимущественные интересы / М.Л. Апралич // Правоведение. – 2001. – № 2. – С. 124–132.

2. Бибило, В.Н. Социально-правовые основы правосудия по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В.Н. Бибило. – Минск, 1995. – 242 л.
3. Дорожков, В.В. Частное обвинение: правовая теория и судебная практика / В.В. Дорожков. – М.: НОРМА, 2000. – 144 с.
4. Козлов, А.Н. Понятие и содержание публичного интереса в свете принципа публичности уголовного судопроизводства / А.Н. Козлов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 1, Право. – 2007. – № 1. – С. 72–86.
5. Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
6. Малько, А.В. Законные интересы как правовая категория / А.В. Малько, В.В. Субочев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. – 359 с.
7. Масленникова, Л.Н. О соотношении общественных и частных интересов в уголовном судопроизводстве / Л.Н. Масленникова // Духовность. Правопорядок. Преступность: материалы науч.-практ. конф. – М., 2000. – С. 201–206.
8. Мытник, П.В. Потерпевший в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / П.В. Мытник. – Минск, 2001. – 126 л.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 907 с.
10. Перлов, И.Д. Право на защиту: учеб. пособие / И.Д. Перлов. – М.: Знание, 1969. – 80 с.
11. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

Дата поступления статьи в редакцию 17.02.2011

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

СЕНЬКОВА Т.В.,

преподаватель Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины

В статье рассмотрены наиболее часто встречающиеся подходы к пониманию административной юрисдикции, содержатся уточнение и разграничение понятий «административная юрисдикция» и «административная юстиция». Приводятся позиции советских и белорусских ученых по данным вопросам. Автор придерживается мнения о необходимости выделения в качестве самостоятельных видов административно-управленческой и административно-деликтной юрисдикции, приводит определения данных понятий. Суд представлен субъектом административной юрисдикции, которому принадлежит центральное место в разрешении правовых конфликтов, осуществляемых путем правосудия.

The article deals with different approaches to understanding of an administrative jurisdiction. Specification and differentiation of concepts «administrative jurisdiction» and «administrative justice» have been revealed. Positions of the Soviet and Belarus scientists in point of these questions have been resulted. The author holds the opinion about necessity of allocation of administrative management and administrative delictual jurisdictions and definitions of these concepts have been given.

The court is represented as a subject of administrative jurisdiction which has an ultimate position in juridical resolving of legal conflicts.

Введение

В настоящее время система современного права и законодательства постепенно изменяется. При проведении научных исследований это заставляет обращаться к, казалось бы, относительно устоявшимся, хотя до конца и не определенным понятиям, искать их применяющиеся значения. Административно-юрисдикционная деятельность занимает значительную часть всей процессуальной деятельности государственных органов, однако она не имеет четкого законодательного закрепления и научного понимания.

Еще в конце 70-х гг. XX в. А.П.Шергин отмечал недостаточную разработку проблем юрисдикционной деятельности в науке административного права. Основные усилия были направлены на изучение сущности административной ответственности, административных санкций и их эффективности. Этим вопросам были посвящены работы многих ученых (А.Е.Лунев, О.М.Якуба, Д.Н.Бахрах, А.П.Клюшниченко, М.С.Студеникина, Л.Л.Попов, И.И.Веремеенко, Е.С.Павлова и др.). Природа же административной юрисдикции в правоохранительном механизме не получила всестороннего научного рассмотрения. Вместе с тем посредством административной юрисдикции обеспечивается защита общественных отношений в государственном управлении, ведется работа по

предотвращению административных правонарушений. Эффективность использования административно-юрисдикционного способа правоохраны предполагает знание природы административной юрисдикции, форм ее осуществления [1].

Разработка проблем административной юрисдикции актуальна и сегодня, отвечает задаче дальнейшего совершенствования административно-деликтного законодательства. До настоящего времени не выработано четкого подхода к вопросу о понимании административной юрисдикции, а в содержание этого термина вкладывают разный смысл. Существующие немногочисленные публикации белорусских ученых, таких как А.Н.Крамник, В.А.Круглов и других, по этим вопросам не восполняют указанного пробела. В связи с чем следует определить ряд теоретических положений по проблемам понятия административной юрисдикции как с точки зрения субъектного состава, так и предметной характеристики. Необходимо также провести сравнение указанного понятия с другими родственными понятиями, дать их определение.

Основная часть

В литературе существует несколько основных подходов к трактовке понятия «юрисдикция». Юрисдикцию понимают как сферу дея-

тельности, совокупность полномочий, а также как саму деятельность.

Словарь иностранных слов определяет юрисдикцию (лат. *jurisdictio* – судопроизводство, от *jus* – право и *dictio* – произнесение) как: 1) подсудность, право производить суд, решать правовые споры; 2) правовую сферу, на которую распространяются полномочия данного органа [2]. Значит, юрисдикцию чаще всего ассоциируют с подсудностью, судопроизводством, ведением суда, поскольку деятельность по разрешению правовых споров и дел о правонарушениях является прерогативой суда.

По одному из представлений, юрисдикция – это установленная законом совокупность полномочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и решать дела о правонарушениях, то есть оценивать действия лица или иного субъекта с точки зрения их правомерности, применять юридические санкции к правонарушителю. Юрисдикция определяется в зависимости от вида и характера разрешаемых дел, от территории их принадлежности, от участвующих в деле лиц [3].

Таким образом, здесь под юрисдикцией понимается предмет ведения или сфера отношений, на которую распространяются полномочия соответствующего государственного органа.

Несмотря на то, что юрисдикцию можно определить как полномочие или их совокупность, часто ее связывают с рассмотрением и разрешением юридических дел, правоприменительной и правоохранительной деятельностью государственных органов.

Так, В.А.Круглов придерживается достаточно противоречивой позиции, соглашаясь, с одной стороны, с мнением о том, что юрисдикция – это рассмотрение в установленном порядке и принятие судом или другим государственным органом (должностным лицом) решения по делу, а с другой стороны – установленная законом совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и решать дела о правонарушениях [4].

Определять юрисдикцию через термин «рассмотрение» вряд ли правомерно, поскольку рассмотрение юридического дела всегда выступает как стадия того или иного процесса. Поэтому правильнее понимать юрисдикцию как сферу правовых отношений, формирующих предмет ведения соответствующей компетенции.

Понятие юрисдикции всегда приобретает отраслевой характер в зависимости от сферы правовых отношений, формирующих однородный предмет ведения. В связи с этим говорят об уголовной, гражданской, административной юрисдикции и т.д. Относительно понимания административной юрисдикции мнения ученых также расходятся, а юридические словари содержат разные толкования.

Кроме того, часто административную юрисдикцию понимают как круг дел, подлежащих ведению административных учреждений, в отличие от дел, входящих в компетенцию суда, или установленную законодательными актами деятельность органов государственного управления и должностных лиц по разрешению административных дел и применению соответствующих санкций в административном порядке (без обращения в суд) [3]. То есть имеет место узкий, или, можно сказать, «управленческий» подход к определению административной юрисдикции. С данным определением сложно полностью согласиться в силу его несоответствия общепринятому понятию юрисдикции, неотделимому от деятельности суда.

Имеет место также и другое понимание административной юрисдикции. По мнению А.П.Шергина, административная юрисдикция представляет собой часть исполнительно-распорядительной деятельности, под которой понимается вид правоохранительной деятельности органов государственного управления и других компетентных органов, охватывающей рассмотрение дел об административных правонарушениях и решения по ним в установленных законом формах и порядке [1]. Таким образом, имеет место так называемый деятельностный подход к определению административной юрисдикции.

Ученый также отмечает связь административной юрисдикции с другими видами юрисдикции – уголовной и гражданско-правовой. Так, по его мнению, административная и уголовная юрисдикция наиболее близки по своей природе и решаемым задачам. С помощью применения административных и уголовных санкций осуществляется борьба с правонарушениями. Формулируя составы преступлений с административной преюдицией, законодатель презюмирует возможность их предупреждения посредством административных взысканий. Взаимосвязь административной и гражданско-правовой юрисдикции основана на том, что совершение административных правонарушений часто связано с причинением материального ущерба [1].

На современном этапе правового развития назрела необходимость более широкого понимания административной юрисдикции, поскольку узкий подход исключает ее судебную форму, что не соответствует действующему законодательству, а широкие подходы не всегда учитывают разнородность возникающих в сфере административного права отношений.

В связи с этим наиболее приемлем подход А.Н.Крамника, который широко трактует административную юрисдикцию как с точки зрения субъектного критерия, выделяя в качестве субъекта административной юрисдикции не только исполнительные органы, но и суды, так и с точки

зрения предметного критерия. А.Н.Крамник под административной юрисдикцией понимает деятельность органов исполнительной власти, должностных лиц, суда по разрешению индивидуальных дел и споров о праве [5]. Единственно спорной в таком определении является трактовка административной юрисдикции как деятельности (процесса). Считаю, что процесс выступает формой реализации юрисдикции, а не является ею.

Под индивидуальными делами понимаются дела в связи с совершением дисциплинарного проступка или административного правонарушения, под спорами о праве – споры между физическими лицами и организациями и органами исполнительной власти.

Широкого понимания административной юрисдикции придерживается также в одном из предлагаемых определений В.А.Круглов, изучая данное явление как установленную законом или иным нормативным актом совокупность правомочий соответствующих государственных органов, должностных лиц, органов общественности по рассмотрению и разрешению правовых споров и дел о правонарушениях [4].

А.Н.Крамник и В.А.Круглов акцентируют внимание на том, что административная юрисдикция имеет сложную структуру. Еще А.П.Шергин не отрицал возможности разделения административной юрисдикции на два вида: разрешение жалоб граждан на действия государственных органов и их должностных лиц и рассмотрение дел об административных правонарушениях и принятие решения по ним [1].

Автор настоящей статьи также придерживается подхода о необходимости выделения двух видов административной юрисдикции. Современное развитие ранее высказанных позиций ученых видится в применении общетеоретических административных правовых идей в теории административной юрисдикции. В частности, А.Н.Крамником и другими белорусскими учеными обоснована необходимость разделения административного права с учетом предметного критерия на право управленческое, административно-деликтное и административно-процессуальное по делам об административных правонарушениях [6].

С учетом этого, используя предметный критерий, в структуре административной юрисдикции можно выделить административно-управленческую сферу и административно-деликтную сферу. Административно-управленческая юрисдикция охватывает два вида правоотношений: разрешение позитивных индивидуальных дел, а также споров о праве, вытекающих из публичных, административных правоотношений. Административно-деликтная юрисдикция включает правоотношения по привлечению к административной ответственности, а также по обжалованию и опротестованию постановлений по делу об административном правонарушении.

Названные разновидности юрисдикции отличаются особыми видами субъектов ее реализации. В отношении административно-управленческой юрисдикции основным субъектом реализации следует признать органы государственного управления и их должностных лиц. При этом не умаляется значение суда, участвующего в разрешении споров о праве, возникающих в процессе государственного управления. В осуществлении административно-деликтной юрисдикции как по количеству разрешаемых дел, так и по роли, выполняемой на любой из стадий административно-деликтной процессуальной деятельности, особое место отводится судам. Юридическая природа суда как органа административно-деликтной юрисдикции в отличие от других органов исполнительной власти и должностных лиц состоит в том, что, применяя нормы административной ответственности, суд реализует в первую очередь не исполнительно-распорядительную деятельность, а деятельность по осуществлению правосудия.

Суды осуществляют правосудие, другие органы этого не делают. Если суды имеют своей задачей охрану и защиту прав и эта деятельность для них основная, то органы государственного управления выполняют ее только наряду с решением других задач [7]. Потребность в изучении данной деятельности суда связана с тем, что в последнее время наблюдается тенденция роста количества дел об административных правонарушениях, рассматриваемых судами, на основе чего существует также необходимость изучения и критического анализа норм Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Как уже отмечалось выше, с точки зрения предметной характеристики А.Н.Крамник в структуре административной юрисдикции выделяет рассмотрение споров о праве, под которыми здесь понимаются споры граждан и юридических лиц с органами исполнительной власти, возникшие в связи с реализацией публичного управления, то есть административную юстицию. Значит, административная юстиция может признаваться частью административно-управленческой юрисдикции.

В то же время в юридической литературе встречаются попытки уравнивания понятий административной юрисдикции, административной юстиции и административного судопроизводства. Так, А.Власов одним из основных элементов правового государства называет институт судебного контроля за деятельностью органов исполнительной власти, который и называет административной юрисдикцией. К ведению административной юрисдикции А.Власов относит административно-правовые конфликты, которые связаны с защитой прав и законных интересов физических и юридических лиц, то есть

производство по делам, возникающим из административно-правовых (публичных) отношений [8]. Однако такую деятельность суда, как судебный контроль за управленческими действиями органов исполнительной власти, должностных лиц и государственных служащих, все же принято называть административной юстицией.

Указанный автор не заостряет внимание на соотношении понятий «административная юрисдикция» и «административная юстиция». По его мнению, важнее то, что одной из сторон всегда выступает орган, осуществляющий управленческую деятельность, и отношения между данным органом и гражданами носят сложный императивный характер. Последнее можно назвать общим признаком данных понятий, что в то же время не позволяет их синонимировать.

В подтверждение данного вывода следует привести мнение М.Д. Загряцкова, который еще в 20-х годах прошлого века писал: «Административной юстицией мы называем особый порядок рассмотрения жалобы на незаконные административные акты, осуществляемый с участием жалобщика как стороны и имеющий своим последствием отмену или исправление актов» [9].

В то же время считается, что административная юстиция восходит к судебной деятельности, поскольку рассмотрение и разрешение в судебном порядке споров граждан и юридических лиц с субъектами публичной власти (органами государственного управления) по вопросам их управленческой деятельности возможны в связи с реализацией гражданами и юридическими лицами конституционного права на судебную защиту [10], права на обжалование решений государственных органов и их должностных лиц в суде [11; 12].

Таким образом, можно согласиться с тем, что главные цели административной юстиции – защитить частный интерес в публичной сфере и таким образом обеспечить отношения, основанные на законе и во имя исполнения закона, между властным органом и подвластным субъектом [7], осуществить судебный контроль за правомочностью (законностью) актов публичной власти по отношению к лицам, не обладающим государственно-властными полномочиями [13].

Одной из черт, определяющих специфику института административной юстиции, является наличие специализированного органа – административного суда, рассматривающего дела, вытекающие из административно-правовых отношений. Еще в 1992 году Концепцией судебно-правовой реформы было закреплено положение о создании в вышестоящих судах общей юрисдикции и хозяйственных судах специализированных коллегий, а впоследствии – при появлении соответствующих условий – преобразование их в специализированные суды, в том числе и административные [14]. В соответствии

с Кодексом о судостроительстве и статусе судей в системе общих судов могут создаваться специализированные административные суды, так же в хозяйственном суде области наряду с другими коллегиями может образовываться судебная коллегия по административным делам. Исходя из этого в Республике Беларусь возможность создания административных судов предусмотрена законодательством, но на сегодняшний день на практике не реализована.

В то же время не следует административную юстицию заменять термином «административное судопроизводство». В Республике Беларусь административная юстиция в большей части осуществляется по нормам гражданского процессуального или хозяйственного процессуального права. В общих судах эта деятельность осуществляется в соответствии с правилами, установленными главой 29 Гражданского процессуального кодекса «Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений», соответственно административная юстиция осуществляется в гражданско-процессуальной форме и является гражданским судопроизводством. Споры с субъектами публичной власти также могут рассматриваться хозяйственными судами в соответствии с главой 25 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующей вопросы производства по делам о проверке законности ненормативных правовых актов, действий (бездействий) государственных органов, органов местного управления и самоуправления, должностных лиц. Вопросы административной юстиции частично урегулированы и административно-процессуальными нормами, что закреплено в седьмой главе Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях о порядке обжалования действий и решений судьи, должностного лица органа, ведущего административный процесс.

Таким образом, административная юстиция может осуществляться по правилам гражданского, хозяйственного и административно-делового судопроизводства и в процессе их осуществления. Значит, административная юстиция и административное судопроизводство – неидентичные понятия.

Исходя из вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

Юрисдикцию целесообразно определять через понятие «сфера правовых отношений», на которую распространяется компетенция соответствующего органа (должностного лица). Виды юрисдикции выделяются в зависимости от отраслей права.

В условиях признания административного управленческого права и административно-де-

ликтного права как самостоятельных отраслей права Республики Беларусь следует выделять:

административно-управленческую юрисдикцию – сферу правовых управленческих отношений, на которую распространяется совокупность установленных законодательством полномочий государственных органов и их должностных лиц, в том числе судов по разрешению позитивных индивидуальных управленческих дел, а также споров о праве, вытекающих из этих отношений;

административно-деликтную юрисдикцию – сферу административно-деликтных пра-

вовых отношений, на которую распространяется совокупность установленных законодательством полномочий судов и иных государственных органов, ведущих административный процесс по делам об административных правонарушениях.

С точки зрения субъектного критерия основным субъектом реализации административно-управленческой юрисдикции следует признавать органы государственного управления и их должностных лиц, а в отношении реализации административно-деликтной юрисдикции – суд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шергин, А.П. Административная юрисдикция / А.П. Шергин. – М.: Юрид. лит., 1979. – 144 с.
2. Словарь иностранных слов / под ред. А.Г. Спиркина, И.А. Акчурина, Р.С. Карпинской. – 7-е изд., перераб. – М.: Рус. язык, 1980. – 624 с.
3. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Кружских. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 790 с.
4. Круглов, В.А. Производство по делам об административных правонарушениях / В.А. Круглов. – Минск: Амалфея, 2002. – 272 с.
5. Крамник, А.Н. Административная юрисдикция / А.Н. Крамник // Белорус. юрид. энцикл.: в 4 т. / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – Т. 1. – 600 с.
6. Административное право: учеб. программа для высш. учеб. заведений по спец. 24 01 02 – «Правоведение», 24 01 03 – «Экономическое право», 23 01 06 – «Политология» (по направлениям) / А.Н. Крамник [и др.]. – Минск: БГУ, 2010. – 41 с.
7. Пошивайлова, А.В. Место административной юстиции в правовой материи / А.В. Пошивайлова // Право и политика. – 2004. – № 1. – С. 48–62.
8. Власов, А. Какой будет административная юрисдикция? / А. Власов // Рос. юстиция. – 2002. – № 11. – С. 17–19.
9. Барах, Д.Н. Административное судопроизводство, административная юстиция и административный процесс / Д.Н. Барах // Гос-во и право. – 2005. – № 2. – С. 19–25.
10. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Консультант-Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
11. Об обращениях граждан: Закон Респ. Беларусь, 6 июня 1996 г.: № 407-ХП: с изм. и и доп.: текст по состоянию на 1 нояб. 2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 189. – 2/1089.
12. О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 окт. 2007 г., № 498: с изм. и доп. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 302. – 1/11207.
13. Салищева, Н.Г. Административная юстиция и административное судопроизводство / Н.Г. Салищева, Н.Ю. Хаманева // Гос-во и право. – 2002. – № 1. – С. 5–11.
14. О концепции судебно-правовой реформы: постановление Верх. Совета Респ. Беларусь, 23 апр. 1992 г., № 1611-xii // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 4/1985.

Дата поступления статьи в редакцию 03.03.2011

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

ФЕДОРАКО А.И.,

старший преподаватель кафедры административного права и управления органами внутренних дел Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье основное внимание уделяется административно-правовому регулированию миграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь, так как именно вопросы въезда и пребывания иностранцев в Республике Беларусь являются наиболее актуальными с точки зрения обеспечения национальной безопасности и охраны общественного порядка.

В статье дается определение термину «административно-правовое регулирование миграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь», предлагаются меры по совершенствованию миграционного законодательства Республики Беларусь.

In the article the main attention is given to administrative and legal regulation of migration of foreign citizens and persons without citizenship to the Republic of Belarus as the question of entrance and residence of foreigners is the most actual from the point of view of maintenance of national security and public order protection.

The definition to the term «administrative and legal regulation of foreign citizens and persons without citizenship migration to the Republic of Belarus» is given and the measures on the improvement of the migratory legislation of the Republic of Belarus are offered.

Учитывая, что миграционные процессы оказывают существенное влияние на различные сферы жизнедеятельности общества, любое государство стремится контролировать миграционные перемещения на своей территории. В настоящее время перед государственными органами Республики Беларусь стоит проблема адекватного воздействия на миграционные процессы. Целями данного воздействия являются использование положительных аспектов миграционных процессов в интересах общества и государства, минимизация отрицательных последствий (прежде всего противодействие незаконной миграции, рабскому труду и др.), а также предоставление защиты вынужденным мигрантам в соответствии с национальным законодательством и международными соглашениями.

Правовое регулирование общественных отношений в сфере миграции занимает особое положение, так как затрагивает не только основополагающие права и свободы физических (как иностранных граждан и лиц без гражданства,

так и граждан Республики Беларусь) и юридических лиц, но и влияет на взаимоотношения между государствами.

Вопросы административно-правового регулирования миграционных процессов исследовались в работах российских ученых Д.В.Вострикова [4], С.А.Прудниковой [7] и др. Отдельные аспекты административно-правового регулирования миграционных процессов в Республике Беларусь рассматривались в работах белорусских исследователей Л.А.Васильевой [3], И.И.Маха [6] и др. Необходимо обратить внимание, что комплексного исследования механизма административно-правового регулирования миграционных процессов в Республике Беларусь на монографическом уровне не проводилось, что и вызывает потребность в исследованиях данной проблемы.

Целями данной статьи являются рассмотрение механизма административно-правового регулирования миграции иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – иностранцы), проведе-

ние анализа действующего законодательства Республики Беларусь в сфере миграции, внесение предложений по совершенствованию административно-правового регулирования миграции иностранцев в Республике Беларусь.

В общей теории права под правовым регулированием понимается осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, общественными потребностями данного социального строя [1].

Правовое регулирование по своему фактическому итогу выражается в реализации права, то есть в поведении участников общественных отношений, в котором воплощаются требования и возможности, содержащиеся в праве. Реализация права осуществляется в различных формах, зависящих главным образом от способа правового регулирования. Основными способами реализации права являются исполнение, использование и соблюдение. Особой формой реализации норм права является применение права. Применение права представляет собой властную индивидуально-правовую деятельность соответствующих органов государственного управления, которая направлена на решение юридических дел и является преобладающим способом административно-правового регулирования общественных отношений.

Правовое регулирование миграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь осуществляется путем разработки, принятия и практической реализации комплекса нормативных правовых актов, определяющих условия въезда, пребывания и проживания в стране, транзитного проезда, выезда из страны, ограничения во въезде и в выезде, в получении разрешений на временное или постоянное проживание, основания и порядок предоставления защиты вынужденным мигрантам, осуществления трудовой, предпринимательской и иной деятельности, приобретения гражданства, основания и порядок применения мер принуждения, компетенцию государственных органов и должностных лиц, реализующих государственную миграционную политику, формы и методы их работы и др.

Следует обратить внимание на отсутствие единства в понимании структуры механизма правового регулирования общественных отношений. По мнению С.С.Алексеева, под механизмом правового регулирования понимается взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения. Он выделяет следующие элементы: юридические нормы, индивидуальные предписания

применения права (факультативный элемент), правовые отношения, акты реализации прав и обязанностей [2].

Российский ученый Ю.Н.Старилов вообще предлагает отказаться от термина «механизм административно-правового регулирования» и использовать понятие «система административно-правового регулирования». В систему административно-правового регулирования, по его мнению, входят следующие элементы: административно-правовые нормы, применение норм административного права субъектами права, административно-правовые отношения, которые создаются в результате действия и применения норм административного права. Правоотношения завершают формирование этой системы, а установление законных управленческих (административных) отношений является главной целью процесса административно-правового регулирования. Этому служат как созданные правовые нормы, так и их практическое применение к конкретным отношениям [16].

Анализ различных подходов в определении структуры механизма правового регулирования позволяет выделить в процессе правового регулирования миграции иностранцев следующие стадии:

- стадия нормотворчества (принимаются международно-правовые, законодательные, подзаконные акты, создаются нормы права, определяются правовые средства, миграционно-правовые режимы и миграционно-правовые процедуры государственного управления миграционными процессами);
- стадия возникновения прав и обязанностей (на основе статутных прав и обязанностей, предусмотренных правовыми нормами, при наступлении юридического факта у субъектов миграционно-правовых отношений возникают субъективные права и обязанности);
- стадия реализации норм права (осуществляется использование, исполнение, соблюдение норм права субъектами миграционных правоотношений);
- стадия применения права (компетентный орган разрешает индивидуальное дело и принимает индивидуальный акт);
- стадия государственного принуждения (наступает при нарушении миграционно-правовой нормы для пресечения административно-правового проступка, наказания виновного за совершение и восстановления нарушенного миграционного правоотношения, а также предотвращения нового нарушения).

Следует отметить, что административно-правовое регулирование миграционных процессов есть деятельность органов государственного управления на основе норм права по целенаправленному воздействию на организационно неподчиненных им субъектов с целью придания

различным видам миграционных перемещений законного и контролируемого характера. Субъектами административно-миграционных правоотношений являются иностранные граждане и лица без гражданства и органы государственного управления. Органы исполнительной власти наделены государственно-властными полномочиями по отношению к иностранцам и оказывают на них воздействие с помощью определенных правовых средств. Достижение цели регулирования миграционных процессов обеспечивается именно действиями органов и должностных лиц исполнительной власти, действующих в рамках своих полномочий. Деятельность органов государственного управления в процессе административно-правового регулирования миграционных процессов в первую очередь направлена на осуществление административного надзора за въездом, транзитным проездом, выездом, пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь с точки зрения соблюдения миграционного законодательства, выполнение административных процедур по выдаче различных разрешений (на временное или постоянное проживание, на занятие трудовой деятельностью), документов, удостоверяющих личность, документов для выезда за границу, а также на применение мер административного принуждения при нарушении правовых норм (аннулирование ранее выданных разрешений, сокращение срока пребывания и проживания, привлечение к административной ответственности, высылка).

На основании вышеизложенного, считаем что административно-правовое регулирование миграции иностранных граждан и лиц без гражданства — это урегулированная административно-правовыми нормами деятельность специально уполномоченных органов государственного управления и их должностных лиц по целенаправленному воздействию на различные виды миграционных перемещений иностранных граждан и лиц без гражданства в целях придания этим перемещениям законного и контролируемого характера, заключающаяся в осуществлении надзора за въездом, транзитным проездом, выездом, пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, в выполнении административных процедур (регистрация иностранцев, выдача им разрешений на временное или постоянное проживание, документов, удостоверяющих личность), в привлечении к юридической ответственности за нарушение порядка въезда и пребывания, в разрешении иных вопросов, связанных с миграцией, в целях охраны общественного порядка, обеспечения национальной безопасности, защиты и реализации прав, свобод, законных интересов личности, общества и государства.

Несмотря на разнообразие точек зрения на структуру механизма правового регулирования,

абсолютно все ученые едины во мнении, что основополагающим элементом механизма правового регулирования являются нормы права. Именно правовые нормы устанавливают права, обязанности и ответственность субъектов права, формы и методы правового регулирования. В большинстве современных государств имеется соответствующая система законодательства, регламентирующая миграционные процессы, решающая такие вопросы, как определение правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, порядок получения разрешения на въезд и пребывание в стране, решение иных вопросов, связанных с миграцией и т.д.

Республика Беларусь столкнулась с проблемой миграции населения после распада СССР и обретения независимости. На протяжении двух десятилетий формировалось и совершенствовалось миграционное законодательство. В настоящее время правовое положение иностранцев, порядок их въезда, пребывания и проживания в стране, выезда из страны, вопросы предоставления защиты вынужденным мигрантам, внешней трудовой миграции, гражданства, основания и порядок применения мер принуждения и другие вопросы в сфере миграции определяются Конституцией Республики Беларусь, международными соглашениями, законами, указами и декретами Президента Республики Беларусь, постановлениями Совета Министров, Министерства внутренних дел, иных органов государственного управления.

Конституция Республики Беларусь — Основной закон Республики Беларусь, имеющий высшую юридическую силу и закрепляющий основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений [10].

Существенное влияние на регулирование миграционных процессов в Республике Беларусь оказывают международные соглашения. В ст. 8 Конституции Республики Беларусь сказано: «Республика Беларусь признает приоритет принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства» [5].

Международные договоры можно разделить на три группы в зависимости от того, сколько государств и в каких регионах полагают для себя обязывающими положения и нормы этих документов. В первую группу входят соглашения универсального характера, так как их участниками является большинство государств планеты. Это, прежде всего, Всеобщая декларация прав человека, Пакт о гражданских и политических правах, Пакт об экономических, социальных и культурных правах, Факультативные протоколы к ним, Декларация о территориальном убежище, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции ООН против пыток и других жесто-

ких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенция о статусе беженцев и др. Важнейшим принципом в вышеназванных соглашениях является соблюдение основных прав и свобод человека независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения или имущественного положения. Во вторую – международные договоры регионального масштаба. К ним относятся, например, соглашения, заключенные в рамках Содружества Независимых Государств (соглашения о безвизовых поездках граждан, о борьбе с незаконной миграцией и др.). В третью – двусторонние соглашения, в которых участвует Республика Беларусь. Двусторонние соглашения, касающиеся миграции, на более детальном уровне регулируют правоотношения в сфере миграции. Например, это Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Латвийской Республики о взаимных поездках граждан, Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств – участников союзного государства и др.).

Закон Республики Беларусь – нормативный правовой акт, закрепляющий принципы и нормы регулирования наиболее важных общественных отношений [10]. Законы Республики Беларусь, регулирующие миграционные процессы, определяют правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, категории мигрантов, основания въезда и режимы их пребывания, устанавливают полномочия государственных органов в сфере миграции, а также ответственность за нарушение миграционного законодательства. Наиболее важными в сфере миграции являются законы «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [11], «О внешней трудовой миграции» [8], «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» [12] и др. Основным нормативным правовым актом, закрепляющим принципы и нормы регулирования миграции иностранцев, является Закон «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», который определяет права, свободы иностранцев, основания и порядок их въезда, транзитного проезда, пребывания, выезда, депортации и высылки из Республики Беларусь и другие вопросы [11].

Нормативными правовыми актами, содержащими принципы и нормы регулирования общественных отношений в сфере миграции, являются

также декреты и указы Президента Республики Беларусь. Важнейшими в сфере миграции являются указы «Об утверждении положения о предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства убежища в Республике Беларусь, его утрате и лишении и иных вопросах пребывания в республике иностранных граждан и лиц без гражданства» [15], «О совершенствовании системы учета граждан по месту жительства и месту пребывания» [13], «О документировании населения Республики Беларусь» [9], «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» [14].

Самую многочисленную группу нормативных правовых актов, регулирующих миграционные процессы, составляют акты органов государственного управления – постановления Совета Министров Республики Беларусь и иных республиканских органов государственного управления, прежде всего Министерства внутренних дел. Данные нормативные правовые акты являются подзаконными. Они конкретизируют нормы более общего характера, содержащиеся в законодательных актах, с целью регулирования поведения субъектов общественных отношений в сфере миграции. В первую очередь это постановления Совета Министров от 20 января 2006 г. № 73 «Об утверждении правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», от 15 июля 2010 г. № 1065 «Об утверждении визовых правил Республики Беларусь», от 19 января 2006 г. № 63 «Об утверждении правил транзитного проезда (транзита) иностранных граждан и лиц без гражданства через территорию Республики Беларусь», от 3 февраля 2006 г. № 144 «Об утверждении положения о порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь», от 15 марта 2007 г. № 333 «Об утверждении Положения о порядке депортации иностранных граждан и лиц без гражданства», от 3 февраля 2006 г. № 146 «Об утверждении положения о порядке осуществления высылки иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь...», от 14 апреля 2009 г. № 461 «Вопросы предоставления иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь». Более 30 постановлений Совета Министров и Министерства внутренних дел Республики Беларусь регламентируют вопросы, связанные с миграцией населения.

Следует отметить, что существующий в настоящее время огромный многоуровневый массив нормативных правовых актов, регулирующих вопросы, связанные с миграцией, нуждается в кодификации. Именно кодификация позволяет создать единый, юридически и логи-

чески цельный, внутренне согласованный нормативный акт, обеспечивающий системное нормативное регламентирование данной области общественных отношений. Считаем, что в целях повышения эффективности регулирования миграционных процессов необходимо разработать проект Миграционного кодекса, в котором бы нашли отражения цели, принципы и основные направления миграционной политики, были бы закреплены основные категории и понятия, определены виды миграционных потоков, субъекты миграционных отношений, категории мигрантов, их права и обязанности, порядок их въезда и пребывания на территории страны, вопросы правовой защиты, обустройства, интеграции мигрантов, компетенция государственных органов в сфере миграции и др. Кроме того, Миграционный кодекс позволил бы устранить дублирование, пробелы и противоречия совокупности разнородных нормативных актов, обеспечить общиe подходы к решению проблем в сфере миграции.

Рассмотрим особенности правового положения иностранцев в нашем государстве. Для иностранцев в Республике Беларусь предусмотрен национальный правовой режим. Это означает, что правовые статусы иностранцев и граждан Республики Беларусь идентичны, за исключением небольшого количества прав и обязанностей, которые предоставлены исключительно собственным гражданам. Так, согласно ст.ст. 19–21 Конституции Республики Беларусь иностранцы не могут избираться и быть избранными в выборные государственные органы Республики Беларусь, принимать участие в референдумах, занимать должности, назначение на которые в соответствии с законодательством Республики Беларусь связано с принадлежностью к гражданству Республики Беларусь, и не исполняют воинскую обязанность [5].

Кроме этого, объем прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь зависит от целей и правовых оснований въезда, от времени их нахождения в нашем государстве. Национальное законодательство устанавливает три режима пребывания иностранцев в Республике Беларусь: временное пребывание, временное проживание, постоянное проживание.

В ст. 1 Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» даются определения данным категориям иностранцев [11]:

«временно пребывающий в Республике Беларусь иностранец – лицо, прибывшее в Республику Беларусь на срок не более 90 суток в календарном году со дня первого въезда в Республику Беларусь на основании визы или в порядке, не требующем получения визы, и не имеющее разрешения на временное проживание в Республике Беларусь или разрешения на постоянное

проживание, если иное не определено настоящим Законом и международными договорами Республики Беларусь;

временно проживающий в Республике Беларусь иностранец – лицо, получившее в порядке, установленном законодательными актами Республики Беларусь, разрешение на временное проживание;

постоянно проживающий в Республике Беларусь иностранец – лицо, получившее в порядке, установленном законодательными актами Республики Беларусь и постановлениями Совета Министров Республики Беларусь, разрешение на постоянное проживание и вид на жительство».

Необходимо обратить внимание на несоответствие определений терминов «разрешение на временное проживание» и «разрешение на постоянное проживание». Так, в соответствии с абзацами 15, 16 ст. 1 Закона «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь»: «разрешение на временное проживание – документ, предоставляющий иностранцу право на проживание в Республике Беларусь в течение срока его действия и оформленный в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь», а «разрешение на постоянное проживание – решение Министерства внутренних дел Республики Беларусь, других органов внутренних дел, предоставляющее иностранцу право на постоянное проживание в Республике Беларусь». В то же время, согласно п. 17 Правил пребывания иностранцев, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 73, по заявлению иностранца о выдаче разрешения на временное проживание принимается решение о выдаче или об отказе в выдаче разрешения на временное проживание, которое оформляется заключением органа внутренних дел. Для устранения данного противоречия предлагаем внести изменения в абзац 15 ст. 1 Закона «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» и изложить его в следующей редакции:

«разрешение на временное проживание – решение органа внутренних дел о выдаче документа, предоставляющего иностранцу право на временное проживание в Республике Беларусь в течение срока его действия и оформленного в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь».

Классификация иностранцев только в зависимости от времени нахождения в стране является весьма схематичной и не позволяет определить все категории иностранцев, находящихся в Республике Беларусь. Поэтому предлагаем следующую классификацию иностранцев в зависимости от оснований и целей нахождения в Республике Беларусь:

1. иностранные граждане и лица без гражданства, временно пребывающие в Республике Беларусь:

- туристы;
- частники;
- служебники;
- спортсмены;
- артисты, музыканты;
- журналисты;
- научные работники;
- студенты;
- религиозные деятели;
- волонтеры;
- трудовые мигранты;
- потенциальные иммигранты (иностранцы, прибывшие в Республику Беларусь и ходатайствующие о получении разрешения на постоянное место жительства);
- транзитные мигранты (иностранцы, следующие транзитом через территорию Республики Беларусь).

2. иностранные граждане и лица без гражданства, временно проживающие в Республике Беларусь:

- служебники;
- частники (прибывшие к супруге или близким родственникам, постоянно проживающим в Республике Беларусь; имеющие на праве собственности жилое помещение; опекаемые иностранцы; получающие медицинскую помощь в стационарных условиях в организациях здравоохранения Республики Беларусь);
- трудовые мигранты, предприниматели, волонтеры (прибывшие для занятия или занимающиеся трудовой, предпринимательской и (или) иной деятельностью и др.);
- соотечественники (этнические белорусы или их кровные родственники по прямой нисходящей линии: дети, внуки, правнуки; иностранцы, которые имеют основания для приобретения гражданства в порядке регистрации; родились либо проживали на территории республики, либо являются потомками таких лиц, ранее состоявшие в гражданстве Республики Беларусь);
- вынужденные мигранты (ходатайствующие о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты либо убежища в Республике Беларусь; получившие статус беженца в Республике Беларусь – на срок не более одного года для получения разрешения на постоянное проживание; иностранцы, которым предоставлена дополнительная защита; иностранцы, которые не могут быть возвращены или высланы против их воли на территорию государства, где их жизни или свободе угрожает опасность либо где им угрожают пытки, или если отсутствует государство, которое согласилось их принять);
- студенты.

3. иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь:

- беженцы;
- иммигранты-частники (иностранцы, которые являются близкими родственниками граждан Республики Беларусь, постоянно проживающих в Республике Беларусь; иностранцы, имеющие право на воссоединение семьи; иностранцы, прожившие на законных основаниях в Республике Беларусь последние семь и более лет);
- иммигранты-соотечественники (иностранцы, имеющие основания для приобретения гражданства Республики Беларусь в порядке регистрации; иностранцы, ранее состоявшие в гражданстве Республики Беларусь; иностранцы, являющиеся этническими белорусами или их кровными родственниками по прямой нисходящей линии: детьми, внуками, правнуками, родившимися за пределами современной территории Республики Беларусь);
- высококвалифицированные иммигранты (иностранцы, являющиеся работниками и специалистами, в которых нуждаются организации Республики Беларусь; иностранцы, обладающие исключительными способностями и талантом или имеют выдающиеся заслуги перед Республикой Беларусь, высокие достижения в области науки, техники, культуры и спорта);
- иммигранты-инвесторы (иностранцы, являющиеся инвесторами, вложившими инвестиции в размере не менее ста пятидесяти тысяч евро в объекты инвестиционной деятельности на территории Республики Беларусь).

4. главы и сотрудники дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, представительств и органов международных организаций и межгосударственных образований, члены их семей.

5. мигранты с неурегулированным статусом (незаконные мигранты).

Иностранцы граждане и лица без гражданства, находящиеся в Республике Беларусь, обязаны соблюдать Конституцию Республики Беларусь и иные акты законодательства, в том числе иностранцы должны находиться в нашей стране законно. К сожалению, в законодательстве Республики Беларусь отсутствует определение законно находящегося в стране иностранца. Это неоправданно ни с теоретической, ни с практической точки зрения.

Для сравнения, в ст. 2 Федерального закона Российской Федерации «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» данное определение

имеется. В соответствии с вышеназванным законом «законно находящийся в Российской Федерации иностранный гражданин – лицо, имеющее действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации». Считаем, что и ст. 1 Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» необходимо дополнить определением законно находящегося иностранца. Предлагаем следующее определение: «законно находящийся в Республике Беларусь иностранец – лицо, получившее разрешение на постоянное проживание и имеющее действительный вид на жительство, не нарушившее правила регистрации по месту постоянного проживания или временного пребывания, либо лицо, получившее разрешение на временное проживание на срок его действия, не нарушившее законодательство о

правовом положении иностранцев в Республике Беларусь, либо лицо, временно пребывающее в Республике Беларусь на основании визы или без визы в соответствии с международными договорами Республики Беларусь, не нарушившее законодательство о правовом положении иностранцев в Республике Беларусь».

Необходимо также обратить внимание на отсутствие в нормативных правовых актах определений таких понятий, как «миграция населения», «мигрант», «международная миграция населения», «международный мигрант», «незаконная миграция», «нелегальная миграция», «незаконный мигрант», «нелегальный мигрант», которыми часто оперирует действующее законодательство Республики Беларусь.

Анализ действующих нормативных правовых актов в сфере миграции позволяет сделать вывод о том, что законодательство Республики Беларусь в данной сфере требует дальнейшего совершенствования. Дальнейшее научное исследование необходимо и механизму административно-правового регулирования миграционных процессов в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит, 1981. – Т. 1. – С. 289.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит, 1982. – Т. 2. – С. 9.
3. Васильева, Л.А. Связь между убежищем и миграцией: учеб.-метод. пособие / Л.А. Васильева [и др.]. – Минск: Асобны, 2007. – 240 с.
4. Востриков, Д.В. Административно-правовое регулирование миграции населения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Д.В. Востриков. – Ростов н/Дону, 2004. – 199 л.
5. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 ноября 2004 г.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
6. Мах, И.И. Административное право Республики Беларусь / И.И. Мах. – Минск: Амалфея, 2008. – 703 с.
7. Прудникова, С.А. Административно-правовое регулирование миграции населения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / С.А. Прудникова. – М., 2003. – 216 л.
8. О внешней трудовой миграции: Закон Респ. Беларусь, 17 июня 1998 г., № 169: в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.07.2008 г. // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.03.2011.
9. О документировании населения Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 3 июня 2008 г., № 294: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 22.07.2010 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
10. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Ре-

жим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.03.2011.

11. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.03.2011.

12. О предоставлении статуса беженца, временной и дополнительной защиты: Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 г., № 354-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2010 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.03.2011.

13. О совершенствовании системы учета граждан по месту жительства и месту пребывания: Указ Президента Респ. Беларусь, 7 сент. 2009 г., № 413: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 08.06.2010 г. // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.03.2011.

14. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан: Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.03.2011.

15. Об утверждении Положения о предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства убежища в Республике Беларусь, его утрате и лишении и иных вопросах пребывания в республике иностранных граждан и лиц без гражданства: Указ Президента Респ. Беларусь, 5 апр. 2006 г., № 204: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23.01.2009 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.03.2011.

16. Старилов, Ю.Н. Курс общего административного права: в 3 т. / Ю.Н. Старилов. – М.: НОРМА, 2002. – Т. 1. – 728 с.

Дата поступления статьи в редакцию 09.03.2011

СОСТАВ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ ПРИНЦИПА СУБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ

ГРУНТОВ И.О.,

заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета
Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук

В статье рассматривается вопрос о том, насколько ныне существующая конструкция состава правомерности необходимой обороны отвечает требованиям принципа субъективного вменения. Рассматривается опыт конструирования таких составов в УК некоторых зарубежных стран. Предлагается модель состава правомерности необходимой обороны, наиболее отвечающая требованию принципа субъективного вменения.

The article discusses how the current existing structure of the lawfulness of self-defense meets the requirements of the principle of subjective imputation. The experience of designing such compounds in the Criminal Code of some foreign countries is given. A model of the legality structure of self-defense more to meet the demand of the principle of subjective imputation is proposed.

Необходимая оборона является обстоятельством, исключающим преступность деяния. В законе дается исчерпывающий перечень этих обстоятельств, описываются основания для их применения. Вместе с тем в УК отсутствует общая дефиниция этих обстоятельств и тем самым не раскрывается природа этого явления. В научной литературе этот вопрос рассматривается по-разному [1].

Вместе с тем можно выделить ключевые признаки, которые характеризуют сущность этого явления: правовая природа деяний, исключающих уголовную ответственность, противоположна правовой сущности преступлений, у них отсутствует общественная опасность [2]. Лицо, причинившее тот или иной вред в состоянии необходимой обороны, не несет ответственности за содеянное, так как такое деяние связано с общественно-полезной деятельностью защищающегося [3]. «Понятие обстоятельств, исключающих общественную опасность и противоправность деяния, находится... в тесной связи с учением о вине, являющейся обязательным условием привлечения к уголовной ответственности. Лицо, действовавшее в силу необходимой обороны, крайней необходимости и других подобных обстоятельств, не может быть признано виновным в совершении преступления... в его

действиях нет вины как элемента состава преступления» [4].

В соответствии с законом необходимая оборона – это защита охраняемых правом ценностей от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 34 УК).

С социально-психологической стороны вина состоит в определенном психическом (интеллектуальном и волевом) отношении лица к совершенному деянию, которое выражает пренебрежительное (что характерно для умысла) или недостаточно внимательное (что присуще неосторожности) к охраняемым уголовным законом ценностям. С субъективной стороны лицо, защищая права и интересы личности, общества и государства от общественно опасного посягательства путем причинения нападавшему вреда, не относится пренебрежительно или недостаточно внимательно к социальным ценностям, охраняемым правом. Лицо, действуя в состоянии необходимой обороны, совершает общепозлезное дело. В этой связи в таком поведении отсутствует социально-психологический аспект вины.

Безусловно, подобное будет иметь место, если при этом будут соблюдаться условия пра-

вомерности необходимой обороны. Эти правила поведения должны быть описаны доступно и понятно в законе, так как они адресованы не только правоприменительным органам, но и всем гражданам. В этой связи российский исследователь Ю.Н.Юшков отмечает, что «необходимая оборона как акт человеческого поведения основывается на инстинкте живых существ защищать себя от опасности. В ответ на угрозу человек пытается ей противодействовать или нейтрализовать ее. В большинстве случаев люди обороняют от опасности себя или свое имущество. И это понятно, ибо защищать нужно то, что чаще подвергается нападению. Идея естественного стремления человека к самозащите должна была лечь в основу нормы о необходимой обороне, однако наш законодатель в полной мере ее не воспринял... Редакция ст. 13 – скорее всего дань традиции [5]. Так или иначе, она вряд ли могла служить стимулом к применению обороны. Эта норма воспринимается как инструкция для правоприменителя. Между тем уголовные законы, подобные норме о необходимой обороне, следует ориентировать и на граждан: для законопослушных лиц они должны служить источником нового знания, для склонных к правонарушениям – предостережением... Вряд ли нужно доказывать, что легкая для восприятия, верно ориентированная норма способна дать людям больше свободы в использовании акта самообороны, а это в свою очередь может отразиться на состоянии преступности, раскрываемости преступлений. И наоборот, неудачное построение нормы может негативно отразиться на ее применении» [6].

С учетом сказанного, естественно, возникает вопрос, как в свете таких требований выглядит редакция ст. 34 УК Беларуси? Рассмотрим это.

Данная статья имеет три части. В ч. 1 этой нормы закрепляется естественное право каждого свободного человека защищать себя и других от общественно опасного посягательства. В ней говорится: «Каждый гражданин имеет право на защиту от общественно опасного посягательства. Это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти». В ч. 2 этой статьи называются объекты защиты при необходимой обороне. Показывается, чем необходимая оборона отличается от других обстоятельств, исключающих преступность деяния. В этой части отмечается, что «не является преступлением действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите жизни, здоровья, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны». В ч. 3

дается определение превышения пределов необходимой обороны, называются ее субъективная сторона и последствия, с которыми закон связывает уголовную ответственность за такое поведение. В этой части сказано, что «превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение».

Оценивая содержание этой статьи, необходимо отметить, что некоторые условия правомерности необходимой обороны в ст. 34 УК Беларуси все же определены. Вместе с тем следует прямо сказать, что в данной статье явно недостаточно признаков, дающих ясное четкое представление, от чего и как следует обороняться гражданину, не нарушив уголовного закона.

В отдельных ситуациях краткость и лаконичность уголовного закона может восполняться рекомендациями исследователей по применению этой нормы. Условия и пределы необходимой обороны изучали многие исследователи. Значительный вклад в развитие теории и практики применения норм о необходимой обороне внесли известные ученые: Ю.В.Баулин [7], В.В.Орехов [8], Н.Н.Паше-Озерский [9], А.А.Пионтковский [10], А.Н.Попов [11], И.И.Слущкий [12], И.С.Тишкевич [13], В.И.Ткаченко [14] и др. Работы этих и других исследователей имеют важное теоретическое и практическое значение. Вместе с тем отдельные вопросы, касающиеся условий правомерности необходимой обороны, поставленные этими учеными, до сих пор носят дискуссионный характер.

Важными определяющими моментами для любого лица, решившего применить акт необходимой обороны, являются вопросы о том: от какого посягательства можно обороняться, руководствуясь ст. 34 УК Беларуси; с какого момента возникает право на оборону, и когда оно прекращается; что означает соответствие защиты характеру и опасности посягательства; как определяется превышение пределов необходимой обороны?

Необходимая оборона в соответствии со ст. 34 УК может иметь место только от общественно опасного посягательства. В научной и учебной литературе по поводу вопроса о том, что следует понимать под таким посягательством, высказаны различные суждения. Так, в белорусском учебнике уголовного права, изданном в 1978 году, по этому поводу отмечалось, что «для возникновения состояния необходимой обороны не требуется, чтобы посягательство было преступным. Достаточно, чтобы оно было общественно опасным и по объективным признакам воспринималось как преступное нападение. Поэтому допустима необходимая оборона от посягательства невменяемо-

го, малолетнего или лица, действующего под влиянием извинительной фактической ошибки. Хотя в таких случаях в действиях посягающего нет состава преступления, они представляют опасность для охраняемых правом интересов и сходны с преступлением по своим внешним чертам» [15].

Точно также понимается общественно опасное посягательство, дающее право на необходимую оборону в отечественном учебнике уголовного права, изданном в 2002 году [16], и в учебном пособии, подготовленном белорусскими учеными Н.А.Бабием и Э.А.Саркисовой [17]. В современной российской учебной литературе таким же образом описывается общественно опасное посягательство, от которого возможно обороняться по правилам необходимой обороны [18].

Вместе с тем необходимо отметить, что в науке уголовного права не всегда однозначно решаются вопросы о возможности необходимой обороны от некоторых групп общественно опасных посягательств. К их числу, например, относится вопрос о том, может ли иметь место необходимая оборона от общественно опасного бездействия. Одни исследователи признают такую возможность [19], другие отрицают это вовсе [20].

В литературе обсуждается также вопрос о возможности необходимой обороны от неосторожных преступлений. Одни авторы отрицают возможность обороны от таких посягательств [21]. По мнению других, необходимая оборона допустима не только от умышленных, но и неосторожных общественно опасных посягательств [22].

По-разному рассматривается вопрос о допустимости применения правил необходимой обороны при защите чести и достоинства. Некоторые исследователи предусматривают такую возможность [23]. По мнению других, подобное невозможно вовсе [24]. Отдельные ученые считают, что такие действия могут иметь место в особых ситуациях, «когда это приведет к пресечению общественно опасного посягательства или, что то же самое, к защите нарушаемых прав и интересов. Если посягательство на честь или достоинство совершается таким образом, что оно может быть пресечено путем причинения вреда посягающему, то в этом случае необходимая оборона правомерна» [25].

В научной литературе имеются предложения из всех посягательств выделить группу наиболее опасных деяний, дающих право на необходимую оборону, другие преступления в подобной ситуации должны были исключать такую возможность. Так, белорусский ученый И.С.Тишкевич определил виды опасных посягательств, которые, по его мнению, дают основание на возникновение права на необходимую оборону. К ним были отнесены:

1. государственные преступления (террористический акт, диверсия, вредительство, бандитизм);

2. посягательство на собственность (хищение имущества);

3. посягательство на правопорядок (хулиганство);

4. посягательство на жизнь или здоровье;

5. посягательство на личную свободу и половую неприкосновенность [26].

Украинский ученый Ю.В.Баулин предложил несколько иной подход в определении группы деяний, от которых можно обороняться по правилам необходимой обороны. Исследователь выделил два основания, дающих право на возникновение необходимой обороны – юридическое и фактическое. «Правовым основанием необходимой обороны, – считает автор, – является общественно опасное действие человека, направленное на причинение вреда правоохраняемым интересам личности или правам обороняющегося либо другого лица, общественным интересам или интересам государства... Фактическое основание необходимой обороны – это вызванная сложившейся обстановкой защиты необходимость в немедленном причинении посягающему вреда с целью предотвращения или пресечения общественно опасного посягательства» [27].

Право на необходимую оборону возникает в определенный момент и прекращается по истечении определенного времени. Как отмечается в литературе, «признак наличности посягательства устанавливает пределы во времени – начальный и конечный момент самого общественно опасного посягательства, в рамках которого возможна правомерная оборона. Теория уголовного права и судебная практика считают наличным посягательство как непосредственно предстоящее, так и осуществляемое, но еще не оконченное, либо хотя и законченное, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент окончания посягательства» [28].

Начальный момент, с которого возникает право на необходимую оборону, в научной литературе понимается приблизительно одинаково. «Большинство авторов склоняются к тому, что начальный момент посягательства – это не только момент общественно опасного посягательства, но и наличие реальной угрозы нападения» [29]. По этому поводу И.И.Слуцкий отмечает, что «под наличным нападением в большинстве случаев следует понимать такое, которое уже началось, но еще не закончилось. Однако было бы ошибкой отождествлять наличность посягательства со стадией покушения на преступление. Преступное посягательство может представлять реальную, непосредственную опасность и на более ранней стадии развития преступной деятельности, например при приготовлении» [30].

А.А.Пионтковский в этой связи пишет, что «посягательство должно быть наличным, то есть его осуществление должно уже начаться, или непосредственная угроза его осуществления долж-

на быть настолько очевидной, что охраняемые законом права и интересы поставлены в непосредственную опасность. Непосредственная угроза посягательства делает оборону правомерной» [31].

Такой же подход в понимании этого явления был закреплен и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств». В п. 5 этого постановления отмечалось, что «состояние необходимой обороны возникает не только в самый момент общественно опасного посягательства, но и при наличии реальной угрозы нападения» [32].

Российский ученый А.Н.Попов предлагает разграничивать по времени стадию приготовления на два вида. По его мнению, только стадия позднего приготовления дает право на необходимую оборону. В этой связи он отмечает, что «именно стадия приготовления и образует понятие, которое именуется «реальная угроза посягательства». Только необходимо иметь в виду следующее. Стадия приготовления с точки зрения близости к стадии покушения может быть разной. Условно стадию приготовления можно разделить на стадию раннего и позднего приготовления. На стадии раннего приготовления отсутствует реальная угроза нападения, поскольку между приготовительными действиями и последующей стадией покушения может быть значительный промежуток времени. Стадия позднего приготовления характеризуется тем, что виновный уже реально готов перейти к стадии покушения, но еще не сделал этого в силу того, что необходимо предпринимать последнее усилие, например, необходимо поближе подойти к потерпевшему для нанесения удара» [33].

В ч. 3 ст. 34 УК Беларуси при определении превышения пределов необходимой обороны воспроизведен п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 [34].

В этом пункте отмечается, что «превышением пределов необходимой обороны признается лишь явное, очевидное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется вред, указанный в ст.ст. 105 или 111 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик. Причинение посягающему при отражении вреда по неосторожности не может влечь уголовной ответственности».

В ч. 3 ст. 34 УК превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства. В соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. №14 это поведение характеризуется как «явное и очевидное

несоответствие защиты характеру и опасности посягательства». В определении Верховного Суда СССР заложены два критерия: объективный и субъективный. Явным признается бесспорное, понятное для всех объективно совершенное превышение. Очевидным становится превышение не только объективно выраженное, но и субъективно осознаваемое деяние. Только сочетание этих двух критериев позволяет решить вопрос о субъективной стороне содеянного деяния. Если лицо явно (объективно, понятно для всех) не превышает пределов необходимой обороны и, заблуждаясь, считает, что такое имеет место в реальной действительности, то его нельзя привлечь к уголовной ответственности. Поскольку превышение пределов необходимой обороны это дело факта, который устанавливает только правоприменительный орган с учетом всех обстоятельств совершенного, а не обороняющегося лица. В этой связи использование в определении только одного субъективного критерия следует признать не совсем удачным вариантом решения этого вопроса.

Понятие превышения пределов необходимой обороны дается в литературе. Так, в отечественном учебнике уголовного права 2002 года отмечается, что «решающее значение при оценке превышения пределов обороны имеют субъективные признаки, то есть психическое отношение обороняющегося к превышению мер обороны. Обороняющийся не только умышленно причиняет посягающему смерть или тяжкие телесные повреждения, но и сознает, что их причинение является излишним, не вызывается ни характером, ни степенью опасности посягательства, ни обстановкой его осуществления. Превышение мер защиты только тогда является преступлением, когда оно очевидно для обороняющегося» [35].

В учебном пособии по уголовному праву 2005 года, подготовленном Э.А.Саркисовой, говорится, что «установление наличия превышения пределов необходимой обороны – процесс достаточно сложный, требующий учета всех обстоятельств происшедшего и условий правомерности необходимой обороны в совокупности. Несоответствие защиты характеру и опасности посягательства определяется прежде всего посредством установления значимости защищаемого объекта, объема вреда, который мог быть причинен в результате посягательства, и объема причиненного вреда посягающему... Для установления несоответствия защиты характеру и опасности посягательства следует определить, какое по значимости благо защищалось и какой вред мог быть причинен ему в результате нападения. Если это благо по своей значимости явно не соответствовало жизни и здоровью человека и если ему угрожало причинение вреда, явно не соответствующего смерти или тяжкому

телесному повреждению, и при этом не было необходимости в причинении такого вреда, то налицо превышение пределов необходимой обороны» [36].

В комментарии к УК 2010 года отмечается, что «защита считается соответствующей опасности посягательства, если посягающему причинен вред как меньший или равный, так и даже несколько больший, чем тот вред, который намеревался причинить посягающий. Определение допустимости причинения вреда посягающему осуществляется на основе сопоставления характера и степени тяжести фактически причиненного посягающему вреда с характером и степенью общественной опасности посягательства, возможностями обороняющегося по его отражению, обстановкой посягательства и защиты» [37].

Известный украинский ученый Ю.В.Баулин говорит, что эксцесс обороны возможен там, где причиненный посягающему вред явно не соответствовал либо опасности посягательства, либо обстановке защиты. Исследователь различает два вида превышения пределов необходимой обороны: превышение пределов допустимого и пределов достаточного вреда. По его мнению, «превышение пределов допустимого вреда следует считать умышленное причинение гражданином в неблагоприятной обстановке защиты посягающему смерти или тяжких телесных повреждений при обороне от посягательства, не представляющего большой общественной опасности... Превышение пределов достаточного вреда имеет место там, где обороняющийся умышленно убивает посягающего или наносит ему тяжкие телесные повреждения, то есть причиняет тяжкий вред, хотя и соизмеримый с совершенным посягательством, представляющим большую общественную опасность, но явно не соответствующий относительно благоприятной обстановке защиты» [38].

Российский исследователь В.В.Орехов пишет, что «вопрос о пределах необходимой обороны есть вопрос факта. Только на основании анализа конкретных обстоятельств дела можно определить пределы защиты, в теории же могут быть даны лишь общие принципы» [39].

В этой связи другой ученый А.Н.Попов по поводу редакции ст. 37 УК РФ отмечает следующее: «Данная статья неоднозначно толковалась в науке уголовного права. Высказывались прямо противоположные суждения. В результате статья была изменена. Действующая редакция ст. 37 УК РФ не вносит ничего принципиально нового в понимание превышения пределов необходимой обороны по сравнению с редакцией статьи УК 1960 года, в соответствии с которой превышением пределов необходимой обороны признавалось явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства. Конечно, действующий закон о необходимой обороне является

более удачным, чем предыдущие, но главная проблема, вызывающая многочисленные сложности при применении института необходимой обороны, так и осталась без разрешения» [40].

Представляется, что такая оценка может быть в полной мере дана и в редакции ст. 34 УК Республики Беларусь. На это обращают внимание и отечественные исследователи. Так, белорусский ученый Э.А.Саркисова отмечает, что «понятие превышение необходимой обороны является настолько оценочным, что фактически почти невозможно отграничивать его от превышения пределов необходимой обороны» [41].

Действительно в ст. 34 явно недостаточно признаков, дающих четкое представление, от чего и как следует обороняться гражданину, не нарушив УК. В законе декларируется, что превышение пределов необходимой обороны влечет ответственность, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение. В законе отсутствуют понятные для любого лица правила поведения. В этой связи практически невозможно установить действительное психологическое и социально психологическое отношение лица к отсутствующим правилам поведения. Это, в свою очередь, влечет неправильное применение уголовного закона.

Об этом свидетельствует судебная практика. Такие случаи имели место в бытность существования СССР и встречаются в наше время. Так, Верховный Суд СССР, при подготовке постановления Пленума 1984 года проверил выполнение судами постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне». Были изучены уголовные дела этой категории, а также дела о преступлениях против жизни и здоровья граждан, рассмотренных в 1980–1982 годах судами ряда областей некоторых союзных республик. Верховный Суд СССР пришел к выводу, что «уровень судебной деятельности по применению законодательства о необходимой обороне еще не в полной мере отвечает задачам повышения активности граждан в борьбе с преступностью. Здесь немало существенных недостатков и ошибок, о чем свидетельствует тот факт, что из числа изученных дел каждое четвертое оказалось разрешенным неправильно. Судебные ошибки можно разделить на две основные группы. Первая – это когда суды не применяют законодательство о необходимой обороне (включая превышение ее пределов) при наличии оснований для его применения либо, наоборот, применяют его при отсутствии к тому законных оснований. Вторая группа ошибок связана с тем, что суды, обоснованно усмотрев состояние необходимой обороны, не могут правильно решить вопрос, правомерно ли она осуществлялась, не были ли пре-

вышены ее пределы» [42]. Ошибки аналогичного плана можно встретить и в судебной практике Республики Беларусь [43].

В научной литературе имеются предложения о совершенствовании закона о необходимой обороне. Так, Э.А.Саркисова считает, что «одним из направлений совершенствования института необходимой обороны мог бы явиться отказ от понятия превышения ее пределов или, в крайнем случае, сужение сферы его использования. При отказе от понятия превышения пределов необходимой обороны в УК следовало бы ввести положение о том, что лицо, действующее в состоянии необходимой обороны, может причинить любой вред нападающему. При этом предполагается четко определить условия правомерности необходимой обороны, установив прежде всего круг посягательств, от которых она возможна. При сохранении же в УК понятия превышения пределов необходимой обороны следует установить, что при отграничении посягательства на жизнь, здоровье, свободу человека, половую свободу женщины, собственность и другие наиболее значимые объекты уголовная ответственность за превышение пределов необходимой обороны не наступает» [44].

Аналогичного плана предложения по совершенствованию уголовного закона имеются и в российской научной литературе. Так, по мнению Е.И.Бахтеевой, «представляется целесообразным предусмотреть в законе перечень конкретных объектов, при защите которых можно причинить посягающему любой вред». Исследователь отмечает, что «право необходимой обороны включает в себя лишение жизни нападающего или причинение ему любого вреда, если это необходимо для защиты обороняющегося или другого лица от посягательства, сопряженного с угрозой причинения смерти; тяжкого вреда здоровью, а равно сексуального посягательства, сопровождаемого насилием или угрозой его применения со стороны нападающего» [45].

А.Н.Попов считает, что «совершенствование статьи УК РФ о необходимой обороне могло бы идти в направлении очерчивания ситуаций, в которых действия обороняющегося признаются правомерными. Именно данное направление является... самым перспективным... В законе должно быть определено, при каких условиях причинение смерти или тяжкого вреда здоровью признается правомерным, и оговорены случаи, когда причинение смерти или тяжкого вреда здоровью признается превышением пределов необходимой обороны» [46].

По мнению И.Звечаровского и Ю.Чайки, следует признать правомерным лишение жизни посягающего, если это необходимо для защиты обороняющегося или другого лица от причинения смерти, тяжкого вреда здоровью, изнасилования, разбойного нападения, насильственного грабежа, похищения человека, захвата заложников [47].

Предложения о таком совершенствовании статьи о необходимой обороне представляют значительный интерес еще и потому, что в УК некоторых зарубежных стран подход, при котором очерчиваются ситуации, в которых действия обороняющегося признаются правомерными, уже законодательно закреплен. Так, например, в ч. 5 ст. 36 УК Украины сказано: «Не является превышением пределов необходимой обороны и не имеет следствием уголовную ответственность применение оружия или любых других средств либо предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного проникновения в жилище либо другое помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему» [48].

В ч. 3 ст. 36 УК Республики Молдова определено, что «признается действовавшим в целях необходимой обороны лицо, совершившее действия, предусмотренные частью (2), для воспрепятствования проникновения в жилое или иное помещение, сопровождающегося опасным для жизни или здоровья насилием либо угрозой такого насилия» [49].

В УК штата Нью-Йорк 1967 года в ст. 35 (Защиты, связанные с оправдывающими обстоятельствами) имеются семь параграфов, в которых подробно описаны правила необходимой обороны: параграф 35.00. (Оправдывающее обстоятельство; защита); параграф 35.05. (Оправдывающее обстоятельство; общие положения); параграф 35.10. (Оправдывающее обстоятельство; о применении физической силы вообще); параграф 35.15. (Оправдывающее обстоятельство; применение физической силы для защиты лица); параграф 35.20. (Оправдывающее обстоятельство; применение физической силы для защиты помещения и любой недвижимости, а также для защиты лица в ходе совершения берглэри); параграф 35.25. (Оправдывающее обстоятельство; применение физической силы для предотвращения или пресечения кражи либо причинения уголовно наказуемого ущерба); параграф 35.27. (Оправдывающее обстоятельство; применение физической силы для оказания сопротивления аресту); параграф 35.30. (Оправдывающее обстоятельство; применение физической силы при производстве ареста или при предотвращении бегства из-под стражи) [50].

Эмоциональное состояние лица, вызванное общественно опасным посягательством влияет на способность лица правильно соотносить причиненный вред опасности посягательства или обстановке защиты. Все это влияет на содержание психологического и социально-психологического отношения лица к содеянному. В этой связи в УК ряда зарубежных стран вполне справедливо закреплено положение, в соответствии с которым лицо не подлежит уголовной ответственности, если в силу сильного душевного волнения, вызванного нападением, не могло оценить

соответствие причиненного им вреда опасности посягательства или обстановке защиты (ч. 4 ст. 36 УК Украины, ч. 2 ст. 41 УК Голландии [51], ч. 2 параграфа 13 УК Дании [52]) и др.

В УК некоторых стран довольно понятно очерчивается круг посягательств, от которых возможно обороняться по правилам о необходимой обороне. Например, в ч. 2 ст. 36 УК Республики Молдовы отмечается следующее: «В состоянии необходимой обороны признается лицо, совершающее деяние с целью отражения прямого, немедленного, материального и реального нападения, направленного против него, другого лица или против общественных интересов и представляющего крайнюю опасность для личности или прав обороняющегося либо для общественных интересов» [53]. В ч. 1 ст. 36 УК Украины также описаны признаки этого явления [54].

Суммируя сказанное, необходимо отметить, что существование длительного времени в УК зарубежных стран иных конструкций, чем в УК Беларуси, предусматривающих условия правомерности необходимой обороны, свидетельствует об их жизнеспособности и эффективности. Изменение редакции ст. 34 УК Беларуси с учетом положительного зарубежного опыта будет давать понятные для любого лица правила поведения: от чего можно обороняться по правилам УК; при каких условиях причинение смерти или тяжкого вреда здоровью должно признаваться правомерным; когда причинение смерти или тяжкого вреда здоровью следует рассматривать превышением пределов необходимой обороны. В такой ситуации гораздо легче будет установить действительное психологическое и социально психологическое отношение лица к нарушению установленных правил поведения. Все это будет более полно способствовать реализации принципа субъективного вменения в конструкции этой уголовно-правовой нормы.

С учетом сказанного, редакция ст. 34 УК может быть следующей:

«Статья 34. Необходимая оборона

1. Каждый гражданин имеет право на защиту от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны.

2. В состоянии необходимой обороны признается лицо, совершающее деяние с целью отра-

жения прямого, материального и реального нападения, направленного против него, другого лица или против общественных интересов, когда сложившаяся обстановка защиты свидетельствует о необходимости немедленного причинения посягающему вреда с целью предотвращения или пресечения общественно опасного посягательства.

3. Право на необходимую оборону принадлежит лицу независимо от возможности избежать посягательства, независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения лица, либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

4. Состояние необходимой обороны возникает не только в момент общественно опасного посягательства, но и при наличии реальной угрозы нападения. Состояние необходимой обороны может иметь место и тогда, когда защита последовала непосредственно за актом хотя бы и оконченного посягательства, но по обстоятельствам дела для оборонявшегося не был ясен момент его окончания.

5. Превышением пределов необходимой обороны признается явное, очевидное несоответствие защиты опасности либо обстановке защиты, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение.

6. Лицо не подлежит уголовной ответственности, если в силу сильного душевного волнения, вызванного общественно опасным посягательством, оно не могло оценить соответствие причиненного им вреда опасности посягательства или обстановке защиты.

7. Не является превышением пределов необходимой обороны и не имеет следствием уголовную ответственность применение оружия или любых других средств либо предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного проникновения в жилище либо другое помещение, а равно сексуального посягательства, сопровождаемого насилием или угрозой его применения со стороны нападающего, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему.

8. Не является необходимой обороной умышленная провокация посягательства с целью причинения вреда.»

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов, В.И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключających преступность деяния / В.И. Михайлов // Гос-во и право. — 1995. — № 12. — С. 59–70.

2. Благов, Е.В. Квалификация деяний, исключających уголовную ответственность / Е.В. Благов // Гос-во и право. — 1992. — № 9. — С. 79.

3. Кириченко, В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву / В.Ф. Кириченко. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – С. 80.
4. Слуцкий, И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / И.И. Слуцкий. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. – с. 4.
5. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. 1958 г. – Ст. 13.
6. Юшков, Ю.Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях / Ю.Н. Юшков // Гос-во и право. – 1992. – № 4. – С. 61–62.
7. Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Ю.В. Баулин. – Харьков: Изд-во «Основа». – 1991. – 360 с.
8. Орехов, В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. – 217 с.
9. Паше-Озерский, Н.Н. Необходимая оборона в советском уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Н.Н. Паше-Озерский. – М., 1945. – 36 с.
10. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А.А. Пионтковский. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. – С. 429(666).
11. Попов, А.Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / А.Н. Попов. – СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т, Ген. прокуратура Рос. Федерации, 1998. – 40 с.
12. Слуцкий, И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / И.И. Слуцкий. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. – 118 с.
13. Тишкевич, И.С. Защита от преступных посягательств / И.С. Тишкевич. – М.: Госюриздат, 1961. – 70 с.; Тишкевич, И.С. Условия и пределы необходимой обороны / И.С. Тишкевич. – М.: Юрид. лит., 1969. – 189 с.; Тишкевич, И.С. Оборона от нападения преступника / И.С. Тишкевич. – Минск: Изд-во БГУ, 1972. – 136 с.
14. Ткаченко, В.И. Теоретические основы необходимой обороны и квалификации преступлений, совершенных при превышении ее пределов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.И. Ткаченко. – М., 1982. – 36 с.
15. Уголовное право БССР. Общая часть. / И.И. Горелик [и др.]; под общ. ред. И.И. Горелика. – Минск: Выш. шк., 1978. – С. 119–120.
16. Уголовное право. Общая часть: учеб. / Н.А. Бабий [и др.]; под ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2002. – С. 237–238.
17. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учеб. пособие / Н.А. Бабий. – ГИУСТ БГУ, 2006. – С. 165; Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – Минск: Тесей, 2005. – С. 304–305.
18. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: учение о преступлении: учеб. для вузов / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1999. – С. 453; Уголовное право России: Общая часть: учеб. / А.И. Бойцов [и др.]; под ред. Н.М. Кропачева [и др.]. – СПб.: Изд. Дом С.-Петербург. ун-та, 2006. – С. 641–644.
19. Милоков, С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа / С.Ф. Милоков. – СПб., 2000. – С. 106–107; Попов, А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. – С. 234.
20. Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. – С. 232–233; Орехов, В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. – С. 57–58; Уголовное право России. Общая часть: учеб. / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Изд. Дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. – С. 642.
21. Паше-Озерский, Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву / Н.Н. Паше-Озерский. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 38.
22. Тишкевич, И.С. Условия и пределы необходимой обороны / И.С. Тишкевич. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 13–14.
23. Ткаченко, В.И. Необходимая оборона по уголовному праву / В.И. Ткаченко. – М.: Юрид. лит., 1979. – С. 17.
24. Тишкевич, И.С. Защита от преступных посягательств / И.С. Тишкевич. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 21.
25. Попов, А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. – С. 245.
26. Тишкевич, И.С. Защита от преступных посягательств. – С. 19–22.
27. Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. С. 235, 237.
28. Орехов, В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. – С. 63.
29. Попов, А.Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. – С. 22.
30. Слуцкий, И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. – С. 54.
31. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – С. 429.

32. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1984. – № 5.
33. Попов, А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. С. 263.
34. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1984. – № 5.
35. Уголовное право. Общая часть: учеб. / Н.А. Бабий [и др.]; под ред. В.М. Хомича. – С. 246–247.
36. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – С. 309–310.
37. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – С. 103.
38. Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. – С. 259, 260, 261.
39. Орехов, В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – С. 87–88.
40. Попов, А.Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / А.Н. Попов. – С. 27.
41. Саркисова, Э.А. Необходимая оборона: проблемы совершенствования / Э.А. Саркисова // Судовы Весн. – 1993. – № 2. – С. 48–50.
42. Право на необходимую оборону (Обзор судебной практики) // Бюл. Верх. Суда СССР. – 1983. – № 3.
43. Грунтов, И.О. О практике квалификации тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения при смягчающих обстоятельствах (ст. ст. 150, 152 УК) / И.О. Грунтов, Л.К. Дулько // Судовы Весн. – 2006. – № 2. – С. 38–40.
44. Саркисова, Э.А. Необходимая оборона: проблемы совершенствования. – С. 48–50.
45. Бахтеева, Е.И. Превышение пределов необходимой обороны: проблемы квалификации: автореферат дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.И. Бахтеева; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1997. – С. 24, 28.
46. Попов, А.Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. – С. 27.
47. Звечаровский, И. Законодательная регламентация института необходимой обороны / И. Звечаровский, Ю. Чайка // Законность. – 1995. – № 8. – С. 33–35.
48. Уголовный кодекс Украины / науч. ред. и предисл. д-ра юрид. наук, проф. В.Я. Тация и д-ра юрид. наук, проф. В.В. Сташиса; пер. с укр. В.Ю. Гиличенко. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. – 393 с.
49. Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. ст. канд. юрид. наук А.И. Лукашова. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. – 408 с.
50. Уголовное право буржуазных стран. Общая часть: сб. законодат. актов / под ред. А.Н. Игнатовича и И.Д. Козочкина. – М.: Изд-во Ун-та Дружбы народов, 1990. – С. 97–103.
51. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкина; пер. с англ. И.В. Мироновой. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. – 510 с.
52. Уголовный кодекс Дании / науч. ред. и предисл. С.С. Беляева; пер. с дат. и с англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. – 230 с.
53. Уголовный кодекс Республики Молдова. – С. 132.
54. Уголовный кодекс Украины. – С. 37.

Дата поступления статьи в редакцию 24.03.2011

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ (ст. 216 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА)

МОРОЗ Д.Г.,

старший преподаватель кафедры уголовного права Белорусского государственного университета

Статья посвящена признакам субъективной стороны преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 216 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК). В статье анализируются содержание интеллектуального и волевого моментов вины при совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК, соотношение мотива и цели причинения имущественного ущерба без признаков хищения, а также особенности установления корыстной цели данного преступления.

Правильное установление субъективной стороны причинения имущественного ущерба без признаков хищения имеет важнейшее значение для разграничения данного преступления от различных форм хищений и от гражданско-правовых деликтов.

The article is devoted to the subjective attributes of a crime commitment under Art. 216 of the Criminal Code of Belarus. The article deals with the content of the intellectual and volitional moments of guilt for a crime commitment under Art. 216 of the Criminal Code of Belarus, the ratio of the motive and purpose of causing damage to property without any sign of theft, and also features the establishment of self-serving objectives of the crime.

Proper establishment of the subjective side of property damage without evidence of theft is essential to distinguish the crime of theft and various forms of civil law torts.

Преступления, как и все действия человека, представляют собой проявление тех или иных сторон его психической деятельности вовне [1, с. 116]. Вследствие этого необходимым условием квалификации деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 216 УК, является установление вины, а также мотивов и целей преступления. Вина, мотив и цель преступления в своей совокупности образуют субъективную сторону любого преступления, в том числе причинения имущественного ущерба без признаков хищения [2, с. 52–62].

Установление признаков субъективной стороны имеет важнейшее значение не только для квалификации преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 216 УК, но и для отграничения данного деяния от хищений и иных смежных преступлений, а также от некоторых гражданско-правовых деликтов. Установление признаков субъективной стороны причинения имущественного ущерба без признаков хищения в значительной мере определяет степень общественной опасности этого преступления и лица, его совершившего.

Дискуссионными в науке уголовного права являются вопросы о содержании и соотношении

мотива и цели как признаков субъективной стороны преступления [3, с. 31; 4, с. 59; 5, с. 41; 6, с. 297]. Нет в доктрине уголовного права единства и по поводу того, является ли корыстная цель обязательным признаком преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 216 УК [7, с. 134–135; 8, с. 260].

Таким образом, целями исследования, результаты которого нашли отражение в настоящей статье, являются: а) выявление формы и вида вины при совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК; б) определение соотношения мотива и цели причинения имущественного ущерба без признаков хищения; в) установление цели преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 216 УК.

Основным признаком субъективной стороны любого преступления, в том числе и предусмотренного ст. 216 УК, является вина, то есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности. В диспозиции нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 216 УК, непосредственное указание на форму и вид вины отсутствует. Вместе с тем, механизм и способы

причинения имущественного ущерба без признаков хищения (обман, злоупотребление доверием, модификация компьютерной информации) свидетельствуют о том, что данное деяние может совершаться только умышленно.

Вина представляет собой сложный психический процесс, содержание которого раскрывается посредством анализа интеллектуального и волевого моментов. Первый характеризует сознание лица, совершающего преступление, а второй его волю. В материальных составах преступлений, к которым относится и причинение имущественного ущерба без признаков хищения, интеллектуальный момент вины характеризуется двумя аспектами: 1) осознанием виновным общественной опасности своего деяния; 2) предвидением виновным общественно опасных последствий своего деяния.

Осознание общественной опасности причинения имущественного ущерба без признаков хищения означает понимание виновным, что своими действиями он нарушает нормальное функционирование установленных в обществе отношений собственности, причиняет вред имущественным интересам отдельных лиц, а также общественным или государственным интересам. Содержание общественной опасности преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 216 УК, определяется общественно опасными последствиями, которые порождаются деянием, совершаемым виновным. При этом следует отметить, что для признания причинения имущественного ущерба без признаков хищения, совершенного умышленно, не требуется осознание преступником противоправности, то есть запрещенности совершаемого им деяния статьей 216 УК.

Наряду с осознанием общественной опасности деяния при совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК, виновный осознает и фактическую сторону совершаемого деяния: извлечение выгоды, формы и способы совершения преступления, причинную связь между извлечением виновным имущественной выгоды и причинением имущественного ущерба.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК, виновный осознает, что имущественный ущерб причиняется в результате осуществления им одной из следующих форм преступного поведения: а) противоправное использование чужого имущества или возмездных услуг; б) уклонение от уплаты или передачи должного (преступная экономия); в) обращение виновным в свою пользу или пользу третьих лиц имущества, которое не поступило, но должно было поступить в собственность потерпевшего; г) возложение виновным бремени своих расходов на потерпевшего [9, с. 58–63].

Причиняя имущественный ущерб в форме противоправного использования чужого имущества или возмездной услуги, виновный сознает,

что: а) он использует принадлежащее потерпевшему имущество не в его интересах, а в своих личных интересах; б) у него отсутствует право на использование чужого имущества или возмездных услуг; в) использует чужое имущество или возмездные услуги безвозмездно.

Причиняя имущественный ущерб в форме уклонения от передачи или уплаты должного, виновный осознает два фактических обстоятельства: а) наличие у него обязательства оплатить правомерное использование им чужого имущества или оказанную ему возмездную услугу и б) наличие у него реальной возможности выполнить имеющееся у него обязательство.

Причинение имущественного ущерба в форме обращения в свою пользу или пользу третьих лиц имущества, которое не поступило, но должно было поступить в собственность потерпевшего, характеризуется тем, что виновный осознает наличие следующих обстоятельств: а) имущество еще не находится в собственности потерпевшего; б) право на получение соответствующего имущества имеет потерпевший; в) виновный не имеет права на получение соответствующего имущества.

Причинение имущественного ущерба в форме возложения виновным бремени своих расходов на потерпевшего характеризуется тем, что виновный осознает наличие следующих фактических обстоятельств: а) использование чужого имущества или возмездных услуг осуществляется виновным от имени иного лица – потерпевшего; б) потерпевший не давал виновному своего согласия на использование чужого имущества или возмездных услуг от своего имени; в) оплатить использование виновным чужого имущества или возмездных услуг будет вынужден потерпевший.

Об осознании виновным фактических обстоятельств причинения имущественного ущерба может свидетельствовать как его жизненный опыт, так и характер его профессиональной деятельности.

Так, Ш. и Р., работавшие проводниками вагона № 3 поезда № 51/52 «Минск–С.-Петербург», при посадке пассажиров на станции Минск-Пассажирский по просьбе граждан Т. и К. загрузили в рундук своего купе груз коммерческого назначения общим весом 95 кг. При этом Ш. и Р. не оформили у начальника поезда квитанции об оплате провоза этого груза от станции Минск-Пассажирский до станции С.-Петербург.

Согласно содержащейся в материалах уголовного дела выписке из инструкции об обязанностях проводника пассажирского поезда вес ручной клади не может превышать 36 кг. Из этой же инструкции следует, что на провоз излишней ручной клади должна быть оформлена квитанция об оплате [10].

Независимо от формы совершения преступления, предусмотренного ст. 216 УК, виновный осознает, что извлекая имущественную выгоду, он не совершает хищение, то есть не завладевает имуществом, находящимся в фондах потерпевшего, и не ставит себя на место собственника или законного владельца этого имущества.

Об осознании виновным фактических обстоятельств, которые подтверждают наличие умысла на совершение преступления, предусмотренного ст. 216 УК, могут свидетельствовать очевидная уже в момент заключения договора невозможность исполнения обязательств, нереальность исполнения принимаемых обязательств относительно конъюнктуры рынка, экономическая необоснованность принимаемых обязательств, действия до завладения имуществом и действия после завладения имуществом, направленные на облегчение уклонения от возврата полученного имущества (например, совершение сделки от имени юридического лица, зарегистрированного на подставных лиц, может указывать на отсутствие намерений выполнять принимаемые обязательства), и тому подобное [11, с. 81].

Еще одним аспектом интеллектуального момента умысла при совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК, является предвидение виновным причинения имущественного ущерба. В соответствии с ч. 1 ст. 216 УК уголовная ответственность наступает в случае причинения виновным имущественного ущерба в значительном размере, то есть на сумму в сорок и более базовых величин, установленных на момент совершения преступления. Тем не менее, предвидение или непредвидение виновным значительности размера причиняемого имущественного ущерба для привлечения его к уголовной ответственности значения не имеет. Главное, чтобы виновный предвидел, что в результате извлечения им имущественной выгоды потерпевшему будет причинен имущественный ущерб.

Например, З. в период с 28 августа 2003 года по 11 мая 2004 года путем приобретения 23 sim-карт, оформленных на других граждан, без переоформления договоров на свое имя использовал эти sim-карты, умышленно превышал авансовые платежи, чем без намерения возврата оператору мобильной связи денежных средств извлек для себя имущественную выгоду. В результате СП ООО «Мобильная цифровая связь» (торговая марка «Velcom») был причинен имущественный ущерб без признаков хищения на сумму 142 834 081 белорусский рубль.

Обвиняемым З. в ходе судебного разбирательства были даны показания, в соответствии с которыми он полагал, что для компании «Velcom» ущерб будет незначительным и на это

никто не обратит внимания. Но при этом он понимал, что ущерб компании все-таки причиняет [12].

Предвидением виновным общественно опасных последствий своего деяния охватывается не только причинение потерпевшей стороне имущественного ущерба как такового, но также и характер данного ущерба. Так, в случае противоправного использования чужого имущества, непередачи или неуплаты должного преступник предвидит, что собственнику будет причинен имущественный ущерб в виде неполучения должного, поскольку он не получит какого-либо возмещения за использование своего имущества. Если преступник возлагает бремя своих расходов на другое лицо, то он предвидит, что в результате его противоправных действий собственнику будет причинен реальный имущественный ущерб.

Осознание причинной связи между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием предполагает понимание виновным, что причиняемый потерпевшему имущественный ущерб является закономерным результатом извлечения виновным имущественной выгоды. При этом на практике при совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК, могут иметь место случаи, когда имущественный ущерб потерпевшему причиняется, а имущественную выгоду виновный в силу целого ряда обстоятельств не извлекает. Например, виновный неправомерно оказал возмездную услугу за счет имущества другого лица, но вознаграждение за это не получил в результате того, что был задержан или заказчик услуги обманул и не рассчитался с ним за оказанную услугу. Поэтому причинная связь виновным осознается не между фактически извлеченной имущественной выгодой и имущественным ущербом, а между деянием, направленным на извлечение имущественной выгоды и причиняемым имущественным ущербом.

Помимо деяния, последствия и причинной связи между деянием и последствием, лицо, совершающее преступление, предусмотренное ст. 216 УК, должно осознавать также способы причинения имущественного ущерба. Обман, злоупотребление доверием и модификация компьютерной информации как способы совершения рассматриваемого преступления предполагают умышленные целенаправленные действия по извлечению выгоды в ущерб имущественным интересам собственника или иного владельца имущества. Такая выгода в одном случае может быть использована преступником для противоправного сбережения своего имущества или личного обогащения, в другом – она направлена на удовлетворение потребностей других граждан.

Любое обманное поведение представляет сознательный волевой акт, направленный на

достижение определенной цели. Используя обман как способ причинения имущественного ущерба виновный вводит потерпевшего в заблуждение путем сознательного искажения истины или умолчания о юридических фактах или юридически значимых обстоятельствах. Искажение истины или умолчание о юридических фактах или юридически значимых обстоятельствах в результате непреднамеренной ошибки, халатности, некомпетентности лица в случае причинения имущественного ущерба без признаков хищения может образовывать лишь гражданско-правовой деликт, но не уголовно наказуемое деяние [13, с. 206–207].

В случае причинения имущественного ущерба без признаков хищения путем злоупотребления доверием интеллектуальный момент вины выражается в осознании виновным того, что для извлечения имущественной выгоды он использует предоставленные ему юридически обусловленные полномочия по распоряжению имуществом другого лица. Злоупотребляя оказанным доверием, преступник осознает, что нарушает свои обязанности действовать исключительно в интересах доверителя. Соответственно лицо понимает, что, злоупотребляя доверием, имеющим юридическое основание, оно нарушает само это основание – нормативный правовой акт или договор.

В случае причинения имущественного ущерба без признаков хищения путем модификации компьютерной информации сознанием виновного охватывается одно из двух обстоятельств: либо модификация компьютерной информации осуществляется лицом на законном основании, однако вносимые изменения направлены на достижение преступного результата, либо полное отсутствие у лица законных оснований на осуществление этой операции.

При этом лицо осознает и характер модифицируемой информации, которая предназначена для использования в имущественных отношениях при заключении сделок, производстве расчетов за использованное имущество или возмездную услугу и т.п.

Волевой момент умысла при совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК, предполагает наличие сознательного волевого акта, направленного на достижение определенного преступного результата – причинения имущественного ущерба [14, с. 21]. При этом желание причинить потерпевшему имущественный ущерб не выражает конечную цель совершаемого преступления, а лишь является необходимым этапом для достижения иной цели – извлечения имущественной выгоды или избавления от материальных затрат.

Важное значение для квалификации преступления, предусмотренного ст. 216 УК, и разграничения его и гражданско-правовых деликтов,

причиняющих имущественный ущерб, имеет направленность умысла, который определяется мотивом и целью совершаемого деяния.

Понятия мотива и цели преступления законодательно не закреплены. В уголовно-правовой литературе мотив преступления определяется как обусловленное определенными потребностями и интересами побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и проявляется в нем [2, с. 139]. В свою очередь под целью преступления понимается идеальная (мысленная) модель будущего желаемого результата, к причинению которого стремится правонарушитель посредством совершения преступления [2, с. 149].

Мотив и цель причинения имущественного ущерба без признаков хищения находятся в тесной взаимосвязи. Вместе с тем мотив и цель являются самостоятельными признаками субъективной стороны преступления, имеющими различное значение для характеристики психического процесса, протекающего в рамках преступного посяательства. По времени мотив возникает раньше цели преступления. Мотив указывает на те побуждения, которыми руководствуется субъект при совершении преступления, а цель определяет направленность действий, результат, к которому стремится преступник. Мотив характеризует общую направленность поведения человека, а цель показывает отношение лица к конкретному преступному результату.

В уголовно-правовой литературе некоторыми учеными высказывается мысль, что мотивы поведения всегда совпадают с целью, которую ставит перед собой человек. Поэтому корыстная цель предполагает, что человек действует из корыстных побуждений, то есть удовлетворяет свои материальные потребности [3, с. 31; 4, 59]. Однако следует согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что содержательное несовпадение мотива и цели может проявляться в том, что на основе одной и той же мотивации могут формироваться различные цели, равно как и тождественные цели могут иметь под собой различную мотивацию. При наличии корыстной цели лицо может руководствоваться некорыстной мотивацией [5, с. 41; 6, с. 297]. Такая ситуация может иметь место, например, в случае причинения имущественного ущерба без признаков хищения в соучастии, когда все соучастники преступления руководствуются корыстной целью, но мотив отдельных соучастников при этом может и не совпадать. Один из соучастников преступления может руководствоваться корыстной мотивацией, а другой – ложно понятыми интересами дружбы, родственными чувствами и т.п.

Вопрос о мотивах и целях причинения имущественного ущерба без признаков хищения яв-

ляется дискуссионным в науке уголовного права.

Так, по мнению Л.Д.Гаухмана и С.В.Максимова установление корыстной цели причинения имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием при отсутствии иных признаков хищения не влияет на квалификацию содеянного. Установление же корыстной цели указывает на наличие состава хищения. Л.Д.Гаухман и С.В.Максимов аргументируют свою точку зрения тем, что причинение имущественного ущерба без признаков хищения может осуществляться с целью мести в форме подрыва деловой репутации партнера, вследствие чего для последнего наступают и отрицательные последствия имущественного характера. Помимо этого, обман собственника или злоупотребление его доверием могут быть совершены и с целью недопущения срыва иной более крупной сделки [7, с. 134–135].

Однако представленные аргументы не могут свидетельствовать о возможности бескорыстного причинения имущественного ущерба без признаков хищения как преступления против собственности. В первом случае речь идет не о чем другом, как об изоциренном способе дискредитации деловой репутации конкурента, а отношения собственности в данном случае являются лишь дополнительным объектом посягательства. Во втором случае обман собственника или злоупотребление его доверием с целью недопущения срыва более выгодной для него сделки может при наличии определенных обстоятельств свидетельствовать именно о корыстной направленности содеянного.

По нашему мнению, следует согласиться с теми правоведом, которые утверждают, что характер имущественного ущерба и способы совершения анализируемого преступления говорят о преследовании виновным цели извлечения имущественной выгоды, незаконного обогащения, то есть корыстную цель [8, с. 260]. Мотив при этом может быть не обязательно корыстным [6, с. 300; 14, с. 39].

Содержание корыстной цели, которую стремится достичь виновный в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 216 УК, отличается от содержания корыстной цели, присущей хищению (ст. 205–212 УК). Корыстная цель, которую стремится достичь виновный при совершении хищения, заключается в извлечении имущественной выгоды за счет противоправного приобретения материальных ценностей, находящихся в чужой собственности. При совершении преступления, предусмотренного

ст. 216 УК, корыстная цель виновного характеризуется стремлением: а) извлечь имущественную выгоду за счет имущества, которое в собственность потерпевшего еще не поступило, но должно было туда поступить; б) избавить себя или своих близких от материальных затрат, которые виновный в соответствии с нормативным правовым актом или договором обязан был понести. При этом недостижение виновным желаемого результата, то есть неизвлечение им имущественной выгоды либо избавление от материальных затрат, не препятствует причинению имущественного ущерба без признаков хищения.

Исходя из вышесказанного:

1. Субъективная сторона преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 216 УК, характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла и корыстной целью.

2. Для квалификации преступления, предусмотренного ст. 216 УК, разграничения его и хищений и гражданско-правовых деликтов, причиняющих имущественный ущерб, существенное значение имеет направленность умысла, который определяется мотивом и целью совершаемого деяния.

3. В отличие от хищения корыстная цель преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 216 УК, не направлена на извлечение имущественной выгоды за счет противоправного приобретения материальных ценностей, находящихся в чужой собственности.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК, корыстная цель виновного характеризуется стремлением: а) извлечь имущественную выгоду за счет имущества, которое в собственность потерпевшего еще не поступило, но должно было поступить; б) избавить себя или своих близких от материальных затрат, которые виновный или его близкие обязаны были понести.

Причинение имущественного ущерба без признаков хищения при отсутствии корыстной цели может рассматриваться как гражданско-правовой деликт.

4. Мотив и цель причинения имущественного ущерба без признаков хищения находятся в тесной взаимосвязи. Вместе с тем мотив и цель являются самостоятельными признаками субъективной стороны данного преступления. При наличии корыстной цели мотив в определенных случаях может быть некорыстным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дриль, Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д.А. Дриль. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 770 с.
2. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 304 с.
3. Скляров, О. Корысть как обязательный признак отдельных составов преступлений в уголовном праве России / О. Скляров // Уголовное право. – 2000. – № 4. – С. 29–32.
4. Третьяк, М. Субъективная сторона преступлений против собственности, предусмотренных статьями 158–165 УК РФ / М. Третьяк // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 57–59.
5. Дагель, П.С. Уголовно-правовое значение мотива и цели преступления / П.С. Дагель // Социалист. законность. – 1969. – № 5. – С. 41–42.
6. Бойцов, А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 775 с.
7. Гаухман, Л.Д. Ответственность за преступления против собственности / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. – М.: Учеб.-консульт. центр «ЮрИнфор», 1997. – 320 с.
8. Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С.М. Кочои. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Антей, 2000. – 288 с.
9. Мороз, Д.Г. Формы причинения имущественного ущерба без признаков хищения / Д.Г. Мороз // Юрид. журн. – 2009. – № 4. – С. 58–63.
10. Архив суда Октябрьского района г. Минска. – Дело № 1-463/1998.
11. Сычева, Н.В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.В. Сычева. – Челябинск, 2006. – 226 л.
12. Архив суда Фрунзенского района г. Минска. – Дело № 1-1335/2004.
13. Мороз, Д.Г. Отграничение причинения имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК) от иных правонарушений / Д. Г. Мороз // Право и государство: традиции и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. студентов и аспирантов, Минск, 29–30 окт. 2003 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Г.А. Шумак [и др.]. – Минск: БГУ, 2004. – С. 206–207.
14. Горелов, А. Статья 165 УК РФ как норма, обеспечивающая охрану интересов кредиторов / А. Горелов // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 21–22.
15. Щепельков, В. Соотношение мотива и цели преступления / В. Щепельков // Законность. – 2001. – № 4. – С. 39–40.

Дата поступления статьи в редакцию 23.02.2011

ПРИНУЖДЕНИЕ (ст. 185 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ) И ПРИНУЖДЕНИЕ К ВЫПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ (ч. 1 ст. 384 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ): СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

ЛАПЦЕВИЧ И.И.,

помощник прокурора Фрунзенского района г. Минска, юрист 2-го класса, аспирант кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета

На практике при квалификации деяний виновного часто возникают сложности в части разграничения смежных составов преступлений и правильной юридической оценки преступного поведения лица. Такая ситуация может возникнуть применительно к таким составам преступлений, как «Принуждение» (ст. 185 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и «Принуждение к выполнению обязательств» (ст. 384 УК). В предлагаемой статье проводится сравнительный анализ указанных уголовно-правовых норм, высказываются предложения по совершенствованию законодательства, обсуждаются наиболее значимые теоретические положения и вопросы квалификации.

In practice, difficulties concerning discrimination of contiguous offences and correct legal assessment of a person's criminal conduct often arise during the qualification of acts committed by a guilty person. Such situation may occur while considering such offences as «Compulsion» (Art. 185 of the Criminal Code of the Republic of Belarus) and «Compulsion to fulfil obligations» (Art. 384 of the Criminal Code of the Republic of Belarus). This paper provides comparative analysis of the above-mentioned criminal norms, contains suggestions to improve legislation, considers the most important theoretical propositions and qualification issues.

Изучение судебной практики показывает, что составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 185, 384 УК, образуют незначительный объем в общей массе преступлений. В настоящее время нет нормативных правовых актов, разъясняющих их применение и указывающих на их особенности. Однако это вовсе не означает, что ст. 185 и ст. 384 УК заслуживают меньшего внимания по сравнению с иными составами преступлений. Поэтому для установления отличий между рассматриваемыми уголовно-правовыми нормами и внесения предложений по совершенствованию законодательства

проведем сравнительно-правовой анализ элементов составов преступлений, предусмотренных ст. 185 и ст. 384 УК, так как правильная квалификация преступления определяет основание и пределы ответственности виновного и служит предпосылкой для применения норм уголовно-правового воздействия. Процесс применения норм уголовного права находит свое завершение в судебном приговоре. Его вынесению предшествует деятельность органа дознания, следователя и прокурора, в которой также реализуется процесс применения уголовно-правовых норм [1, с. 39]. Поэтому исключительно

важным является правильное применение нормы права, начиная от первоначальной квалификации преступного деяния виновного и заканчивая вынесением приговора судом.

Объект преступления. Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за «Принуждение» (ст. 185 УК) и «Принуждение к выполнению обязательств» (ст. 384 УК) расположены в различных главах УК.

Преступление, предусмотренное ст. 185 УК, помещено законодателем в раздел VII «Преступления против человека», главу 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства». Родовым объектом преступлений данной главы является свобода волеизъявления личности. В таком случае общественно опасное деяние направлено на ограничение личной свободы человека, а непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие личную свободу человека, самостоятельно избирающего линию своего поведения [2, с. 377; 3, с. 156].

Ст. 384 УК расположена в разделе XIII «Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления», главе 33 «Преступления против порядка управления». Родовым объектом преступлений данной главы выступают субординационные отношения, складывающиеся в процессе осуществления органами государственной власти и государственного управления распорядительных функций [4, с. 688], в качестве объекта принуждения к выполнению обязательств – общественные отношения в сфере установленного законодательством Республики Беларусь порядка исполнения обязательств [2, с. 825].

В качестве дополнительного объекта обоих преступлений выступают здоровье человека, целостность и сохранность его имущества, а также честь, достоинство и репутация лица.

Объективная сторона. По ст. 185 УК карается принуждение к поведению, которое само по себе не содержит признаков преступления, а зачастую вообще лишено общественной опасности или даже общественно полезно (например, принуждение к производству аборта, к вступлению в брак или расторжению брака, к увольнению с работы, к отказу от авторства и т.д.) [2, с. 378]. В свою очередь, ст. 384 УК защищает гражданско-правовые отношения в сфере обязательственного права.

Частью объективной стороны рассматриваемых составов преступлений выступает принуждение. При этом принуждение состоит из двух обязательных компонентов: предъявления требования (для ст. 185 УК – выполнить или отказаться от выполнения какого-либо действия, а для ст. 384 УК – выполнить договорные обязательства, возместить причиненный ущерб, уплатить долг, штраф, неустойку, пеню) и угрозы

(для ст. 185 УК – применить насилие, уничтожить имущество, повредить имущество, распространить клеветнические или огласить иные сведения, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне, ущемить права, свободы и законные интересы этих лиц, а для ч. 1 ст. 384 УК – применить насилие, уничтожить имущество, повредить имущество, распространить сведения, способные причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких).

Предъявление требования является первой и обязательной составляющей объективной стороны рассматриваемых составов преступлений. Требование должно адресоваться непосредственно потерпевшему. Оно должно быть понятно адресату и направлено на побуждение его к совершению определенных действий, характерных для каждого отдельного состава преступления – ст. 185 или ч. 1 ст. 384 УК.

Чтобы сломить волю потерпевшего, виновный применяет угрозу [5, с. 16–17]. При этом угроза должна подкреплять требование, но ни в коем случае не исчерпывать его содержание. Требование отражает то, чего хочет добиться виновный, а угроза – то, как он хочет этого добиться [6, с. 485].

Законодатель в ст. 185 и ч. 1 ст. 384 УК не указывает, какими пределами должна ограничиваться угроза применения насилия. Полагаем, что такая угроза может включать в себя угрозу применения различного рода насильственных действий, которые могут быть использованы виновным для достижения преступной цели.

Таким образом, под угрозой применения насилия к потерпевшему или его близким следует понимать угрозу применения насилия различной степени, например, убийством, причинением любых телесных повреждений (тяжких, менее тяжких, легких), истязанием, побоями, лишением свободы, угрозой изнасилованием, совершением насильственных действий сексуального характера и т.д. [2, с. 378]. Следовательно, угроза применения насилия представляет собой угрозу воздействием на биологическую составляющую человека в целом.

Угроза уничтожения или повреждения имущества (ст. 185 и ч. 1 ст. 384 УК). Термин «уничтожить» означает прекратить существование кого-либо или чего-либо [7, с. 384]. Под угрозой уничтожения имущества следует понимать угрозу приведения его в такое состояние, когда оно не может быть использовано по своему назначению либо перестает существовать вовсе [8, с. 270; 2, с. 446; 9, с. 3].

Понятие «повредить» означает причинить вред (испортить, поломать) [7, с. 529]. Угроза повреждения имущества заключается в таком воздействии на него, в результате которого существ-

венно снижается ценность, значительно утрачиваются свойства или качества, то есть происходит частичная ликвидация потребительских свойств вещи, при которой нарушается ее целостность, внешний вид, исправность отдельных составных частей, узлов и механизмов, способность к нормальной работе или эксплуатации и данное имущество фактически не может быть использовано без восстановления и исправления [8, с. 270; 2, с. 446; 9, с. 3].

Угроза распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые принуждаемое лицо или его близкие желают сохранить в тайне (ст. 185 УК), угроза распространения сведений, способных причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близким (ч. 1 ст. 384 УК) – важной составляющей угрозы для данных составов преступлений является распространение сведений. Под распространением сведений понимается сообщение их какому-то третьему лицу, нескольким лицам или неопределенному кругу лиц. Если сведения передаются только самому лицу, которого они касаются, то это не считается распространением, так как другие лица не знают об этом и на общественное мнение разговор «один на один» не может оказать какого-либо влияния. Способы распространения сведений могут быть разными: опубликование таких сведений в печати, трансляция по радио и телевидению, другие средства массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, сообщении в иной, в том числе устной форме нескольким или хотя бы одному лицу и т.д. [10, с. 158–159]. Содержанием таких сведений не могут быть общеизвестные обстоятельства [11, с. 76]. Наряду с понятием «распространение» законодатель в ст. 185 УК предусматривает «оглашение» иных сведений, которые принуждаемое лицо или его близкие желают сохранить в тайне. При этом «огласить» означает: прочесть вслух для всеобщего сведения, объявить; разгласить, сделать известным (например, огласить чужую тайну) [7, с. 443].

Применительно к ст. 185 УК угроза распространения клеветнических сведений состоит в запугивании распространением заведомо ложных, позорящих потерпевшего или его близких измышлений, которые могут опорочить честь, достоинство и деловую репутацию. В свою очередь, угроза оглашения сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне, – это:

во-первых, угроза оглашения правдивых компрометирующих сведений, которые могут опозорить потерпевшего или его близких, так как будут отрицательно их характеризовать;

во-вторых, угроза оглашения сведений, которые не порочат потерпевшего или его близких, но составляют их личную или семейную тайну,

различные виды профессиональной тайны – адвокатская, судебная, врачебная, нотариальных действий, денежных вкладов, исповеди, предпринимательскую тайну: промышленная или технологическая тайна (содержит секреты производства, изобретения, методы и способы управления производством), коммерческая тайна (маркетинг, особенности коммерческой деятельности, деловые связи), финансово-кредитная тайна (бухгалтерские и финансовые документы, деловая переписка фирмы) и т.д. [2, с. 364, 378; 11, с. 76]. Решающее значение в данном случае имеет желание потерпевшего или его близких сохранить эти сведения в тайне, то есть не допустить ознакомления с ними других лиц [3, с. 157].

Для принуждения к выполнению обязательств (ч. 1 ст. 384 УК) распространяемые сведения могут быть абсолютно любого характера и касаться различных моментов жизни потерпевшего и его близких (сведения могут быть как ложными, так и правдивыми) [2, с. 825]. Главное, чтобы они обладали способностью причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких. Законодатель не дает определение понятия «существенный вред». Под возможностью причинения существенного вреда правам и законным интересам потерпевшего или его близких следует понимать реальную значимую вероятность причинения вреда здоровью, имуществу, чести, достоинству, деловой, а равно служебной репутации потерпевшего или его близких [12, с. 264–265]. Существенным, например, может признаваться такой вред, который повлечет причинение материального вреда, физических или нравственных страданий потерпевшему или его близким (срыв выгодного контракта, распад семьи в результате того, что один из супругов узнал об измене другого, попытка самоубийства потерпевшего, заблуждение душевной болезнью и так далее), серьезные нарушения прав и интересов граждан (жилищных, трудовых и др.) [13, с. 387; 14, с. 757]. При этом оценку существенности вреда необходимо проводить на основе субъективного восприятия угрозы потерпевшим, независимо от того, возможно ли причинение вреда только правам и законным интересам потерпевшего или его близких [15, с. 9]. Так, потерпевший и его близкие могут скрывать от других лиц в силу каких-то личных причин определенную информацию, которая может иметь для них самих и несущественное значение. При таких обстоятельствах не всякое оглашение сведений может нанести «существенный вред» их правам и законным интересам. Возможно, разглашение определенного рода сведений никоим образом и не скажется ни на статусе, ни на личностных отношениях потерпевшего или его близких и т.д. Однако каждое лицо вправе самостоятельно оп-

ределять, какую информацию оно желает сохранить в тайне. Исходя из этого полагаем, что в диспозиции ч. 1 ст. 384 УК рассматриваемый вид угрозы изложен не совсем удачно. Поэтому предлагаем угрозу при совершении принуждения к выполнению обязательств (в ч. 1 ст. 384 УК) определить аналогично угрозе в ст. 185 УК, то есть как угрозу распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне.

Угроза ущемления прав, свобод и законных интересов принуждаемого лица или его близких (ст. 185 УК) может выражаться в высказывании намерения создать какие-либо препятствия в осуществлении прав, свобод и законных интересов лица (например, воспрепятствовать пользованию имуществом, создать помехи приема теле- или радиосигнала, отключить энергоснабжение) [3, с. 157].

Несмотря на то обстоятельство, что подобный вид угрозы законодателем в ст. 384 УК не предусмотрен, полагаем, что такую угрозу виновный все же может применить для достижения своей преступной цели.

Пример 1: З., Т., Ток., Щ. признаны виновными в том, что имея умысел на принуждение к выполнению договорных обязательств – уплате долга под угрозой применения насилия, а Щ. также под угрозой уничтожения и повреждения имущества. З., Т. и Ток. с применением насилия при отсутствии признаков вымогательства требовали от Зах. возврата долга Т. и, продолжая свои преступные действия, лишили Зах. документов и ключей от его автомашины, а также возможности управления указанной автомашиной путем ее перегона в неизвестное Зах. место. Действия З., Т. и Ток. квалифицированы по ч. 2 ст. 384 УК, а Щ. – по ч. 1 ст. 384 УК [16, 17].

Пример 2: З. признан виновным в том, что под угрозой применения насилия и с применением насилия принуждал А. к выполнению обязательств (уплате долга). Кроме того, З. забрал у А. мобильный телефон, обязуясь вернуть данное имущество А. после того, как последний вернет долг З. Действия З. судом квалифицированы по ч. 2 ст. 384 УК [18].

Пример 3: А. и В. признаны виновными в том, что под угрозой применения насилия, уничтожения и повреждения имущества принуждали Б. к выполнению договорных обязательств и возмещению причиненного ущерба. При этом А. и В. забрали у Б. принадлежащий последнему мобильный телефон, обязуясь вернуть данное имущество Б. после выполнения возложенных на него обязательств. Действия А. и В. судом квалифицированы по ч. 1 ст. 384 УК. Изначально действия А. и В. по факту изъятия у Б. мобильного телефона были квалифицированы по ч. 2 ст. 206 УК. Тем не менее, на судебном за-

седании установлено, что А. и В. забирали у Б. мобильный телефон не с целью его хищения, а для того, чтобы потерпевший выполнил принятые на себя обязательства. По ч. 2 ст. 206 УК А. и В. судом оправданы [19].

Анализируя приведенные примеры, можно говорить о том, что при совершении принуждения к выполнению обязательств возможен и такой вариант поведения виновного, когда у потерпевшего либо его близких изымается имущество для того, чтобы именно таким образом вынудить должника выполнить возложенные на него обязательства, обещая вернуть данное имущество после выполнения с его стороны определенных действий. Следовательно, изымая имущество потерпевшего, его близких, виновный нарушает их права на законное владение, пользование и распоряжение данным имуществом. Это приводит к ущемлению их прав, свобод и законных интересов. Но поскольку такой способ совершения принуждения к выполнению обязательств законодательно не закреплен, то действия виновного в части изъятия имущества не получают должной юридической оценки. Кроме того, возникает вопрос, как квалифицировать действия виновного, направленные на принуждение лица к выполнению обязательств, если его объективную сторону составляют только угроза ущемления прав, свобод и законных интересов потерпевшего, его близких либо осуществляются действия по их реальному ущемлению, а иные действия, предусмотренные ст. 384 УК, виновным не производятся (например, виновный только изымает имущество потерпевшего, не использует его и обязуется вернуть потерпевшему только после выполнения последним требуемого обязательства; виновный угрожает увольнением потерпевшего без каких-либо трудовых нарушений со стороны последнего и т.д.).

Поэтому предлагаем дополнить диспозицию ч. 1 ст. 384 УК и включить в нее угрозу ущемления прав, свобод и законных интересов потерпевшего или его близких и их реальное ущемление.

В качестве потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 185 УК, может выступать любое лицо [2, с. 377]. Потерпевший от принуждения к выполнению обязательств – только должник. В каждом случае виновный может принуждать потерпевшего к совершению требуемого путем воздействия на его близких.

Рассматриваемые преступления относятся к преступлениям с формальным составом. Так, преступление, предусмотренное ст. 185 УК, является оконченным с момента предъявления требования совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения и принуждения психическим насилием к его выполнению независимо от того, удалось ли виновному принудить потерпевшего выполнить его требование.

Фактическое исполнение угрозы лежит за рамками состава принуждения. Если угроза была реализована и содеянное содержит признаки состава какого-либо иного преступления, то ответственность должна наступать по совокупности преступлений [8, с. 199; 3, с. 158]. Принуждение к выполнению обязательств (ч. 1 ст. 384 УК) признается оконченным с момента предъявления требования обязательственного характера и одновременного высказывания определенного рода угрозы.

Ответственность по ст. 185 УК наступает лишь в тех случаях, когда деяние не охватывается признаками более тяжких преступлений, включающих в свою объективную сторону элемент принуждения [2, с. 378]. При квалификации действий виновного по ст. 185 или ч. 1 ст. 384 УК может возникнуть конкуренция данных уголовно-правовых норм. Для устранения противоречий между конкурирующими нормами необходимо руководствоваться следующим: при конкуренции общей и специальной норм совокупность преступлений отсутствует и применяется только специальная норма независимо от того, более или менее строгое наказание предусмотрено специальной нормой (ч. 2 ст. 42 УК); общая норма является резервной нормой и применяется только в тех случаях, которые не охватываются специальными нормами; одновременное применение общей и специальной норм возможно только при наличии реальной совокупности преступлений (идеальная совокупность не допускается) [20, с. 61–62]. Таким образом, поскольку принуждение к выполнению обязательств предусмотрено законодателем в качестве самостоятельного преступления (является специальной нормой), то при его совершении не требуется дополнительной квалификации по ст. 185 УК. Обе нормы могут применяться одновременно лишь в тех случаях, когда имеет место реальная совокупность преступлений.

Для обоих преступлений субъект является общим, то есть в качестве такового выступает вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16-летнего воз-

раста. Специальных требований для субъекта данных составов преступлений законодателем не установлено.

Субъективная сторона: оба преступления характеризуются умышленной формой вины, совершаются только с прямым умыслом [2, с. 379, 826; 3, с. 158, 434].

Особое внимание следует обратить на установление мотива и цели преступления. Мотивы и цели принуждения (ст. 185 УК) могут быть различными и зависеть от складывающейся ситуации [2, с. 379]. В целом, мотив данного преступления можно определить как невыполнение потерпевшим каких-либо требований виновного. Тогда целью принуждения выступает стремление лица вынудить потерпевшего строить линию своего поведения (действовать или бездействовать) в соответствии с требованиями виновного. При этом следует учитывать, что требование виновного не должно являться способом совершения другого преступления (специальной нормы).

Мотивом принуждения к выполнению обязательств является невыполнение со стороны должника возложенных на него обязательств. Цель преступления – стремление виновного заставить (принудить) должника выполнить имеющиеся обязательства.

Подводя итог сравнительно-правовому анализу ст. 185 и ч. 1 ст. 384 УК, в целях дальнейшего совершенствования законодательства и практики его применения, постановки и теоретического обсуждения вопроса предлагаем:

1. в ч. 1 ст. 384 УК вместо угрозы распространения сведений, способных причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, законодательно закрепить угрозу распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне;

2. дополнить диспозицию ч. 1 ст. 384 УК и включить в нее угрозу ущемления прав, свобод и законных интересов потерпевшего или его близких и их реальное ущемление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парог, А. Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений / А. Парог // Уголов. право. – 2002. – № 1. – С. 39–43.

2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; Гос. ин-т упр. и соц. технологий; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ, 2007. – 1004 с.

3. Вопросы квалификации, регистрации и учета преступлений / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.И. Лукашова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2007. – 512 с.
4. Уголовное право. Особенная часть: учеб. / Н.И. Ветров [и др.]; под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист, 1998. – 768 с.
5. Уфалов, А.Г. Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за вымогательство и шантаж: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Уфалов; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2003. – 27 с.
6. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / О.Л. Дубовик [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т гос-ва и права; под общ. ред. А.Э. Жалинского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Эксмо, 2006. – 1086 с.
7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
8. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. пособие / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. – Минск: Новое знание, 2002. – 912 с.
9. Тяжкова, И.М. Некоторые вопросы квалификации уничтожения и повреждения имущества и иных предметов / И.М. Тяжкова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 2006. – № 1. – С. 3–15.
10. Нуркаева, Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами = Personal (civil) rights and freedoms of man and their protection by criminal-law means: вопр. теории и практики / Т.Н. Нуркаева. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 254 с.
11. Шевцов, Ю.Л. Уголовно-правовая борьба с вымогательством имущества (по материалам Респ. Беларусь): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.Л. Шевцов. – Минск, 1992. – 157 л.
12. Уголовное право. Особенная часть: учеб. / С.В. Бородин [и др.]; под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. – М.: Эксмо, 2004. – 704 с.
13. Коряковцев, В.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В.В. Коряковцев, К.В. Питулько. – 2-е изд. – СПб.: Питер принт, 2006. – 848 с.
14. Наумов, А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. / А.В. Наумов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 2004. – Т. 2. – 832 с.
15. Жуковский, В.И. Субъект преступления в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.И. Жуковский. – Ставрополь, 2002. – 165 л.
16. Архив суда Первомайского района г. Минска за 2004 г. – Уголовное дело № 1-456/04.
17. Архив суда Первомайского района г. Минска за 2004 г. – Уголовное дело № 1-1045/04.
18. Архив суда Советского района г. Минска за 2003 г. – Уголовное дело № 03041080655/03.
19. Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2004 г. – Уголовное дело № 1-1424/04.
20. Бабий, Н.А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания: науч.-практ. пособие / Н.А. Бабий; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск: Тесей, 2008. – 175 с.

Дата поступления статьи в редакцию 01.02.2011

ПОРУЧЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

МАТВЕЙЧЕВ Ю.А.,

старший преподаватель-методист учебно-методического отдела Могилевского высшего колледжа Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье рассматриваются актуальные вопросы направления следователем поручений: о форме и содержании поручений, о субъектах, которым они могут быть адресованы, и сроках исполнения.

Предлагается дополнить нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) положениями о том, что следователь вправе поручать органу дознания и следователю проведение не только следственных, но и иных процессуальных действий, устанавливать срок его исполнения, а поручения о проведении следственных действий в порядке ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь направляются не следователю, а начальнику следственного подразделения.

In the article there are some questions connected with the direction of the assignments by the preliminary investigator: about the form and the subject of the assignment, about the individuals to whom it may be addressed and about the terms of its execution.

It is proposed to amplify the regulations of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus with the regulations about the fact that the investigator has the right to charge the body of inquiry or an investigator to realize not only primary investigation but also judicial actions, to determine the period of its execution; the assignment connected with the realization of primary investigation actions according to the P. 4, Art. 184 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus are sent not to the investigator but to the chief of the investigation sub-unit.

В белорусской уголовно-процессуальной науке проблемы направления следователем поручений практически не подвергались анализу, хотя они есть и по результатам их рассмотрения могут быть сформулированы предложения по совершенствованию правоприменительной практики и законодательства.

Обращаясь к проблематике поручений следователя, необходимо выяснить, что же следует понимать под этим термином. Поскольку его дефиниция в уголовно-процессуальном законе отсутствует, обратимся к работам ученых-процессуалистов. Ими было высказано несколько мнений по данному вопросу. Согласно одному из них под поручением следователя предлагалось понимать «предложение органу дознания осуществить следственное или розыскное действие» [1, с. 85], согласно другому – «требование следователя о производстве розыскных и следственных действий» [2, с. 123]. Поскольку исполнение поручения обязательно для органа дознания (ч. 7 ст. 36 УПК Республики Беларусь), то определять его через термин «предложение», значе-

ние которого подразумевает возможность принятия или отклонения его содержания [3, с. 958], не совсем верно. Термин «требование», имеющий значение просьбы в категорической форме, обязывания к чему-либо [3, с. 1340–1341], видится здесь более уместным.

Формулируя дефиницию термина «поручение следователя», необходимо иметь в виду, что уголовно-процессуальный закон предоставляет следователю право поручать проведение следственных действий не только органу дознания, но и следователю (ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь). Данное обстоятельство в предлагавшихся ранее определениях не учитывалось.

Содержание поручений следователя в общей форме определено в ч. 7 ст. 36, ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь – проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, поручение можно определить как требование следователя о производстве следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий по находящемуся в его про-

изводстве уголовному делу, обращенное к другому следователю или органу дознания.

Среди комплекса проблем, касающихся поручений следователя, заслуживающими обсуждения представляются следующие вопросы: 1) о форме и содержании поручений; 2) о субъектах, которым они могут быть адресованы; 3) о сроках исполнения поручений.

1. Касаясь формы поручений следователя, сразу же следует подчеркнуть, что ч. 7 ст. 36, ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь предусматривает только одну – письменную. Однако дискуссия вокруг данного положения уголовно-процессуального закона имеет место и она не лишена некоторых оснований.

В юридической литературе советского периода вопрос о возможности использования устной формы поручений решался неоднозначно: прямо или косвенно постулировался тезис о ее допустимости [4, с. 178; 5, с. 50–51] либо указывалось, что поручение дается в письменной форме [6, с. 73]. Возникновение таких противоречий можно объяснить двумя причинами.

Во-первых, различиями в формулировках, использовавшихся в уголовно-процессуальном законодательстве республик Союза ССР. Например, в УПК Белорусской ССР содержалось требование о письменной форме поручений. В то же время в УПК Украинской ССР их форма не оговаривалась. Авторы научно-практического комментария к нему указывали, что поручения, как правило, даются в письменной форме, но могут быть и устными [4, с. 178].

Во-вторых, несоответствием в отдельных случаях потребностям практики правовой нормы о письменной форме поручений. В частности, это касалось деятельности следственно-оперативных групп. В 80-е годы Е. Невмержицкий указывал, что письменная форма поручений при расследовании сложных многоэпизодных уголовных дел, когда необходима группа следователей и оперативных работников, неприменима, так как следователь будет много времени расходовать на их подготовку. По его мнению, для объяснения участия оперативных работников в расследовании достаточно оформить такое участие в постановлении о возбуждении уголовного дела или принятии его к производству [7, с. 61].

Вопрос о форме поручений сотрудникам органа дознания, работающим в составе следственно-оперативной группы, актуален и для сегодняшней правоприменительной практики. В одной из статей Л. Н. Калинин отмечает, что оперативные работники в составе следственно-оперативной группы получают возможность реализовывать добытую ими информацию «путем производства следственных действий, согласованных в рабочем порядке со следователем» [8, с. 74]. Что же автор понимает под «согласованием в рабочем порядке»? В содержании

работы разъяснений на этот счет, к сожалению, нет. Если речь идет о возможности давать устные поручения непосредственно оперативным работникам, входящим в группу, что, исходя из контекста, весьма вероятно, то собранные в ходе проведенных ими следственных действий доказательства, как полученные с нарушением закона (ненадлежащим субъектом), в соответствии с ч. 5 ст. 105 УПК Республики Беларусь должны признаваться не имеющими юридической силы.

Но как бы там ни было, высказанное Л. Н. Калининичем суждение имеет под собой фактическую основу: оно отражает существующую практику. В ходе проведенного нами исследования 39,41 % следователей и оперативных работников из 269 опрошенных отметили, что поручения в составе следственно-оперативной группы даются устно непосредственному исполнителю. В действительности такие факты могут быть распространены значительно шире. Представляется весьма вероятным, что не все респонденты откровенно ответили на вопрос о допущении ими нарушений требований уголовно-процессуального закона.

Следует отметить, что данная проблема становилась предметом судебного исследования. По одному из рассматриваемых Верховным Судом Республики Беларусь уголовных дел было признано незаконным проведение сотрудниками органа дознания оперативно-розыскных мероприятий с обвиняемым без письменного поручения следователя [9].

В юридической литературе можно встретить прямые предложения закрепить право следователя давать устные поручения [10, с. 7]. Однако они представляются не совсем обоснованными.

Определенная законодателем письменная форма поручений, на наш взгляд, является оптимальной, в наибольшей степени отвечающей общей концепции осуществления расследования уголовного дела. Все решения о производстве следственных и других процессуальных действий принимает следователь, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции прокурора или письменного соглашения решения органа уголовного преследования о задержании лица (ч. 3 ст. 36 УПК Республики Беларусь). Проведение следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий иными субъектами осуществляется по решению следователя (таких следственных действий, как проведение экспертизы, прослушивание и запись переговоров – на основании постановления следователя, осуществление оперативно-розыскных мероприятий – поручения). Исключение может иметь место лишь в случае участия в расследовании прокурора или начальника следственного подразделения, которые в силу предоставленных им полномочий по своей инициативе могут принять участие в производстве предва-

рительного следствия по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя (п. 3 ч. 5 ст. 34, ч. 2 ст. 35 УПК Республики Беларусь).

Таким образом, лишь письменный документ (поручение в письменной форме), подтверждающий наличие соответствующего решения следователя, является свидетельством законности проведения субъектом, которому оно адресовано, следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя.

Ч. 7 ст. 36, ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь устанавливают, что содержанием поручения могут выступать два вида требований следователя: а) о производстве следственных действий; б) о производстве оперативно-розыскных мероприятий. Поскольку следователи не наделены правом осуществления оперативно-розыскной деятельности, последнее требование может быть обращено только к органу дознания.

Можно констатировать, что в теории уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности принята точка зрения о том, что в поручении органу дознания на проведение оперативно-розыскных мероприятий следователь ставит лишь их цель и не вправе определять пути ее достижения [5, с. 77; 11, с. 23; 12, с. 259–260; 13, с. 183; 6, с. 27–28]. С этим тезисом следует согласиться, поскольку осуществление оперативно-розыскной деятельности, а значит и выбор конкретных оперативно-розыскных мероприятий, времени, места и тактики их проведения, является прерогативой лишь уполномоченных на то законом органов. При этом следователь и оперативные работники не лишаются возможности согласовывать проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, обмениваться информацией, использовать иные формы взаимодействия.

Право следователя поручать органу дознания или другому следователю проведение следственных действий по сути своей означает возможность их привлечения к осуществлению расследования. На этой проблеме необходимо остановиться более подробно, поскольку здесь, на наш взгляд, есть некоторый потенциал для совершенствования законодательства.

Расследование уголовного дела подразумевает проведение не только следственных, но и выполнение иных процессуальных действий. Возникает вопрос: вправе ли следователь поручать органам дознания или другому следователю производство процессуальных действий, не являющихся следственными? Осуществление некоторых из них прямо возложено на орган дознания. В частности, это касается привода (ч. 5 ст. 130 УПК Республики Беларусь), исполнения постановления о задержании обвиняемого для предъявления обвинения (ст. 111 УПК Респуб-

лики Беларусь), постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста (ч. 6 ст. 119 УПК Республики Беларусь). В отношении же всех остальных процессуальных действий нормы уголовно-процессуального закона не позволяют дать положительного ответа на поставленный вопрос.

Предвосхищая критические замечания возможных оппонентов относительно актуальности поднятой проблемы, можно задать другим вопросом: а существует ли в принципе необходимость поручения органу дознания или другому следователю проведения процессуальных действий, не являющихся следственными? Представляется, что да. Например, в случае проживания пострадавшего от преступления лица в месте, удаленном от места расследования, может возникнуть необходимость выполнения целого ряда процессуальных действий как следственных (допросить в качестве потерпевшего), так и иных (объявить постановление о признании потерпевшим и разъяснить его права и обязанности, ознакомить с постановлением о назначении экспертизы, разъяснить право предъявить гражданский иск и т.д.).

Об актуальности вопроса для правоприменителя свидетельствуют и результаты опроса практических работников. Опрос показал, что фактически следователи поручают органу дознания проведение процессуальных действий, не являющихся следственными. В частности, это касается наложения ареста на имущество. С точки зрения тактической целесообразности, например, при производстве сотрудниками органа дознания обыска, это, безусловно, правильно. Если своевременно не наложить арест на имущество, заинтересованными лицами могут быть приняты меры к сокрытию имущества. Неслучайно рекомендации делать это наряду с производством обыска содержатся в криминалистической литературе [14, с. 413]. С процессуальной же точки зрения правомерность наложения ареста на имущество сотрудниками органа дознания по постановлению следователя представляется сомнительной.

Приведенные аргументы позволяют сформулировать предложение о дополнении ч. 7 ст. 36, ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь положением о том, что следователь по расследуемому им уголовному делу вправе поручать органу дознания и следователю проведение не только следственных, но и иных процессуальных действий.

2. Заслуживают внимания отдельные аспекты вопроса о субъектах, которым может быть адресовано поручение следователя.

Определяя в общей форме, что следователь имеет право давать органу дознания поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, уголовно-процессуальный закон умалчива-

ет о том, что не все органы дознания, перечисленные в ч. 1 ст. 37 УПК Республики Беларусь, наделены правом их осуществления. Сравнительный анализ норм УПК Республики Беларусь и Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» позволяет констатировать, что следователем поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий из всего перечня органов дознания могут быть даны лишь органам внутренних дел, государственной безопасности, пограничной службы, финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, таможенным органам.

Не совсем удачной представляется формулировка ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь о том, что адресатом поручения может быть следователь. При ее буквальном толковании получается, что поручение должно направляться на имя конкретного сотрудника. Но следователь, принимающий соответствующее решение, как правило, не имеет сведений о персональном составе следственного подразделения, расположенного в другой местности, не осведомлен о нагрузке и профессиональных качествах его сотрудников и других обстоятельствах, влияющих на выбор сотрудника – исполнителя поручения. Очевидно, что именно по этим причинам следственная практика идет путем направления поручений на имя начальника следственного подразделения. Представляется целесообразным внесение соответствующих изменений в ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь.

3. Вопрос о сроках исполнения поручений следователя в уголовно-процессуальном законе однозначно не решен. В отношении поручений, которые направляются следователем в другую местность, то есть местность, находящуюся за пределами его юрисдикции и места нахождения, установлен предельный срок исполнения – десять суток (ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь). В отношении же сроков исполнения поручений, которые следователь направляет органу дознания по месту производства предварительного следствия, никаких предписаний в законе нет.

По мнению А.А. Чувилева, «если в письменном поручении срок исполнения не указан, начальник органа дознания вправе установить его сам, исходя из содержания задания и значения результатов выполнения для следствия» [15, с. 137]. Этим замечанием автор указывает на право следователя устанавливать органу дознания срок исполнения поручения. С такими выводами можно соглашаться, ссылаясь на общие положения об ответственности следователя за результаты расследования преступления, или нет, обосновывая это отсутствием прямого указания на наличие такого права в уголовно-процессуальном законе. Но более перспективным видится обсуждение путей совершенствования рассматриваемой правовой нормы.

Кто же должен определять срок исполнения поручения следователя: сам следователь, начальник органа дознания или оптимальным является закрепление какого-то определенного срока в законе?

Очевидно, что в одних случаях поручение следователя о производстве следственных действий необходимо выполнять в определенный срок (например в случае проведения одновременного обыска в нескольких местах), в других – определить конкретный срок исполнения поручений невозможно (например, когда по делу необходимо провести большой объем оперативно-розыскных мероприятий). В связи с этим полагаем, что УПК Республики Беларусь целесообразно дополнить нормой о том, что следователь в поручении вправе установить срок его исполнения, а если этого не сделано, то поручение должно быть исполнено в десятидневный срок. Если же орган дознания или следователь, которым адресовано поручение, не смогут исполнить поручение в установленный срок, то они должны письменно сообщить об этом с указанием причины.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Поручение следователя – это письменное требование о производстве следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий по находящемуся в его производстве уголовному делу, обращенное к другому следователю или органу дознания.

2. Поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий может быть дано только органу дознания, причем исключительно тому, который в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности наделен правом ее осуществления: органам внутренних дел, государственной безопасности, пограничной службы, финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, таможенным органам.

В поручении органу дознания на проведение оперативно-розыскных мероприятий следователь ставит лишь их цель и не вправе определять пути ее достижения. Выбор конкретных оперативно-розыскных мероприятий, времени, места и тактики их проведения является прерогативой органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

3. Нормы УПК следует дополнить положениями о том, что:

а) следователь по расследуемому им уголовному делу вправе поручать органу дознания и следователю проведение не только следственных, но и иных процессуальных действий;

б) следователь в поручении вправе установить срок его исполнения, а если этого не сделано, то поручение должно быть исполнено в десятидневный срок. Если же орган дознания или

следователь, которым адресовано поручение, не смогут исполнить его в установленный срок, то они должны письменно сообщить об этом с указанием причины;

в) поручения о проведении следственных действий в порядке ч. 4 ст. 184 УПК Республики Беларусь направляются не следователю, а начальнику следственного подразделения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозеров, Ю.Н. Дознание в органах милиции и его проблемы / Ю.Н. Белозеров, А.А. Чувилев, В.Е. Чугунов. – М.: Юрид. лит., 1972. – 92 с.
2. Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. – М.: Юрид. лит., 1986. – 160 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР: науч.-практ. коммент. / В.Г. Белоусенко [и др.]; отв. ред. П.Г. Цупренко. – Киев: Политиздат Украины, 1984. – 176 с.
5. Взаимодействие следователей с оперативными работниками органов внутренних дел: метод. пособие / Л.М. Карнеева [и др.]. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1981. – 96 с.
6. Гапанович, Н.Н. Основы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений: учеб. пособие / Н.Н. Гапанович, И.И. Мартинович. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – 104 с.
7. Как процессуально оформить взаимодействие следователя и органа дознания? // Социалист. законность. – 1971. – № 12. – С. 60–63.
8. Калининвич, Л.Н. Детектив в уголовном процессе: взаимодействие правоохранительных органов при раскрытии и расследовании преступлений – организационная основа успеха / Л.Н. Калининвич // Право Беларуси. – 2002. – № 13. – С. 72–76.
9. Частное определение Верховного суда Республики Беларусь // Бюл. следств. ком. МВД Респ. Беларусь. – 2002. – № 18. – С. 28–31.
10. Ооржак, А.С. Взаимодействие следователей прокуратуры с работниками органов дознания при расследовании умышленных убийств: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.С. Ооржак; Саратов. юрид. ин-т им. Д.И. Курского. – Саратов, 1990. – 22 с.
11. Бекетов, М.Ю. Следователь внутренних дел и милиция: взаимодействие при расследовании преступлений / М.Ю. Бекетов. – М.: Изд-во «Щит-М»; МосУ МВД РФ, 2004. – 96 с.
12. Смирнов, М.П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учеб. пособие / М.П. Смирнов. – М.: Изд-во «Экзамен», 2002. – 544 с.
13. Есина, А.С. Уголовно-процессуальная деятельность органов внутренних дел в качестве органов дознания: учеб.-метод. пособие / А.С. Есина, Е.Н. Арестова. – М.: КНОРУС, 2009. – 224 с.
14. Криминалистика: учеб. пособие / И.Ф. Герасимов [и др.]; под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М.: Высш. шк., 1994. – 528 с.
15. Чувилев, А.А. Взаимодействие органов дознания со следователями // Дознание в органах внутренних дел: учеб. пособие / А.А. Чувилев [и др.]. – М.: МВШМ МВД СССР, 1986. – С. 137–146.

Дата поступления статьи в редакцию 28.02.2011

МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК КАК СУБЪЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ЧЕРЕДНИЧЕНКО О.В.,

доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин Частного института управления и предпринимательства, кандидат юридических наук

Уголовный кодекс Республики Беларусь выделяет виды преступлений, совершаемые специальным субъектом. Специфика уголовной ответственности медицинских работников связана с их особым субъектным статусом и определяется социальной сущностью профессиональной и служебной деятельности медицинских работников.

The Criminal code of the Republic of Belarus allocates the kinds of crimes committed by the special subject. Specificity of the criminal liability of medical workers is connected with their special subject status and defined by social essence of professional and office activity of medical workers.

Преступление в медицинской деятельности – это общественно опасное действие или бездействие медицинского работника, совершенное им умышленно или по неосторожности при выполнении своих профессиональных обязанностей, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

Преступления в сфере здравоохранения, совершаемые медицинскими работниками, в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) в качестве самостоятельной группы преступлений не выделяются, хотя подобные предложения в уголовно-правовой литературе неоднократно высказывались. Как известно, система Особенной части УК строится с учетом объекта преступления (родового, видового и непосредственного). Так называемые медицинские преступления не во всех случаях в качестве непосредственного объекта имеют жизнь и здоровье человека, поскольку медицинская деятельность сложна, многогранна, затрагивает различные стороны общественных отношений. Общий признак, объединяющий рассматриваемые преступления, – это нарушение профессиональных обязанностей, повлекшее или могущее повлечь общественно опасные последствия. Наличие такого признака позволяет исследовать указанные преступные деяния в их совокупности, в определенной системе с тем, чтобы выявить их характерные черты, особенности субъективной стороны, пробелы уголовно-правовой регламентации и предложить меры по совершенствованию соответствующих уголовно-правовых норм. Вместе с тем помещение всех преступлений в один раздел нецелесообразно.

Однако ряд авторов считает возможным классифицировать эти преступления по субъекту. С учетом данного критерия наиболее верными представляются две классификации. Согласно одной из них медицинские преступления можно разделить на:

1) преступления, совершаемые в подавляющем большинстве случаев медицинскими работниками (специальным субъектом), хотя такой субъект прямо в диспозиции уголовно-правовой нормы не называется;

2) преступления, совершаемые как медицинскими работниками, так и другими специальными субъектами в равной степени, при отсутствии явно выраженной тенденции к их совершению преимущественно медицинскими работниками;

3) преступления, совершаемые общими субъектами, которые в некоторых случаях могут быть совершены и медицинскими работниками. Этому критерию соответствует и вторая классификация, проводимая в зависимости от выполнения медицинским персоналом исключительно профессиональных функций или же должностных [1, с. 56].

Основной целью деятельности медицинских работников является спасение жизни пациента и улучшение состояния его здоровья. Очевидно, что преступность деяния, сопряженного с исполнением профессиональной обязанности, связана с причинением вреда жизни и здоровью пациента.

Представляется вполне оправданным говорить о существовании в УК системы «профессиональных» преступлений медицинских работ-

ников, под которыми надо понимать совершенные ими в нарушение профессиональных обязанностей умышленные или неосторожные общественно опасные деяния (действия или бездействия), причинившие вред здоровью или жизни человека, либо создавшие реальную угрозу причинения такого вреда.

Профессиональные обязанности медицинских работников неразрывно связаны с оказанием ими медицинской помощи. Следовательно, субъектом профессионального преступления может стать любой медицинский работник, оказывающий любой вид медицинской помощи из перечисленных в Законе «О здравоохранении».

Законодательством Республики Беларусь строго регламентирован круг лиц, которые могут заниматься медицинской деятельностью. Согласно ст.ст. 56–57 Закона «О здравоохранении» к ним относятся врачи и работники среднего медицинского персонала [2].

Врачи – лица, получившие высшее медицинское образование, имеющие диплом и специальное звание (либо имеющие нострифицированный в Республике Беларусь диплом о высшем медицинском образовании, выданный в иностранном государстве). Для занятия определенными видами медицинской деятельности врач должен иметь также сертификат специалиста и (или) лицензию. В настоящее время почти все виды врачебной деятельности внесены в перечень Министерства здравоохранения Республики Беларусь и требуют обязательного наличия сертификата.

Кроме того, разрешена деятельность врачей, осуществляющих частную медицинскую практику, то есть оказание медицинских услуг медицинскими работниками вне учреждений государственной системы здравоохранения за счет личных средств граждан или за счет средств предприятий, учреждений и организаций в соответствии с заключенными договорами.

Работники среднего медицинского персонала (медсестры, фельдшеры) – лица, получившие среднее медицинское образование в Республике Беларусь, имеющие соответствующий диплом и специальное звание (либо, как и врачи, имеющие соответствующий нострифицированный документ о среднем медицинском образовании, полученном за рубежом).

Лица, не имеющие законченного высшего медицинского образования, могут быть допущены к занятию медицинской или фармацевтической деятельностью в должностях работников со средним медицинским образованием, в частности, студенты высших медицинских учебных заведений допускаются к участию в оказании медицинской помощи в соответствии с программами обучения под контролем медицинского персонала, несущего ответственность за их профессиональную подготовку.

Естественно, что пределы профессиональной компетенции врачей и представителей среднего медицинского персонала различны и определены в ведомственных нормативных актах, а также в документах лечебных учреждений и организаций. Для нас принципиально важно то обстоятельство, что все медицинские работники оказывают медицинскую помощь профессионально, то есть она является основным видом их деятельности. Таким образом, в профессиональных преступлениях медицинский работник является специальным субъектом.

В соответствии с доктриной отечественного уголовного права, в случае, когда в статье Особенной части УК оговорены особые признаки субъекта, он является специальным. Говоря иными словами, специальным субъектом преступления выступает лицо, которое, кроме необходимых признаков общего субъекта (вменяемость и достижение определенного возраста), должно обладать еще особыми дополнительными признаками, ограничивающими возможность привлечения других лиц к уголовной ответственности за совершение конкретного преступления.

В нормах Особенной части УК употребляются термины «медицинский работник», «лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля» (ст.ст. 156, 161 УК). Медицинский работник как специальный субъект профессионального преступления обозначается в виде: лица, обязанного оказывать помощь больному в силу закона или специального правила (ст.ст. 163, 164 УК); лица, ненадлежащим образом исполняющего свои профессиональные обязанности (ст. 162 УК) [3].

Кроме того, в уголовном законе имеются нормы, предусматривающие те составы, в которых медицинский работник как специальный субъект не фигурирует, хотя из социально-юридической сущности этих преступлений именно он должен либо нести ответственность приоритетно по сравнению с другими субъектами (например, при принуждении лица к изъятию органов и (или) тканей для трансплантации), либо подлежит повышенной уголовной ответственности именно как лицо, совершающее профессиональное преступление (например, при убийстве или умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, совершенном с целью использования органов и тканей потерпевшего).

Однако буквальное понимание и толкование текста УК не дает на сегодняшний день основания считать медицинского работника специальным субъектом профессиональных преступлений. Он несет ответственность на общих основаниях.

Анализ действующей редакции УК позволяет утверждать, что медицинский работник как субъект профессионального преступления (то

есть врач или представитель среднего медицинского персонала) предусмотрен уголовным законодательством, когда:

1. Криминообразующим признаком является последствие – неосторожное причинение вреда жизни или здоровью человека, ставшее результатом профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи. Всего в УК содержится четыре таких нормы: квалифицированные виды причинения смерти по неосторожности (ч. 2 ст. 144), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 155), заражение ВИЧ-инфекцией (ч.ч. 2, 3 ст. 157), а также основной состав неоказания помощи больному (ч. 1 ст. 161). Кроме того, наступление по неосторожности последствия отягчает уголовную ответственность в двух случаях – при совершении медицинским работником квалифицированных видов незаконного производства аборта (ч. 3 ст. 156 УК) и неоказания помощи больному (ч. 2 ст. 161 УК).

2. Криминальным является само деяние, совершаемое медицинским работником, вне зависимости от наступивших последствий. Такая норма всего одна – это основной состав незаконного производства аборта (ч. 1 ст. 156 УК).

Представляется целесообразным рассмотреть основные характеристики «профессиональных» преступлений, совершаемых медицинскими работниками как специальными субъектами.

При причинении медицинским работником смерти по неосторожности (ч. 2 ст. 144 УК) обязательно установление причинной связи между деянием и последствием (смертью). При этом разрыв во времени между совершенным деянием и наступлением смерти потерпевшего сам по себе не имеет юридического значения. Наступление смерти констатируется медицинским работником. Способ причинения смерти может быть самым разнообразным.

Ответственности за данное преступление подлежит любой медицинский работник, не исполнивший должным (надлежащим) образом свои профессиональные обязанности. В литературе под надлежащим исполнением лицом своих профессиональных обязанностей традиционно понимается надлежащее исполнение специальными субъектами (медицинскими работниками) нормативных обязанностей по оказанию медицинской помощи. При этом основанием криминализации рассматриваемого деяния является результат в виде наступления смерти пациента, находящегося с деянием в прямой (непосредственной) причинной связи. Действительно, ненадлежащее исполнение медицинским работником профессиональных обязанностей, не повлекшее криминально значимого последствия, является основанием возникновения иной (как правило, гражданско-правовой или дисциплинарной) ответственности [4, с. 96].

Например, как причинение смерти по неосторожности суд расценил действия медицинской сестры, давшей больной в результате небрежного отношения к своим обязанностям вместо необходимого лекарства ядовитое вещество, повлекшее смерть потерпевшей.

Причинение смерти по неосторожности возможно как по легкомыслию, так и по небрежности (как показывает изученная исследователями судебная практика, небрежность встречается чаще), однако сам по себе вид неосторожной вины на квалификацию не влияет.

Необходимо отметить, что во многих случаях наступление уголовной ответственности за причинение пациенту смерти по неосторожности (равно как и причинение тяжкого вреда по неосторожности) неразрывно связано с совершением медицинским работником врачебной ошибки при оказании медицинской помощи.

Причинение медицинским работником по неосторожности тяжкого вреда здоровью (ст. 155 УК) имеет место, если вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей потерпевшему причинен любой из следующих видов вреда здоровью:

а) тяжкий вред, связанный с нарушением анатомической целостности организма под воздействием внешних факторов, являющийся опасным для жизни в момент причинения. Такой вред создает угрозу жизни непосредственно в момент причинения, при неоказании помощи может влечь смерть потерпевшего (например, пневмоторакс, повреждение костей черепа, позвоночника, нарушение целостности брюшной полости и пр.). Необходимо отметить, что такой вред может быть также причиной указанных в диспозиции ч. 1 ст. 147 УК последствий, но наступление этих последствий юридически необязательно, так как главным основанием для вменения именно этой разновидности вреда является установление опасности последнего для жизни и здоровья в момент причинения;

б) вред, связанный с нарушением анатомической целостности организма или его физиологического функционирования под влиянием внешних факторов, являющийся тяжким по последствиям. К таким видам тяжкого вреда здоровью относятся утрата органа, зрения, слуха, органом его функций, травматическая ампутация конечности, прерывание беременности независимо от ее срока, утрата общей трудоспособности (более чем на одну треть либо утрата профессиональной трудоспособности), неизгладимое обезображивание лица (последний признак имеет место, если дефект лица неустраним без хирургического вмешательства при этом обязательно согласие потерпевшего на вменение этого признака);

в) тяжкий по последствиям вред, не связанный с нарушением анатомической целостности

организма, – заболевание наркоманией, токсикоманией, душевной болезнью, вызванные действиями виновного [5, с. 556]. Как и в случае неосторожного причинения смерти, уголовной ответственности за данное преступление подлежит любой медицинский работник, не исполнивший должным (надлежащим) образом свои профессиональные обязанности. При совершении этого преступления допустимо как легкомысленное, так и небрежное отношение виновного к последствиям.

Преступность неоказания помощи больному (ч. 1 ст. 161 УК) корреспондирует к нормам международного и отечественного законодательства, согласно которым медицинский работник в любой ситуации обязан оказать нуждающемуся посильную квалифицированную помощь исходя из требований обстановки.

Деяние представляет собой бездействие – невыполнение возложенной на врача и иного медицинского работника обязанности оказывать нуждающемуся медицинскую помощь. В доктрине права считается, что бездействие имеет уголовно-правовое значение только в том случае, если является антиподом конкретного общественно полезного действия и когда имеется определенный адресат, обязанный его совершить. Именно сочетание этих двух факторов – необходимость конкретного действия и наличие для лица обязанности совершить эти действия – является основанием уголовной ответственности за бездействие. Данное общетеоретическое положение полностью применимо при определении юридической природы бездействия при неоказании помощи больному.

Уголовная ответственность за неоказание помощи больному имеет место при наступлении последствия – неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью потерпевшего (ч. 1 ст. 161 УК). Отметим, что несмотря на декриминализацию неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью, именно этот признак остался конструктивным в основном составе неоказания помощи больному.

Квалифицированный вид неоказания помощи больному образует неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти лицу, которому не оказана помощь (ч. 2 ст. 161 УК).

Представляется бесспорным то обстоятельство, что прямое отношение к медицинской деятельности имеют трансплантология и донорство. Соответственно преступные нарушения в этой сфере, совершенные медицинскими работниками, должны расцениваться в качестве «профессионального» преступления.

Несмотря на законодательный запрет, исходя из принципа гуманизма и человеческого чувства, в ряде зарубежных стран умышленное причинение смерти неизлечимо больному пациенту, совершенное медицинским работни-

ком по его предварительной просьбе, законодательно закреплено в виде привилегированного состава убийства.

Дифференциация уголовной ответственности медицинских работников должна также иметь следствием закрепление в составах убийства и умышленного причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью такого квалифицирующего признака, как совершение указанных преступлений при оказании медицинской помощи (за исключением совершения убийства по мотиву сострадания).

Причины такого ужесточения уголовной ответственности медицинских работников очевидны. Если медицинский работник, выполняя ненадлежащим образом свои профессиональные обязанности, причиняет по неосторожности вред жизни или здоровью пациента, то данное обстоятельство является отягчающим уголовную ответственность в соответствующих составах.

Если медицинский работник вопреки своим профессиональным обязанностям умышленно причиняет смерть или вред здоровью пациента, то для уголовно-правовой оценки этот факт остается безразличным. Можно возразить: в ст.ст. 139, 147 УК имеется квалифицирующее обстоятельство совершения этих преступлений с целью использования органов и тканей потерпевшего. Однако, далеко не всегда убийства и прочие преступления, совершаемые медицинскими работниками, осуществляются именно с этой целью. Сам факт совершения убийства, умышленного причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью пациента специальным субъектом – медицинским работником, призванным спасать жизнь и здоровье, должен отягчать его уголовную ответственность в формально-юридическом плане.

Деятельность, проводимая медицинскими учреждениями, нуждается в своей организации, управлении и контроле. Лица, осуществляющие перечисленные функции, даже будучи медицинскими работниками, заняты не профессиональными обязанностями по оказанию медицинской помощи, а служебной деятельностью по управлению, организации и контролю за оказанием медицинской помощи. Следовательно, такие лица могут совершить преступления, связанные с осуществлением своих полномочий, то есть служебные преступления.

Вопрос о понимании служебного преступления и субъекта его совершения является дискуссионным в отечественной науке уголовного права. Однозначно отмечается расширение круга субъектов преступлений против интересов службы. Субъектом этих преступлений по УК БССР 1960 года признавались только должностные лица. По УК Республики Беларусь 1999 года – должностные лица; государственные

служащие, не относящиеся к числу должностных лиц; лица, выполняющие управленческие функции в организациях, учреждениях [6, с. 256].

В последнее время преобладающей стала позиция о том, что видом служебной деятельности определяется круг субъектов служебных преступлений.

Медицинские работники как должностные лица государственной системы медицинских учреждений в качестве субъектов должностных преступлений могут совершить посягательства на порядок осуществления власти и управления, а также на интересы службы. Следовательно, их деяния изначально направлены на причинение вреда принципиально иному объекту уголовно-правовой охраны (по сравнению с «профессиональными» преступлениями), а именно интересам службы.

Согласно ст. 4 УК должностное лицо – это лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных учреждениях и организациях, а также в Вооруженных Силах Республики Беларусь.

Медицинский работник может быть должностным лицом государственного медицинского учреждения постоянно, временно или по специальному полномочию. В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» особо отмечено, что выполнение перечисленных функций по специальному полномочию означает, что лицо исполняет определенные функции, возложенные на него законом, нормативным актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом. Такие функции могут осуществляться в течение определенного времени или одноразово, а также совмещаться с основной работой [7].

Одно и то же лицо может признаваться должностным вне зависимости от того, обладает оно одним из указанных в законе полномочий или несколькими – в любом случае должностное преступление оно может совершить, используя права или фактические возможности, которыми обладает в связи с занимаемой должностью.

При рассмотрении данных категорий дел следует тщательно анализировать характер выполняемых лицом постоянно, временно или по специальному полномочию обязанностей, вытекающих из его служебных полномочий или должности, на которую он назначен правомочными на то органами или должностными лицами.

Работники предприятий, учреждений, организаций, которые наряду с выполнением своих профессиональных функций по специальному полномочию выполняют обязанности должностного лица, также могут являться субъектами преступления, предусмотренного ст. 430 УК.

К юридически значимым действиям следует относить принятие решений, входящих в компетенцию лица, в результате которых наступают или могут наступить юридически значимые последствия: возникновение, изменение или прекращение правоотношений, а также получение взяткополучателем или представляемыми им лицами выгоды имущественного или иного характера.

Полагаем, что медицинский работник вне зависимости от служебного положения, исполняющий исключительно профессиональные обязанности по оказанию медицинской помощи, не может быть признан должностным лицом. Правонарушения, совершенные таким медицинским работником, не могут признаваться должностными преступлениями. Сугубо профессиональная деятельность медицинского работника разбивается в рамках связи «медработник–пациент», наличие «третьего звена» здесь исключено [8, с. 37]. Следовательно, медработник, даже будучи должностным лицом, не может своими исключительно профессиональными действиями по оказанию медицинской помощи причинить вред соответствующему объекту уголовно-правовой охраны, то есть интересам государственной службы.

Подводя итог рассматриваемой проблемы, можно сделать следующие выводы:

1. Специфика уголовной ответственности медицинских работников связана с их особым субъектным статусом и определяется социальной сущностью профессиональной и служебной деятельности медицинских работников. Последняя состоит в непосредственном оказании медицинской помощи либо в организации медицинской помощи, управлении ею и осуществлении контроля за ее оказанием.

2. Медицинский работник как субъект профессионального преступления предусмотрен уголовным законодательством в случаях, когда: а) криминообразующим признаком является неосторожное причинение вреда жизни или здоровью человека, ставшее результатом профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи; б) криминальным является само деяние, совершаемое медицинским работником.

3. Дифференциация уголовной ответственности медицинских работников может иметь следствием закрепление в составах убийства и умышленного причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью такого квалифицирующего

щего признака, как совершение указанных преступлений при оказании медицинской помощи.

4. Медицинский работник вне зависимости от служебного положения, исполняющий исключительно профессиональные обязанности по ока-

занию медицинской помощи, не может быть признан должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в государственном или коммерческом учреждении здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ткаченко, В.И. Квалификация преступлений против жизни и здоровья по уголовному праву / В.И. Ткаченко. – М.: Юрид. лит., 2007. – 398 с.
2. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.06.2008 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 159. – 2/1460.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 10 марта 2010 г. – Минск: Амалфея, 2010. – 250 с.
4. Тихомиров, А.В. Медицинское право / А.В. Тихомиров. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 486 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск: Тесей, 2003. – 1200 с.
6. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / под ред. Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. – Минск: Новое знание, 2002. – 912 с.
7. О судебной практике по делам о взяточничестве: постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
8. Глушков, В.А. Проблемы уголовной ответственности за общественно опасные деяния в сфере медицинского обслуживания / В.А. Глушков. – Киев: Украина, 2000. – 42 с.

Дата поступления статьи в редакцию 09.03.2011

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ВРЕМЕННЫМ ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ (ЗАБОЛЕВАНИЕМ) ОБВИНЯЕМОГО В РАМКАХ ПОЛОЖЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ БОЛЕЗНЕЙ 10-го ПЕРЕСМОТРА

МАДЖАРОВ Р.В.,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

КРИНЧИК Н.И.,

государственный медицинский судебный эксперт-психиатр высшей категории, заведующий отделом амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз по г. Минску и Минской области

Настоящая статья посвящена анализу соотносимости содержания п. 4 ч. 1 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), позволяющего приостановить расследование в связи с временным психическим расстройством (заболеванием) обвиняемого, и предписаний медицинских нормативных документов, регулирующих деятельность врачей и экспертов-психиатров. В ней отражается точка зрения авторов о несоответствии указанной уголовно-процессуальной нормы положениям действующей как в нашей стране, так и в других государствах Международной классификации болезней 10-го пересмотра и вносится предложение по устранению данного недостатка.

This article analyzes the mutual correspondence of the content of Sec. 4, P.1, Art. 246 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus, which allows suspending the investigation in connection with the temporal mental disorder (disease) of the accused, and medical requirements of normative documents regulating the activity of physicians and psychiatric experts. It reflects the views of the authors that this particular rule of the Code of Criminal Procedure does not correspond to the provisions of the International Classification of Diseases of 10th revision, current in our country and abroad. A way to eliminate this deficiency is proposed.

П. 4 ч. 1 ст. 246 УПК предоставляет следователю (дознавателю) право приостановить расследование в случаях временного психического заболевания обвиняемого или возникновения у него иного заболевания, которые препятствуют его участию в производстве процессуальных действий. При этом наличие данных оснований должно быть удостоверено врачом, работающим в государственной организации здравоохранения. В соответствии с этим правовым предписанием органами расследования ежегодно приостанавливается 0,1–0,2 % от общего числа окончанных производством дел. В количественном исчислении этот показатель составляет в сред-

нем около 300 уголовных дел. При этом примерно 10 % из них, как показывает изучение практики, составляют дела, расследование которых приостановлено в связи с наличием у обвиняемого расстройства душевной деятельности. В соответствии с изменениями, внесенными Законом Республики Беларусь от 27 декабря 2010 года № 223-З, данная категория заболеваний обозначена термином «временные психические расстройства (заболевания)».

Несмотря на небольшой удельный вес дел, производство по которым приостановлено в связи с возникновением этого основания, возможность его применения используется и требует

соответствующего анализа. Вопрос о содержании и применении данного основания является достаточно дискуссионным. В той или иной степени его затрагивали в своих работах В.Быков и В.Ломовский [1], К.Гранкин и Е.Черкасова [2], С.Долина и Л.Захожий [3], М.Клюкова и В.Малков [4], А.Хомовский [5], А.Шагинян [6], В.Шимановский [7], С.Шишков [8], С.Щерба [9] и др. Наиболее часто обсуждаемой является проблема разграничения психических расстройств, требующих приостановления расследования и его окончания путем передачи уголовного дела прокурору для направления в суд для выяснения вопроса о применении принудительных мер безопасности и лечения. С целью ее разрешения рассматривались влияние психического заболевания на поведение лица, совершившего общественно опасное деяние, критерий временности психических заболеваний, а также общественная опасность обвиняемого и условия его лечения. Однако до настоящего времени единого подхода у ученых и правоприменителей к разрешению данной проблемы не выработано.

Теоретическое обоснование разграничения процессуальных решений об окончании и приостановлении производства по делу в связи с психическим заболеванием обвиняемого действительно является достаточно сложной проблемой, значение которой нивелируется лишь сравнительно небольшим количеством дел, по которым она возникает. Но данное обстоятельство как раз и указывает на необходимость ее разрешения в настоящее время.

Психическое расстройство (в широком смысле) – состояние психики, отличное от нормального/здорового. Представления о том, что является психическим расстройством, меняются с развитием науки. Например, социофобия еще несколько десятилетий назад не рассматривалась как психическое расстройство, а люди, страдавшие этим недугом, считались просто особо застенчивыми. И наоборот, гомосексуализм в то время считался психическим расстройством, требующим лечения, а согласно современной Международной классификации болезней 10-го пересмотра (далее – МКБ-10) сама по себе сексуальная ориентация как расстройство рассматриваться не может: только психологические проблемы, которые возникают в связи с ней, классифицируются как болезни (раздел F66 МКБ-10) [10].

В психиатрии и клинической психологии отталкиваются от МКБ-10 и под термином «психическое расстройство» понимают перечисленную в ней клинически определенную группу симптомов или поведенческих признаков, обычно причиняющих страдание и препятствующих функционированию личности. И в юриспруденции психическое расстройство рассматривается именно как причина нарушения поведения лица,

влекущая его невменяемость или уменьшенную вменяемость (ст.ст. 28, 29 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Исходя из указанных последствий отдельные авторы (Л.Захожий, С.Долина) высказали мнение, что производство по делу может приостанавливаться лишь в том случае, если психическое заболевание обвиняемого (будучи временным) не сопряжено с утратой им способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими [3, с. 49, 50]. Такая же точка зрения отстаивается в некоторых учебниках по уголовному процессу [11, с. 268].

Следует признать, что данная позиция не соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, на что в свое время уже указывали А.С.Шагинян [6, с. 97], М.Е.Клюкова и В.П.Малков [4, с. 65]. В частности, ошибочность точки зрения Л.Захожего и С.Долиной вытекает из следующего: особое производство предусмотрено УПК лишь для случаев наличия у лица, совершившего общественно-опасное деяние, заболевания, лишаящего его возможности сознавать значение своих действий или руководить ими (ст. 442 УК). Поэтому при наличии у указанного лица иных психических расстройств расследование по делу должно продолжаться в общем порядке в соответствии с предписаниями статей, закрепленных в ч. I и II УПК Беларуси. Из всех норм названных частей УПК такую ситуацию предусматривает п. 4 ст. 45, который обязывает следователя (дознателя) при наличии у обвиняемого психических (или физических) недостатков предоставить ему защитника.

В данном случае в соответствии с постановлениями пленумов Верховного суда СССР от 16 июня 1978 г. и Верховного суда Республики Беларусь от 24 сентября 2009 г. № 7 под термином «психические недостатки» понимаются именно те расстройства психики, которые «свидетельствуют о неспособности лица в полной мере понимать характер и значение своего процессуального положения, правильно воспринимать, оценивать и использовать в свою защиту обстоятельства, опровергающие выдвинутое подозрение, обвинение или смягчающие ответственность, а также осуществлять свои процессуальные права и обязанности», но не исключают его вменяемости.

Других предписаний, прямо регулирующих рассматриваемую ситуацию, в УПК не содержится. Из этого можно сделать вывод, что законодатель считает институт обязательного участия защитника в деле механизмом, достаточным для компенсации привлекаемому к ответственности лицу невозможности в полной мере защищать свои права. В этой связи вопрос о приостановлении расследования по первому из оснований, закрепленных в п. 4 ч. 1 ст. 246 УПК,

может ставиться только при наличии у обвиняемого на момент производства по делу психического расстройства (заболевания), которое лишает его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими и которым это лицо заболело после совершения преступления.

Указанное состояние психики определяется в ст. 28 УК термином «невменяемость». Оно может наступить вследствие хронического психического расстройства (заболевания), временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики, то есть в результате четырех различных видов психических расстройств личности. Однако в остальных статьях УК (ст.ст. 29, 100–104 и др.) речь уже идет просто о психическом расстройстве без выделения тех или иных его разновидностей. УПК также оперирует несколькими категориями душевных заболеваний: временное психическое расстройство (ст.ст. 246, 280, 302, 447) и психическое расстройство (ст.ст. 353, 442–447 и др.), при этом в ст. 447 они противопоставляются друг другу. Так, п. 4 названной статьи предусматривает, что в процессе судебного разбирательства суд должен выяснить, не является ли психическое расстройство, которым заболело лицо после совершения преступления, «временным расстройством душевной деятельности, требующим лишь приостановления производства по уголовному делу». Но вместе с тем ни УК, ни УПК не содержат сведений о том, какие психические расстройства являются временными, а какие относятся к хроническим или иным болезненным состояниям психики. Это объясняется тем, что названные категории являются предметом исследования медицины, в частности психиатрии.

В учебниках и учебных пособиях по судебной психиатрии в качестве временных психических расстройств выделяются имеющие различную продолжительность психопатологические состояния, которые заканчиваются выздоровлением. Данная категория объединяет разнообразные группы психических расстройств, к которым относятся кратковременно протекающие исключительные состояния (патологическое опьянение, патологический аффект, патологическое просоночное состояние, сумеречные расстройства сознания), а также реактивные состояния, состояния декомпенсации при психопатиях, делирий (белая горячка) и т.п. Эти расстройства имеют различную протяженность по времени – от нескольких минут, часов и до нескольких месяцев. Однако не срок нахождения психики лица в болезненном состоянии послужил причиной их объединения в данной категории, а предполагающаяся полная обратимость указанных расстройств [12, с. 285–286]. Таким же образом определяют критерий временности и юристы, в частности В.Быков и В.Ломовский [1, с. 16], С. Долина и Л.Захожий [3, с. 49] и др.

Вместе с тем, как указывает руководитель отдела Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии Российской Федерации профессор В.П.Котов, клиника психических заболеваний такова, что заранее трудно, а порой и просто невозможно сказать, когда наступит выздоровление пациента и наступит ли вообще: «Возможны и такие случаи, когда психическое расстройство, первоначально расцененное как временное, приобретает хронический характер и, наоборот, первоначально расцененное как хроническое – заканчивается выздоровлением» [2, с. 144]. Видимо, в связи с этим действующая МКБ-10 не выделяет каких-либо временных заболеваний. Более того, приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 19 августа 2005 г. № 466 «Об утверждении протоколов диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств в системе Министерства здравоохранения Республики Беларусь» практически не оперирует понятием «выздоровление». Оно применяется лишь к различного рода адаптационным расстройствам (раздел F 43.2 МКБ-10). Во всех остальных случаях речь идет о «купировании», «редуцировании» или «нивелировании» симптоматических проявлений, «компенсации патологических состояний», «ремиссии», то есть о полном выздоровлении лица речь не идет.

Изложенное указывает на отсутствие объективной возможности выделения категории временных психических расстройств, которая бы объединяла конкретную устойчивую группу заболеваний психики. Данная позиция косвенно подтверждается и самим законодателем, который с 27 декабря 2010 г. в нормах УПК перешел от использования термина «психическое заболевание» к словосочетанию «психическое расстройство». Принципиальное различие в данных понятиях, как отмечает Б.В.Шостакович, кроется в том, что психическое расстройство не имеет традиционного для понятия «заболевание» течения (начало, разгар и исход заболевания), а включает наряду с соматическим расстройством различные реакции, декомпенсации, аномалии (уродства) личности и т.д. При этом далеко не всегда речь идет о выраженных нарушениях психики, приводящих к глубоким необратимым изменениям [13, с. 14–15].

Приведенные обстоятельства указывают на то, что диагноз «временное психическое расстройство» если и может ставиться, то только постфактум, то есть после прохождения лицом курса лечения, а не в его процессе и, тем более, не на этапе постановки первоначального диагноза. Таким образом, требование законодателя о приостановлении расследования только в случае установления наличия у лица временного психического расстройства в настоящее время в полной мере объективно не подкреплено норма-

тивной базой в области медицины. Это обстоятельство ориентирует на необходимость отказа от признака временности психического расстройства как основания применения п. 4 ч. 1 ст. 246 УПК и поиск иных условий (критериев), при наличии которых возможно приостановление расследования в связи с психическим заболеванием обвиняемого.

Подтверждает этот вывод и периодически высказываемая позиция высших органов государственной власти: Президиума Верховного совета СССР, Верховных судов СССР и Республики Беларусь. Она заключается в том, что в ходе судебного разбирательства принудительные меры медицинского характера могут быть применены не только к лицу, страдающему хроническим душевным заболеванием, но и к субъекту с временным расстройством психики. Данное положение закреплено в постановлении пленума Верховного суда СССР от 16 марта 1971 г. по уголовному делу в отношении А.С.Гереева, обвинявшегося в совершении умышленного убийства [14, с. 13–17], постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 13 июня 1985 г. «О применении статьи 11 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» и статье судьи Верховного Суда Республики Беларусь В.Чемрукова, опубликованной в № 3 «Судовага Весніка» за 2009 год [15, с. 30]. Учитывая, что лицо, совершившее преступление и впоследствии заболевшее душевной болезнью, может в соответствии со ст. 451 УПК после выздоровления быть осужденным и понести наказание, указанную позицию целесообразно признать обоснованной.

Решение о применении принудительных мер безопасности и лечения принимается на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы, которая делает вывод о наличии у лица расстройства психики и влиянии заболевания на его поведение. При установлении экспертной комиссией факта уголовно-процессуальной недееспособности лица [16, с. 128] в силу психического расстройства следователю (дознавателю) необходимо рассматривать вопрос о дальнейшем осуществлении расследования в порядке особого производства. Данное обстоятельство ориентирует на то, что приостановление расследования по такому основанию возможно только до получения заключения экспертной комиссии. На момент объявления перерыва в производстве по делу следователь должен располагать медицинскими документами, устанавливающими наличие у лица психического расстройства, препятствующего его участию, одновременно психиатрическая экспертиза еще не должна быть проведена.

Подобная ситуация складывается, когда следователь получает сведения о том, что обвиняемый состоит на учете у психиатра или находится

на излечении в психоневрологическом медицинском учреждении. Данная информация действительно порождает сомнения в возможности и целесообразности проведения допроса и других процессуальных действий с таким лицом. Эти сомнения могут быть разрешены только путем проведения экспертизы. Ее назначению состояние обвиняемого не препятствует. Таким образом, до назначения судебно-психиатрической экспертизы и предоставления экспертной комиссии необходимых материалов производство по делу приостанавливаться не может. Но не может оно приостанавливаться и в процессе ее проведения, так как экспертиза есть не что иное, как следственное действие [17, с. 72; 18, с. 337–338 и др.], которое после приостановления проводиться не может. Таким образом, принятие данного решения возможно лишь тогда, когда экспертной комиссии предоставлены все материалы, однако экспертиза в связи с заболеванием обвиняемого не проводится. Возможна ли такая ситуация? Рассмотрим нормативные правовые документы, регулирующие порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы.

Согласно Инструкции о порядке госпитализации из судебно-психиатрических экспертных стационаров лиц, в отношении которых назначена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза [19] (далее – Инструкция), в случае, если психическое расстройство подэкспертного, находящегося в психиатрическом стационаре, вызывает наступление последствий, предусмотренных ст. 30 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», то руководитель экспертного стационара (дежурный эксперт) принимает решение о принудительной госпитализации и лечении исследуемого (гл. 3 п. 11). Одновременно проведение экспертизы приостанавливается. Оно возобновляется только после окончания курса лечения подэкспертного. Именно такая ситуация имела место, например, в ходе расследования уголовного дела в отношении Р. по ч. 1 ст. 339 УК (Ленинский район г. Минска). На время госпитализации Р. производство по делу было приостановлено на основании п. 4 ч. 1 ст. 246 УПК, что, на наш взгляд, является правильным [20].

Необходимость госпитализации обвиняемого изредка возникает и при проведении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы. Так, данный вопрос ставился в 2008 году в рамках уголовного дела по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ст. 186 УК (Речицкий РОВД Гомельской области) [21]. Несколько подобных случаев (последний в 2009 году) имели место и в практике заведующего отделом амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз по г. Минску и Минской области. Однако в отличие от вышеуказанной Ин-

струкции «Правила производства амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз в Республике Беларусь», утвержденные приказом Государственной службы медицинских судебных экспертиз от 31 июля 2002 г. № 56с (далее – Правила), не регламентируют действия экспертов-психиатров амбулаторных отделений при возникновении оснований для госпитализации подэкспертного. Подпункты 2.11 и 2.13 данных Правил лишь допускают приостановление проведения экспертизы до предоставления дополнительных материалов, что и используется экспертами для отсрочки проведения исследования. Вопрос с госпитализацией подэкспертного при наличии для этого оснований решается в частном порядке.

Изложенное указывает на необходимость сохранения в УПК нормы, позволяющей объявить перерыв в производстве по делу в связи с психическим расстройством обвиняемого. Однако использование такой возможности представляется

разумным ограничить случаями госпитализации обвиняемого по решению экспертов-психиатров в рамках действия Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Предлагается изложить рассматриваемое основание приостановления расследования в следующей редакции: «когда проведение психиатрической экспертизы обвиняемого приостановлено в связи с его госпитализацией для оказания психиатрической помощи».

Для обеспечения возможности госпитализации обвиняемого, направленного на прохождение амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, видится необходимым издание Министерством здравоохранения совместно с Государственной службой медицинских судебных экспертиз и другими заинтересованными ведомствами нормативного правового акта, аналогичного Инструкции, регулирующей деятельность экспертных (психиатрических) стационаров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков, В.М. Приостановление производства по уголовному делу / В.М. Быков, В.Д. Ломовский. – М.: Юрид. лит., 1978. – 112 с.
2. Гранкин, К.Б. Изменение правового регулирования приостановления и возобновления предварительного следствия / К.Б. Гранкин, Е.К. Черкасова // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: материалы науч.-практ. конф. Ч. 1. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2002. – С. 140–147.
3. Долина, С. Приостановление расследования при психическом или ином тяжком заболевании обвиняемого / С. Долина, Л. Захожий // Социалист. законность. – 1980. – № 11. – С. 49–50.
4. Клюкова, М.Е. Приостановление предварительного следствия в связи с психическим или иным тяжким заболеванием обвиняемого / М.Е. Клюкова, В.П. Малков // Правоведение. – 1991. – № 1. – С. 64–68.
5. Хомовский, А. Приостановление производства по делу при временном расстройстве душевной деятельности обвиняемого / А. Хомовский // Социалист. законность. – 1970. – № 6. – С. 39–41.
6. Шагинян, А.С. Приостановление предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.С. Шагинян. – Томск, 2001. – 204 с.
7. Шимановский, В. Решения по делу на предварительном следствии при временном душевном заболевании обвиняемого / В. Шимановский // Социалист. законность. – 1976. – № 2. – С. 55–56.
8. Шишков, С.Н. Правовое значение психических расстройств при производстве по уголовным делам / С.А. Шишков // Советск. гос-во и право. – 1988. – № 12. – С. 56–61.
9. Щерба, С.П. Расследование и судебное разбирательство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками / С.П. Щерба. – М.: Юрид. лит., 1975. – 144 с.
10. Википедия: свод. энцикл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 24.01.2011 г.
11. Советский уголовный процесс: учеб. / Ю.Н. Белозеров [и др.]; под ред. Б.А. Викторова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., – 1979. – 432 с.
12. Судебная психиатрия: учеб. пособие / Т.Б. Дмитриева [и др.]. – М.: ООО «Мед. информац. агентство», 2008. – 752 с.
13. Судебная психиатрия: учеб. для юрид. вузов / В.В. Горинов [и др.]; под ред. Б.В. Шостаковича. – М.: Зерцало, 1997. – 383 с.
14. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1971. – № 3. – С. 13–17.
15. Чемруков, В. О применении мер безопасности и лечения к лицам, совершившим преступления / В. Чемруков // Судовы Весн. – 2009. – № 3. – С. 29–30.

16. Татьяна, Л.Г. Уголовно-процессуальная дееспособность в структуре личности участника уголовного судопроизводства / Л.Г. Татьяна // Вестн. Удмурт. ун-та. – 2005. – № 6-2. – С. 124–130.
17. Бориго, С.В. Обеспечение законности при производстве дознания: учеб. пособие / С.В. Бориго, Б.И. Дергай, Н.П. Митрохин. – Минск: МВШ МВД СССР, 1990. – 91 с.
18. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович; Акад. наук СССР, Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 703 с.
19. Инструкция о порядке госпитализации из судебно-психиатрических экспертных стационаров лиц, в отношении которых назначена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза: постановление М-ва здравоохранения, М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, Комитета гос. безопасности Респ. Беларусь и Гос. службы мед. судеб. экспертиз «Об утверждении нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность судебно-психиатрических экспертных стационаров», 27 янв. 2006 г., № 2/9/3/1: в ред. постановления М-ва здравоохранения, М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, Комитета гос. безопасности Респ. Беларусь и Гос. службы мед. судеб. экспертиз от 19.11.2007 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 38. – 8/13988.
20. Архив суда Ленинского района г. Минска за 2008 г. – Уголовное дело № 1-435/08.
21. Архив суда Речицкого района за 2008 г. – Уголовное дело № 08044210850.

Дата поступления статьи в редакцию 14.03.2011

УДК 343.5

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

БОРОВИК П.Л.,

старший преподаватель кафедры правовой информатики Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

ЛЕПЁХИН А.Н.,

начальник кафедры правовой информатики Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук

В статье дается оценка общественной опасности детской порнографии в сети Интернет. На основе проведенного анализа уголовно-правового законодательства и международных мер противодействия детской порнографии в сети Интернет делается вывод о том, что данные противоправные деяния превращаются в одну из наиболее серьезных угроз современного общества и требуют незамедлительного принятия правовых мер противодействия, направленных на защиту несовершеннолетних.

The article provides an estimate of the social danger of child pornography in Internet. On the basis of analysis of the criminal legislation and international measures of combating child pornography in Internet a conclusion is given that these illegal acts are turning into one of the most serious threats of the modern society that require immediate adoption of legal measures of combating it directed at the protection of juveniles.

Развитие информационной сферы современного общества предопределяет и развитие средств коммуникации в нем. В этой связи весьма динамичными являются процессы, происходящие в глобальной всемирной сети Интернет, которая в настоящее время представляет собой одно из наиболее развивающихся и эффективных средств телекоммуникации современной цивилизации. Единое мировое информационное пространство, в котором постоянно циркулирует самая различная информация, перестало быть чем-то теоретическим, превратилось во вполне ощутимую реальность, открыло человеку безграничные возможности в области передачи, распространения и рассылки информации, несмотря на расстояния и границы. Вместе с тем технологические возможности сети умело используют и представители криминального сообщества для совершения на качественно новом уровне как уже известных в мире противоправных деяний, так и реализации новых противоправных деяний. Среди них значительное место занимает распространение в сети Интернет порнографических изображений, в том числе и несовершеннолетних.

По различным оценкам в настоящее время в сети Интернет работают до 200 тыс. сайтов, в той

или иной степени имеющих отношение к детской порнографии. Причем до 60 % продукции такого рода размещено на русскоязычных сайтах или связанных с гражданами постсоветского пространства. Следует отметить, что свободный доступ к информации порнографического содержания может получить практически любой пользователь сети независимо от возраста и гражданства [1, с. 78]. Заинтересованным пользователям на выбор предлагаются фотографии и видеоролики со сценами сексуального насилия как над реальными детьми, так и над несуществующими, «виртуальными» детьми, созданными с помощью средств компьютерной графики и анимации.

Исследователи, обращавшиеся к данной проблематике, единодушны в оценке общественной опасности вышеуказанного вида деяний. Так, по мнению С.В.Молчанова, «систематическая, информационно насыщенная и объемная публикация вообще всех материалов сексуального содержания, направленная на подростков, угрожает гармоничному формированию личности, ее высших социальных потребностей, что чревато гипертрофированным развитием одних сфер индивидуального сознания за счет других» [2, с. 46]. О.А.Булгакова считает, что в настоя-

щее время распространение порнографических материалов тесно взаимосвязано с сексуальной эксплуатацией женщин и детей, выступает катализатором ряда половых преступлений, способствует общему упадку нравственности [3, с. 4]. Р.И.Дремлюга при рассмотрении вопросов, связанных с преступностью в сети Интернет, высказывает мнение, что широкий размах порнобизнеса в глобальной сети еще более усиливает моральное разложение общества, стимулирует рост преступности и дискредитирует такие духовные ценности, как любовь и семья. По его мнению, с которыми мы солидарны, возбуждение раннего интереса у подростка к сексуальным отношениям позволяет использовать сексуальный стимул в пропаганде и рекламе других негативных явлений (наркотиков, алкоголя, насилия) [4, с. 117]. Многочисленные исследования в области детской и подростковой психиатрии и психологии свидетельствуют, что просмотр порнографических изображений может спровоцировать у людей с несформированной или уязвимой психикой асоциальное поведение, толкающее к преступлениям [5].

Результаты проведенного исследования правовых аспектов рассматриваемого явления позволили выявить связь распространения детской порнографии с другими преступлениями, сопутствующими ее незаконному обороту. К таковым относятся преступления, предусмотренные ст. 166 (изнасилование), ст. 167 (насильственные действия сексуального характера), ст. 168 (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста), ст. 169 (развратные действия), ст. 170 (понуждение к действиям сексуального характера), ст. 171 (использование занятия проституцией или создание условий для занятия проституцией), ст. 171¹ (вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией), ст. 172 (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), ст. 173 (вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение), ст. 181 (торговля людьми), ст. 182 (похищение человека), ст. 183 (незаконное лишение свободы), ст. 185 (принуждение), ст. 186 (угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества), ст. 235 (легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем).

По оценкам ряда российских исследователей, увеличение количества порнографических материалов с изображением несовершеннолетних в сети Интернет приводит к росту числа изнасилований детей [6, с. 7]. Несовершеннолетние, вовлеченные в создание детской порнографии, получают глубокие психические травмы, страдают от физического насилия, могут стать объектами торговли и незаконного перемещения. С точки зрения авторов этот противоправный контент

является свидетельством насилия над детьми и одновременно признаком опасного психического отклонения у потребителей данной продукции [6, с. 7].

В ходе анализа научной литературы, посвященной компьютерной преступности, нами установлено, что общественно опасное деяние, совершенное с помощью компьютерной сети, нередко попадает под несколько юрисдикций благодаря глобальной и межгосударственной природе сети Интернет [7, с. 229; 8]. В отличие от физического мира, где человек не может быть в нескольких местах одновременно, информационно-телекоммуникационная сеть связывает сотни компьютеров по всему миру и позволяет виртуально присутствовать в одночасье в нескольких местах. С учетом вышесказанного среди ряда признаков противоправных деяний, связанных с распространением детской порнографии в сети Интернет, можно выделить ее транснациональный характер.

Кроме того, в условиях стремительного развития информационных технологий общественная опасность детской порнографии, распространяемой в сети Интернет, определяется рядом признаков: 1) тяжкими последствиями – причинением существенного физического и морального вреда жертвам преступления; 2) моральным вредом, причиняемым обществу в целом; 3) провокацией агрессии и асоциального поведения; 4) связью с другими преступлениями, сопутствующими распространению детской порнографии и сопряженными с ней, в том числе и тяжкими.

По некоторым оценкам американских правительственных организаций, Беларусь наряду с Молдовой, Россией и Украиной входит в пятерку стран – лидеров по изготовлению и распространению детской порнографии в сети Интернет. Аналитики объясняют это характерным для данных стран достаточно низким уровнем жизни и несовершенным законодательством в отношении порнодельцов. Согласно исследованию фонда Internet Watch Foundation более 30 % детской порнографии в Интернете размещают провайдеры из СНГ. По данным международной правозащитной организации ЕСРАТ International чаще всего в порнографических роликах фигурируют украинские, российские и белорусские дети [9]. Эту тенденцию подтверждает большое количество преступлений, связанных с производством порнопродукции.

Полагаем, что практически беспрепятственному распространению в Интернете порнографических изображений способствует сама природа данного вида преступления, базирующаяся на открытом и общедоступном характере сети Интернет, отсутствии четких отлаженных механизмов, в том числе и международных, механизмов влияния на представляемую в сетях инфор-

мацию и анонимность сетевого общения. Вместе с тем существуют определенные трудности законодательной борьбы с детской порнографией, которые заключаются в том, что данное противоправное деяние фактически носит двойственный характер. Как справедливо отмечают некоторые авторы, с одной стороны, детская порнография (если она не является компьютерной графикой) изначально предполагает насилие над ребенком – незаконное вовлечение его в действия сексуального характера, их съемку и распространение. С другой стороны, просмотр порнографических материалов является соучастием в насилии над ребенком [10, с. 22].

В качестве основных форм распространения детской порнографии через Интернет выделяют: 1) целевые сайты, посвященные исключительно детской порнографии; 2) порнографические и эротические сайты общего содержания; 3) интернет-форумы, чаты, гостевые книги на самых различных сайтах, в том числе на детских; 4) интернет-рассылки со ссылками или фотографиями и др. [11].

Мировой опыт свидетельствует, что создание и распространение детской порнографии в сети Интернет представляют собой не только один из наиболее жестоких и циничных видов транснациональной организованной преступности, но и один из самых доходных видов криминального бизнеса. Проведенное Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ) исследование показало, что годовой оборот рынка детской порнографии составляет от 2,2 до 3,3 млрд. евро [12]. Ежегодно около миллиона детей вовлекается в участие в этом преступном бизнесе. Распространение порнографических материалов – это только вершина айсберга, в основе которого лежат сексуальное насилие в быту, сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, торговля детьми и так называемый секс-туризм [13].

Обеспокоенность мирового сообщества проблемой распространения порнографических материалов в сети Интернет отражена в ряде документов Совета Европы. В резолюции № 15-й Европейской конференции министров по политике в области средств массовой информации «Влияние новых коммуникационных технологий на права человека и демократические ценности» (11–12 декабря 1997 г.) отмечается, что государства-участники могут принимать любые меры, которые считаются необходимыми, чтобы бороться с использованием новых коммуникационных и информационных служб для распространения какой-либо идеологии или осуществления действий, противоречащих правам человека, человеческому достоинству и основополагающим правам других лиц, а также защите несовершеннолетних, и сотрудничать в борьбе против такого использования [14; 15].

Присоединившись в 1990 году к Конвенции ООН о правах ребенка, наша страна приняла на себя обязательство защищать детей от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального соращения, в том числе и от использования в порнографии и порнографических материалах (ст. 34 Конвенции). Для обеспечения этого в отечественном законодательстве с 2008 года впервые предусмотрена уголовная ответственность за преступления, связанные с изготовлением и распространением порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетних (ст. 343¹ Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК). При этом часть 2 названной статьи дополнена квалифицирующим признаком «... с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, или иной сети электросвязи...», определяющим повышенную степень общественной опасности распространения детской порнографии с использованием телекоммуникационных сетей. Такое решение представляется обоснованным, поскольку распространение детской порнографии в сети Интернет приобретает особую общественную опасность в силу беспрецедентной доступности для любой категории пользователей сети, в том числе несовершеннолетних.

Вместе с тем в соответствии с диспозицией ст. 343¹ УК хранение порнографических изображений несовершеннолетних без цели распространения не является уголовным преступлением. По нашему мнению, это в существенной степени усложняет привлечение к ответственности лиц, совершивших деяния, криминализованные в статье 343¹ УК, в случае отсутствия доказательств о распространении указанных материалов.

Ряд российских ученых считает, что наиболее распространенный и популярный тип порнографии, используемый в сети Интернет, – неподвижные картинки в виде фотографий, или компьютерные слайды [16, с. 8]. Однако современные компьютерные технологии позволяют создавать виртуальную детскую порнографию при помощи синтезируемых образов и методов компьютерного монтажа. Кроме того, с помощью программного обеспечения для создания и обработки цифровых изображений представляется возможность обработки и накладки реальных изображений с целью получения необходимого ракурса, то есть осуществления трансформации [17, с. 6; 18]. Исследование этой проблемы показывает, что случаи использования виртуальной порнографии не охватываются диспозицией ст. 343¹ УК, хотя умысел виновного направлен именно на изготовление материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Учитывая вышеизложенное, полагаем, что целесообразно предусмотреть уголовную от-

ветственность за изготовление «реалистичных» порнографических образов несовершеннолетних, в изготовлении которых не были задействованы реальные дети. Такие образы могут быть получены за счет специальной компьютерной обработки реальных фотографий или же полностью сгенерированы компьютером.

Необходимо отметить, что уголовная ответственность за оборот порнографии предусмотрена и в законодательстве зарубежных стран. Так, по результатам исследования уголовного законодательства зарубежных стран об ответственности за оборот порнографии установлено, что во многих уголовных кодексах зарубежных государств содержится уголовная ответственность за оборот «обычной» порнографии или «детской» порнографии. Кроме того, большинство уголовных законодательств зарубежных стран устанавливает повышенную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в создание порнопродукции либо за ее распространение, что свидетельствует об особой защите несовершеннолетних от вредного воздействия порнографии [19, с. 115]. Кроме того, следует заметить, что в законодательстве Великобритании, Германии, Канады, Австрии и многих других государств преступным признается не только производство, но и хранение детской порнографии без цели распространения [18]. Например, в соответствии с американским законодательством к уголовной ответственности привлекаются не только производители детской порнографии, но и потребители. Хранение детской порнографии считается федеральным преступлением, за него предусмотрено тюремное заключение. Производство и распространение наказывается лишением свободы на срок до 15 лет [1, с. 79]. При этом необходимо подчеркнуть, что в уголовном законодательстве многих стран использование сети Интернет предусмотрено в качестве отягчающего обстоятельства при совершении преступлений сексуального характера [20, с. 21]. Таким образом, противодействие распространению детской порнографии в Интернете является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов зарубежных стран.

Следует указать, что важное значение в реализации целей международного сотрудничества в сфере распространения детской порнографии имеет Факультативный протокол к Конвенции ООН о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, от 25 мая 2000 года, в котором впервые официально был признан факт растущей доступности детской порнографии в Интернете [21]. В этом международно-правовом акте впервые в одном понятийном ряду используются понятия «торговля детьми, детская проституция и детская порнография».

Вместе с тем недостатком законодательства Республики Беларусь следует признать отсутствие четко сформулированных правовых дефиниций порнографии и порнографических изображений заведомо несовершеннолетних. В то же время определение «детская порнография» содержится в европейской Конвенции по борьбе с киберпреступностью, принятой Советом Европы 23 ноября 2001 года, участником которой Республика Беларусь в настоящее время не является.

С учетом изложенного полагаем, что для эффективного противодействия транснациональным компьютерным преступлениям, связанным с изготовлением и распространением порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего, необходим согласованный международный подход на различных уровнях. Сказанное обусловлено тем, что уголовно-правовая политика отдельного государства в рамках глобальной информационно-коммуникационной сети должна иметь согласованный международный характер в этой сфере, поскольку ситуация разобщенности может оказать нежелательное воздействие на международное сообщество. Например, преступники могут осуществлять свои действия в сетевой электронной среде через определенное государство, где такие деяния не криминализованы, и таким образом они могут находиться вне сферы действия уголовного закона и соответственно правоохранительных органов, а в ряде случаев и под правовой защитой такой страны.

Несмотря на то что заинтересованные страны уже учитывают проблемы транснациональных преступлений, совершаемых в сети Интернет, на межгосударственном уровне такой форме преступности не уделяется достаточное внимание.

Полагаем, что для урегулирования существующих проблем на национальном и межгосударственном уровне необходимо юридически определить в наиболее важных правовых нормах поведения их участников, в борьбе с правонарушителями, связанными с использованием сети Интернет. Мы считаем, что одним из серьезных шагов, направленных на урегулирование вышеобозначенных проблем, может стать ратификация Европейской Конвенции по борьбе с киберпреступностью с учетом национальных интересов Республики Беларусь.

Названный документ является первым международным соглашением по юридическим и процедурным аспектам расследования и криминального преследования преступлений, совершенных с использованием Интернета. Данная Конвенция направлена на усиление борьбы с киберпреступностью, включая распространение в сети Интернет детской порнографии. Конвенция предполагает тесное сотрудничество между

правоохранительными структурами различных государств и наделяет весьма широкими полномочиями полицейские органы. В Конвенции, в частности, подробно оговорены проблемы взаимодействия правоохранительных органов отдельных государств в ситуации, когда преступник и жертва находятся на территории разных стран и подчиняются разным законодательствам. В Конвенции оговариваются и международные, общие для всех интернет-провайдеров правила хранения личной информации клиентов на случай, если подобная информация будет затребована в ходе расследования киберпреступлений.

В соответствии со ст. 9 Конвенции в понятие «детская порнография» включаются порнографические материалы, изображающие: а) участие несовершеннолетнего лица в откровенных сексуальных действиях; б) участие лица, кажущегося несовершеннолетним, в откровенных сексуальных действиях; в) реалистические изображения несовершеннолетнего лица, участвующего в откровенных сексуальных действиях [22].

Более того, европейская Конвенция по борьбе с киберпреступностью дает перечень запрещаемых действий, связанных с детской порнографией (ст. 9): 1) производство детской порнографической продукции с целью распространения через компьютерную систему; 2) предложение или предоставление в пользование детской порнографии через компьютерную систему; 3) распространение или передача детской порнографии через компьютерную систему; 4) приобретение детской порнографии через компьютерную систему для себя или для другого лица; 5) владение детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных.

Такое жесткое запрещение, касающееся даже владения детской порнографией, направлено на пресечение всей цепочки ее распространения от изготовителя до потребителя. Вместе с тем необходимо отметить, что в соответствии со ст. 343¹ УК хранение детской порнографии в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных без цели распространения не является уголовно наказуемым деянием, что не согласуется с п. 5 ст. 9 Конвенции. Кроме того, Конвенция по борьбе с киберпреступностью четко определяет три типа запрещаемых материалов: 1) материалы, отражающие сексуальное злоупотребление с реальным ребенком; 2) порнографические образы, изображающие занятого в явно сексуальном поведении человека, кажущегося несовершеннолетним; 3) «реалистичные» образы несовершеннолетнего, занятого в явно сексуальном поведении, в изготовлении которых не были задействованы реальные дети (виртуальная порнография).

Очевидно, запрещение последних двух типов направлено не столько на защиту конкретного ребенка, сколько на воспрепятствование формированию особой субкультуры, одобряющей жесткое обращение с детьми.

Мы полагаем, что принятие Конвенции по борьбе с киберпреступностью стало бы важным шагом к выработке единых подходов к вопросам осуществления некоторых оперативно-розыскных мероприятий. Однако, по нашему мнению, главным препятствием для присоединения нашей страны к Конвенции являются положения статьи 32b, дающие иностранным спецслужбам право доступа к частным компьютерам на территории чужих государств без получения соответствующих разрешений от компетентных органов. Очевидно, что данные положения могут нанести ущерб суверенитету и национальной безопасности государств – участников Конвенции, правам и законным интересам их граждан и юридических лиц, в том числе и правам человека, таким как право на частную жизнь. Достаточно сказать, что статья 32b уже давно фигурирует в качестве «больной темы» как на европейских форумах, посвященных киберпреступности, так и среди государств – участников Конвенции [23]. Поэтому вопрос о допустимости проведения указанных действий представителями правоохранительных органов на законных основаниях продолжает оставаться дискуссионным.

Таким образом, если обобщить международное законодательство и национальные правовые нормы в области борьбы с детской порнографией, то можно выделить несколько основных направлений совершенствования белорусского законодательства в целях успешного противодействия распространению детской порнографии в сети Интернет:

1) правовое определение порнографии и порнографических изображений заведомо несовершеннолетних с учетом специфики распространения данного контента в сети Интернет;

2) введение уголовной ответственности за создание и распространение «виртуальной» детской порнографии (реалистичные образы несовершеннолетних, в изготовлении которых не были задействованы реальные дети);

3) введение уголовной ответственности за совершение всей последовательности деяний, связанных с детской порнографией, включая создание, распространение и предоставление доступа к противоправному контенту любым способом, в том числе посредством размещения в сети Интернет. Учитывая масштабы проблемы и опыт зарубежных стран, считаем целесообразным введение административной ответственности за приобретение и хранение детской порнографии без цели сбыта в качестве превентивной меры. И в случае повторного совершения указанных действий необходимо предусмотреть уголовную ответственность за указанные деяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипенко, А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт: моногр. / А.Л. Осипенко. – М.: Норма, 2004. – 432 с.
2. Молчанов, С.В. Административно-правовые основания ограничения конституционного права человека на распространение информации через Интернет в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / С.В. Молчанов. – М., 2005. – 193 л.
3. Булгакова, О.А. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.А. Булгакова. – Ставрополь, 2003. – 173 л.
4. Дремлюга, Р.И. Интернет-преступность: моногр. / Р.И. Дремлюга. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 240 с.
5. Кушниренко, С.П. Проблемы уголовного преследования за распространение детской порнографии в Интернете: теория и опыт выявления и расследования / С.П. Кушниренко // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/kushnirenko\(03-06-07\).htm](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/kushnirenko(03-06-07).htm). – Дата доступа: 25.01.2011
6. Беспалов, Е.И. Детская порнография: индустрия насилия / Е.И. Беспалов. – М.: Фонд «Дружеств. Рунет», 2010. – 32 с.
7. Корнильс, К. Локализация места ответственности за преступления, связанные с Интернетом / К. Корнильс // Право и информатизация общества. – М., 2002. – С. 298–232.
8. Голубев, В.А. Киберпреступность – угрозы и прогнозы / В.А. Голубев // Центр исследования компьютерной преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.crime-research.ru/articles/golubev>. – Дата доступа: 03.01.2011.
9. Беларусь в пятерке лидеров по изготовлению детского порно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.electroname.com/story/4210>. – Дата доступа: 25.01.2011.
10. Кобзева, С. Законодательные меры по борьбе с детской порнографией в Интернете: мировой опыт и российские реалии / С. Кобзева // Информац. право. – 2009. – № 2. – С. 22–24.
11. Минбалеев, А.В. Противодействие распространению порнографической информации с изображением несовершеннолетних в информационно-коммуникационных сетях / А.В. Минбалеев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://74213np.edusite.ru/p84aa1.html>. – Дата доступа: 12.01.2011.
12. ЮНИСЕФ: рынок детской порнографии – один из самых прибыльных в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.enews.ru/cgi-bin/oranews/get_news.cgi?tmpl=nl_print&news_id=124847. – Дата доступа: 12.01.2011.
13. Материалы круглого стола «Рунет против детской порнографии» // Офиц. сайт МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvdinform.ru>. – Дата доступа: 03.01.2011.
14. Довнар, Н.Н. К вопросу о критериях ограничений свободы слова в международном праве и законодательстве Республики Беларусь / Н.Н. Довнар // Белорус. журн. междунар. права и междунар. Отношений 1999. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=315&Itemid=50. – Дата доступа: 12.01.2011.
15. Совет Европы: документы по проблемам средств массовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.abc-globe.com/sovetevr-dekl-komm.htm>. – Дата доступа: 12.01.2011.
16. Ерохина, Л.Д. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе / Л.Д. Ерохина, М.Ю. Буряк. – М.: Профобразование, 2003. – 432 с.
17. Бесчастнова, О.В. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.В. Бесчастнова; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов на/Д., 2008. – 25 с.
18. Осипенко, А.Л. Некоторые аспекты противодействия обороту в сети Интернет материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних / А.Л. Осипенко // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/osipenko\(17-07-07\).htm](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/osipenko(17-07-07).htm). – Дата доступа: 12.01.2011.
19. Донченко, А.Г. Современное уголовное законодательство зарубежных государств об ответственности за оборот порнографии / А.Г. Донченко // Вестн. Саратов. гос. акад. права. – 2009. – № 4. – С. 112–115.
20. Гагарина, А.А. Меры киберпротиводействия сайтам детской порнографии в сети Интернет / А.А. Гагарина // Рос. следователь. – 2008. – № 19. – С. 20–22.
21. О присоединении Республики Беларусь к Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии: Закон Респ. Беларусь, 3 дек. 2001 г., № 65-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=H10100065>. – Дата доступа: 12.01.2011.
22. Convention on Cybercrime [Electronic resource]. – Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/185.htm>. – Date of access: 12.01.2011.
23. Постпред РФ: Конвенция СЕ о киберпреступности – несовершенный инструмент [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/postpred-rf-konvenciya-se-o-kiberprestupnostinbsp-nesovershennyj-instrumerf.d?id=37663167&l=fplead>. – Дата доступа: 03.01.2011.

Дата поступления статьи в редакцию 07.02.2011

УДК 343.7

ГИПНОЗ КАК СРЕДСТВО ЗАВЛАДЕНИЯ ЧУЖИМ ИМУЩЕСТВОМ

ХИЛЮТА В.В.,заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Гродненского государственного университета им. Я.Купалы

В статье рассматриваются вопросы квалификации хищений, сопряженных с гипнозом. Уделяется внимание пониманию гипноза и его проявлениям в криминальной действительности. Автор статьи рассматривает гипноз как способ совершения преступления (хищения) и как психическое принуждение, под воздействием которого загипнотизированное лицо может совершить внушенное гипнотизером определенное преступное деяние. Рассмотрев гипноз как разновидность психического насилия, сделан вывод, в соответствии с которым состав вымогательства должен предусматривать уголовную ответственность не только за «требование передачи имущества под угрозой», но и за «хищение, сопряженное с применением психического насилия».

In the article questions of qualification of thefts interfaced with hypnosis are considered. The consideration to understanding of hypnosis and its displays in the criminal validity is given. Hypnosis is considered by the author of the article as a way to commit a crime (plunder) and as mental compulsion under which influence the hypnotized person can make the certain criminal action suggested by the hypnotist. Considering hypnosis as a version of mental violence, the conclusion according to which the extortion structure should provide the criminal liability not only for «the assignation requirement under the threat ...», but also for «the plunder interfaced with application of mental violence» is drawn.

С момента появления и на протяжении всей истории существования гипноз всегда вызывал к себе крайне противоречивое отношение. С одной стороны он может являться мирным психотерапевтическим средством, а с другой – способом совершения преступлений, и в частности хищений.

Дело в том, что важнейшим свойством гипноза, предопределяющим его природу как особого орудия психического воздействия, является формирование состояния гипнотического сна как специфического, самостоятельного вида измененного сознания. Это делает возможным применение гипноза в противоправных целях: виновный, используя психическую беспомощность загипнотизированного, совершает преступные деяния [1, с. 21].

С точки зрения физиологии состояние гипнотического сна рассматривается в качестве искусственно вызванного торможения некоторых участков коры головного мозга (возникает сверхбодорствование участка коры головного мозга) с сохранением при этом возможности контакта (восприятие сигналов извне, в том числе словесных) и возможности реагирования на них (совершение действий). При помощи гипно-

за достигается высокая степень внушаемости. Это достаточно широко применяется в медицинской практике при лечении некоторых заболеваний (как метод психотерапии), а также при организации и проведении развлекательных мероприятий. В психологии гипноз рассматривается как средство воздействия на личность, которое приводит к состоянию апатии, подавлению или возникновению неадекватных ситуации либо совершению поступков, действий, не соответствующих нравственным и моральным принципам гипнотизируемого [2, с. 46].

Гипноз – это особая форма внушения, способ воздействия на подсознание человека, в основе действия которого лежит ослабление действия сознательного контроля в отношении воспринимаемой информации. Поэтому можно сказать, что гипноз – явление очень многообразное, а нервные процессы, лежащие в его основе, характеризуются известной инертностью (для того, чтобы тот или иной сигнал был воспринят сознанием, его сила должна достигать определенной величины).

В правовой литературе отмечается, что криминальный гипноз представляет собой изменен-

ный вид состояния сознания, который может возникнуть путем целенаправленного, умышленного психологического воздействия на сознание личности, сопровождаясь некоторыми гипнотическими феноменами (катаlepsией, искажением восприятия времени, положительными и отрицательными галлюцинациями, амнезией, постгипнотическими внушениями и др.), и использоваться для скрытого внушения загнипнотизированному лицу необходимости совершения противоправных действий либо подчинения им [3, с. 54]. Иначе говоря, гипноз есть умышленное неправомерное приведение человека в беспомощное к сопротивлению состояние помимо его воли путем информационного воздействия на его психику (совершение потерпевшим действий в интересах манипуляторов вопреки своим намерениям) [4, с. 15].

Гипноз может являться способом совершения преступления (хищения) либо выступать в качестве психического принуждения, под воздействием которого загнипнотизированное лицо может совершить внушенное гипнотизером определенное преступное деяние.

В общественной практике очень распространены случаи совершения хищений (передачи денег потерпевшим виновному) под воздействием гипноза со стороны цыган, организаторов финансовых пирамид (на общих собраниях граждане подвергаются скрытому гипнотическому воздействию, погружению сознания в состояние транса с целью проведения гипнотических внушений путем психологической обработки или предоставлением под видом бесплатных напитков наркотических средств) и т.д.

Так, в г. Минске Г. познакомилась с различными женщинами, приглашала их прийти к ней на прием и называла конкретный адрес. Во время сеансов Г. говорила, что видит нависшее проклятие над жертвой и обещала помочь. Чтобы избавиться от проклятий, требовалось передать «ясновидящей» содержимое кошелька. Поколдовав над купюрами, помяв их, произнеся заклинание, она потом возвращала деньги владельцу. Позже Г. просила принести из дома все находящиеся там деньги и передать ей, чтобы опять же произвести магические действия. Г. заворачивала деньги в газету, что-то шептала и возвращала куплек, запрещая его разворачивать. Только «через три перекрестка или через три часа» (так требовала целительница) потерпевшие обнаруживали, что деньги исчезли, а в газете имеется нарезанная бумага. На предварительном следствии жертвы данного преступления утверждали, что в момент общения с виновной не контролировали своих действий и не могли объяснить причину беспрекословного подчинения [5].

В этом отношении гипноз представляет определенную схожесть с мошенническим обманом, однако в отличие от гипноза обман не связан с психофизиологической переорганизацией человеческого сознания. Человек, подвергнутый обману, сохраняет интеллектуальные и волевые способности к проявлению критичности и переоценке восприятия внушаемых ему сведений. В состоянии гипноза такие способности резко снижены или вовсе парализованы, так как центр сознания гипнотизируемого «перемещается» к гипнотизеру. Внешне это подтверждается и тем, что в отличие от гипноза обману не свойственна последующая амнезия [6, с. 47].

Вместе с тем случаи противоправного использования гипноза с целью совершения хищения чужого имущества трудно доказать, так как гипнотическое внушение очень непросто отличить от различных видов обычного психологического воздействия (уговор, совет, просьба), то есть воздействия на психику человека с помощью психологических приемов (использования знаний психологических закономерностей, психологических и социальных данных о поведении человека и т.д.). В подобных ситуациях часто применяется целенаправленное словесное воздействие на психику человека, которое может быть произведено как в гипнотическом состоянии, так и в состоянии бодрствования. С другой стороны, в настоящее время у следственных работников отсутствуют соответствующие методики раскрытия и расследования подобных преступлений.

В г. Минске молодой человек приятной наружности менял российские рубли на белорусские в обменных пунктах, а после его ухода кассиры обнаруживали крупную недостачу. В частности, действуя под обаянием преступника, кассиры механически пересчитывали протянутые виновником деньги, не запоминая результатов счета, а взамен, убаюканные сладкими речами, выдавали требуемую сумму [7].

Таким образом, совершая преступление, виновные зачастую используют свои личные качества: хорошие внешние данные, обаяние, умение хорошо говорить и т.д. Работая с потерпевшими, они, как правило, для обмана используют некоторые элементы гипноза. Воздействуя же на их психику гипнозом, преступники могут ввести в заблуждение потерпевших относительно их личных и профессиональных возможностей и т.д. Однако достоверно определить, что же имеет место в подобных ситуациях, бывает крайне сложно, тем более, если гипнотическое воздействие не является сильным. Поэтому при расследовании преступлений данной категории необходимо проводить судебно-психологическую экспертизу психологического воздействия, результаты которой и определяют, кто и в

каком виде должен привлекаться к уголовной ответственности.

В.В.Векленко предлагает в этой ситуации действия по завладению чужим имуществом с использованием приемов психологического влияния на потерпевшего признавать насилем лишь в тех случаях, когда это не является мошенническим обманом и представляет собой парализацию воли человека, включая введение его в состояние искаженного восприятия обстановки, вплоть до исключаящего вменяемость [8, с. 23]. Противоположная точка зрения высказана В.Колосовой и А.Поднебесным и рядом других исследователей, которые предлагают существенное ограничение свободы выбора (свободы воли) лица с помощью психологического воздействия признавать психическим насилем в форме противоправного психологического воздействия. Они предлагают психическое насилие в форме противоправного психологического воздействия рассматривать как квалифицированный способ совершения мошенничества [9, с. 35–38; 10, с. 14–17].

Однако, как нам представляется, обман никак не может быть связан с насилем психическим или физическим. Это различные понятия, которые не могут содержать в себе тождественные признаки.

Гипноз может также являться видом психического принуждения: воздействуя на гипнотизируемое лицо, виновный заставляет последнего совершить вменяемое деяние – хищение (с последующей передачей похищенного имущества гипнотизеру). При этом при совершении преступления имеет значение не только сам гипноз, но и нередко реальная жизненная зависимость программируемого субъекта от гипнотизера.

В данной ситуации гипноз выступает как вид психического насилия, представляющий целенаправленное информационное воздействие на сознание лица, против либо помимо его воли с целью приведения его в беспомощное состояние для внушения ему необходимости совершения того или иного преступления [11, с. 49]. Здесь гипноз используется в качестве средства превращения человека в послушное орудие совершения различных форм хищения.

Очевидно, что в подобном случае для совершения хищений используется психическое насилие (это понятие не стоит отождествлять только с угрозой применения насилия) и лицо совершает преступление под видом гипнотического воздействия. Причем, как свидетельствуют специалисты, гипнотическое воздействие способно подавить и парализовать не только волю лица, но и его сознание. Поэтому действия гипнотизера, который довел конкретного человека до состояния гипнотического сна и поддал ему сигнал завладеть чужим имуществом должны расцениваться как посредственное исполне-

ние преступления (при условии, что загипнотизированный оказался под полной властью гипнотизера, лишившей его свободы волеизъявления и контроля над действиями).

Так, в Российской Федерации произошел случай, когда в обеденный перерыв из банка пропало 100 тыс. долларов США. Нападения на банк не происходило. Следы взлома в хранилище, откуда пропали деньги, отсутствовали. Подозрение пало на трех лиц, которые имели доступ к хранилищу. Сотрудники РОВД установили за ними наблюдение. Вскоре их внимание привлекло неадекватное поведение кассира К. После окончания рабочего дня она не села на свой рейсовый автобус, а направилась в другую сторону, не прекращая говорить сама с собой, без видимых причин то огорчаться, то радоваться, непонятно чему. Психиатры-криминалисты пришли к заключению, что ее поведение является последствием сильнейшего гипнотического воздействия. Вывести К. из этого состояния помогли специалисты, проведя сеансы гипнорепродукции. В ходе их было установлено, что К. сама взяла из хранилища пачку денег, которую впоследствии передала своему сожителю – Б. Оказалось, что Б., увлекаясь азартными играми, часто проигрывал денежные суммы. Не в состоянии компенсировать проигранное, Б. стал внушать К., что она должна принести ему деньги из банка. Для усиления гипнотельности он подкладывал в пищу К. таблетки галоперидола [3, с. 56].

Как уже было сказано, мы относим гипноз к разновидности психического насилия, поскольку, являясь психическим принуждением, он выступает как намеренное, инициативное давление на психику другого лица.

В уголовно-правовой литературе существуют и обратные утверждения, суть которых сводится к тому, что гипноз является разновидностью физического насилия, так как, несмотря на информационный (психический) способ воздействия, он вводит потерпевшего в беспомощное состояние, которое наряду со смертью, причинением вреда здоровью, физической болью, физическими страданиями, утратой физической свободы рассматривается в качестве физического вреда [1, с. 21–22; 12].

Исходя из этого вывод о признании гипноза физическим насилем сделан на основании характера общественно опасных последствий гипнотического воздействия. Тем не менее, представляется, что в основе деления насилия на физическое и психическое должен лежать предмет и способ насильственного воздействия (умышленность или намеренность самого насильственного действия), а не его последствия.

Само же отрицательное влияние гипноза на здоровье человека рассматривается в двух ас-

пектах: возможное нанесение вреда самим гипнозом как психофизиологическим процессом в виде неблагоприятного действия на психическую сферу загипнотизированного или другие функциональные системы организма, неблагоприятный второсигнальный (словесный) раздражитель может стать опасным патогенетическим фактором для жизни и здоровья человека [13, с. 115–118; 14].

Психическое насилие предполагает наряду с воздействием на сознательно-волевою и эмоциональную сторону психики воздействие и на мозг, минуя сознание, в связи с существованием «бессознательных» мозговых функций, способных влиять не только на настроение человека, но и на его поведение, сколь бы сложным оно не выступало [15, с. 19].

Проблема исследования криминального гипноза как своеобразного способа совершения хищения выявила немаловажный аспект, состоящий в том, что сегодня уголовное законодательство не содержит самостоятельного закрепления ответственности за посягательства на отношения собственности, совершенные с применением различных форм психического воздействия на потерпевшего, и приведения лица в беспомощное или бессознательное состояние посредством

гипноза. Представляется, что если разбой рассматривать как хищение, соединенное с физическим насилием, то вымогательство в данном контексте должно являться формой хищения, которое сопряжено с психическим насилием (и не только угрозой).

Теория и практика борьбы с преступностью показывают, что в настоящее время можно встретить различные психические состояния, которые никак не связаны с угрозой или обманом, образующиеся в результате паранормальных психофизических и психотехнических воздействий (сюда можно отнести состояние гипнотического и зомбированного сознания). Уголовный закон должен реагировать на происходящие процессы, а теории уголовного права следует выработать положения, согласно которым можно было бы «безболезненно» привлекать лицо к ответственности за примененное им психическое насилие (например, совершение хищения с использованием замещенного сознания). Поэтому вносим предположение: состав вымогательства должен предусматривать уголовную ответственность не только за «требование передачи имущества под угрозой», но и за «хищение, сопряженное с применением психического насилия».

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарапов, Р.Д. Насилие в уголовном праве: понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Р.Д. Шарапов. – Екатеринбург, 2006. – 54 с.
2. Примаченок, А.А. Квалификация общественно опасных деяний, совершаемых лицами, находящимися в состоянии гипнотического сна / А.А. Примаченок, В.А. Кашевский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2010. – № 2. – С. 46–51.
3. Чечель, Г. Особенности квалификации преступления, совершенного загипнотизированным лицом / Г. Чечель, Л. Седых // Уголов. право. – 2009. – № 3. – С. 52–57.
4. Зарипов, В.Г. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.Г. Зарипов. – М., 2007. – 24 с.
5. Куньявская, М. «Сглаз» долой и деньги вон / М. Куньявская // Сов. Белоруссия. – 2006. – 6 июня. – С. 11.
6. Шарапов, Р.Д. Криминальная гипносуггестия: криминологические и уголовно-правовые аспекты / Р.Д. Шарапов // Гос-во и право. – 2004. – № 11. – С. 42–50.
7. Щедренко, Т. На ПМЖ в страну дураков / Т. Щедренко // Сов. Белоруссия. – 2006. – 9 авг. – С. 12.
8. Векленко, В.В. Квалификация хищений чужого имущества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Векленко. – Екатеринбург, 2001. – 48 с.
9. Колосова, В. Психическое насилие в форме противоправного психологического воздействия как способ совершения мошенничества / В. Колосова, А. Поднебесный // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 35–38.
10. Гребенкин, Ф.Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ф.Б. Гребенкин. – М., 2004. – 24 с.
11. Седых, Л. Преступления с применением гипноза / Л. Седых // Законность. – 2011. – № 1. – С. 48–51.
12. Токарчук, Р.Е. Насилие как составообразующий признак хищений: вопросы уголовной ответственности / Р.Е. Токарчук. – Омск, 2008. – 220 с.
13. Гримак, Л.П. Гипноз и преступность / Л.П. Гримак. – М., 1997. – 305 с.
14. Китаев, Н.Н. Гипноз и преступления / Н.Н. Китаев. – Иркутск. – 60 с.
15. Подгайный, А.М. Уголовно-правовая характеристика преступного насилия: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.М. Подгайный. – М., 2007. – 21 с.

Дата поступления статьи в редакцию 14.03.2011

УДК 347.131.222

О ПОРЯДКЕ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

ПУНЬКО Т.Н.,

доцент кафедры гражданского и хозяйственного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук

В статье рассмотрены вопросы исчисления исковой давности: определение начала ее течения, а также основания и порядок применения правил о приостановлении и перерыве течения срока исковой давности с учетом последних изменений гражданского законодательства Республики Беларусь.

The article deals with the calculus of limitations: the definition of the beginning of its course and the grounds and procedure for applying the rules on the suspension and the interruption of the limitation period, taking into account recent changes in civil legislation of the Republic of Belarus.

Введение

Исковая давность в качестве института материального или процессуального права применяется сегодня практически во всех известных правовых системах. В белорусской правовой системе, относящейся к числу континентальных, исковая давность является институтом гражданского материального права, в то время как в системе англосаксонского права исковая давность представляет собой институт процессуального права. Институт исковой давности всегда был объектом самого пристального внимания как со стороны ученых-правоведов, так и практикующих юристов.

Большой теоретический и практический интерес продолжают вызывать вопросы исчисления исковой давности: определение начала ее течения, а также основания и порядок применения правил о приостановлении и перерыве течения срока исковой давности. Актуальность исследования данных вопросов обусловлена также последними изменениями гражданского и хозяйственного процессуального законодательства в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 10 января 2011 года № 241 «О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования хозяйственного судопроизводства» [1].

Основная часть

Нормы закона, регулирующие применение исковой давности, имеют императивный характер. Сроки исковой давности и порядок их исчисления не могут быть изменены соглашением сторон. Основания приостановления и перерыва

течения сроков исковой давности устанавливаются законодательными актами (ст. 199 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [2].

Это означает, что стороны гражданско-правового отношения по своей воле (путем заключения соглашения), во-первых, не вправе ограничивать сферу действия исковой давности, то есть определять, подлежит ли давность применению к тому правоотношению, участниками которого они являются, и, во-вторых, не могут изменять легальные условия ее применения: продолжительность (величину), порядок исчисления давностных сроков, а также основания перерыва, приостановления и восстановления сроков исковой защиты права.

Императивный характер правил об исковой давности имеет устойчивую традицию в отечественном законодательстве (достаточно обратиться к Гражданским кодексам РСФСР 1922 и 1964 гг., Основам гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.), хотя в ходе реформирования дореволюционного российского гражданского законодательства предлагались иные варианты правового регулирования применения исковой давности. Так, в ст.ст. 240–241 проекта Гражданского Уложения Российской Империи сторонам правоотношения предоставлялась возможность заключать два вида соглашений, касающихся применения исковой давности: 1) об отказе от уже наступившей давности; 2) о сокращении продолжительности давностного срока [3].

Действующее законодательство иностранных государств также содержит положения, позволяющие участникам гражданских правоотноше-

ний заключать соглашения об исковой давности. Например, § 225 Германского гражданского уложения закрепляет право сторон «облегчить» течение исковой давности посредством сокращения давностного срока [4].

По общему правилу течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 201 ГК). Изъятия из этого правила устанавливаются законодательными актами.

Некоторые из таких изъятий установлены в самой ст. 201 ГК. В частности, по обязательствам с определенным сроком исполнения течение исковой давности начинается по окончании указанного срока (ч. 1 п. 2 ст. 201 ГК). Если же срок исполнения обязательства не определен либо определен моментом востребования, течение исковой давности начинается с момента, когда у кредитора возникает право предъявить требование об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется льготный срок для исполнения предъявленного требования, исчисление исковой давности начинается по окончании указанного срока (ч. 2 п. 2 ст. 201 ГК). Согласно ч. 1 п. 2 ст. 295 ГК обязательство с неопределенным сроком исполнения должно быть исполнено в разумный срок после его возникновения. Общее правило о льготном сроке сформулировано в ч. 2 п. 2 ст. 295 ГК, где установлено, что обязательство с неопределенным сроком исполнения, не исполненное в разумный срок, а также обязательство, срок исполнения которого определен моментом востребования, должник обязан исполнить в семидневный срок со дня поступления письменного требования кредитора о его исполнении, если иной льготный срок не вытекает из законодательства, условий или существа обязательства. По регрессным обязательствам течение срока исковой давности начинается с момента исполнения основного обязательства (п. 3 ст. 201 ГК).

Специальные правила о моменте начала течения срока исковой давности установлены ст. 182, п. 3 ст. 678, п. 3 ст. 751 ГК и др.

Как отмечалось выше, по общему правилу п. 1 ст. 201 ГК начало течения исковой давности определяется моментом, «когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права». Таким образом, субъективный критерий, использованный в п. 1 ст. 201 ГК, рассматривается законодателем в качестве общего правила определения начала течения исковой давности, объективный — как исключение, применяемое при формулировании специальных правил. В юридической литературе поддерживается справедливость субъективного критерия, так как если управомоченное лицо не знает о нарушении своего права, то оно не может воспользоваться правом на защиту. В этом случае уже ответчик может доказывать, что истец должен был узнать о нарушении раньше, чем он это сделал [5, с. 263].

Вопрос о том, когда истец должен был узнать о правонарушении, решается судом с учетом обстоятельств конкретного дела и исходя из предположения о заинтересованности каждого участника гражданского оборота в проявлении разумной заботливости в отношении своей имущественной сферы.

Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда истец, не имея данных о субъекте ответственности по виндикационным требованиям, требованиям о возмещении вреда, а также требованиям к наследодателю, не может предъявить соответствующий иск. На необходимость дифференцированного подхода к определению начала течения исковой давности указывается и в Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, разработанной в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108. Авторами Концепции отмечается, что «действующее законодательство не предусматривает никаких особенностей начала течения исковой давности по указанным требованиям, результатом чего является невозможность эффективной защиты нарушенных прав» [6].

Дискуссионным является вопрос об исчислении исковой давности по виндикационным требованиям. В юридической литературе высказываются различные мнения о моменте начала исчисления срока исковой давности по виндикационному иску.

Одни ученые полагают, что таким моментом является само нарушение, то есть завладение вещью [7, с. 136].

Другие цивилисты считают, что пока собственнику неизвестно, в чьем фактическом владении находится его вещь, невозможно реализовать право на иск, а значит не может начаться и течение давностного срока, хотя о самом факте утраты вещи собственнику может быть известно [8, с. 175; 9; 10, с. 25; 11, с. 25–26]. Решение этой проблемы возможно путем установления правила, согласно которому течение исковой давности начинается с момента, когда истец узнал или должен был узнать о фактическом владельце вещи.

М.Я.Кириллова проблему неизвестности ответчика предлагает решать с помощью института восстановления срока исковой давности в связи с его пропуском по уважительной причине [12, с. 111–112]. Действительно, в период действия ГК БССР отсутствие ясности в вопросе об ответчике компенсировалось широкими пределами усмотрения суда при решении вопроса о восстановлении пропущенного срока исковой давности, поскольку ст. 80 ГК БССР предоставляла суду возможность признать уважительной причину пропуска срока исковой давности и защитить нарушенное право. При этом решение

вопроса об уважительности причины пропуска срока исковой давности всецело зависело от усмотрения суда. Отсутствие у истца сведений о личности ответчика, если истец предпринимал разумные и необходимые меры к их получению, обычно признавалось в судебной практике уважительной причиной пропуска срока исковой давности [13]. Ситуация изменилась в связи с принятием действующего сегодня ГК Республики Беларусь. Статья 206 ГК допускает восстановление срока исковой давности лишь в исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца. В качестве примеров таких обстоятельств в статье приведены: тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность истца. Кроме того, ст. 206 ГК допускает восстановление этого срока только для требований граждан, но не юридических лиц.

Разрешение проблемы истечения срока давности по виндикационным требованиям в период невозможности предъявления иска по причине неизвестности ответчика возможно путем расширения оснований для восстановления срока исковой давности. Так можно предусмотреть восстановление срока исковой давности для граждан и юридических лиц, если предъявлению иска препятствовало такое обстоятельство, как неизвестность или неопределенность личности ответчика, дополнив ст. 206 ГК соответствующим положением. Следует отметить, что такое предложение содержится в Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, однако оно не нашло своего продолжения в представленном на обсуждение проекте изменений в раздел I Гражданского кодекса Российской Федерации [14].

Третья точка зрения сводится к предложению установить два различных по своей юридической природе срока, которые будут влиять на возможность реализации виндикации. Первым является срок возможности предъявления иска, то есть появления притязания на «свет» и его реализации (далее – протекционная давность). Протекционная давность в целях ее согласованности с нормами о приобретательной давности может составлять для недвижимости 15 лет с момента завладения вещью, для иного имущества – 5 лет. При этом если потерпевший не осведомлен о личности нарушителя, то смена владельцев вещи не влияет ни на протекционную давность, так как она как раз и стимулирует на то, чтобы нарушитель был своевременно найден, ни на исковую давность, поскольку она еще и не начиналась. Вторым сроком предлагается считать юридическое время – срок реализации возникшего правопритязания (срок исковой давности). Данный срок может быть приостановлен,

прерван или восстановлен. Начаться и (или) продолжаться исковая давность может только в пределах протекционной давности, за исключением случаев восстановления, приостановления или перерыва срока исковой давности [15, с. 22–23].

По-нашему мнению, обоснованной является позиция авторов, которые связывают начало течения срока исковой давности с получением истцом сведений о правонарушителе. Учитывая положения процессуального законодательства, потенциальный истец должен обладать сведениями не только о том, в чем заключается нарушение права, но и об имени (наименовании) и месте жительства (месте нахождения) ответчика. Если потенциальный истец принял все возможные и необходимые меры для получения требуемых для предъявления иска сведений об ответчике и тем не менее не располагает такими сведениями, течение срока исковой давности не должно начинаться до тех пор, пока они не будут получены.

Такой подход позволяет разрешить спорные ситуации не только по виндикационным искам, но в иных случаях отсутствия сведений о личности правонарушителя.

Отличительной особенностью срока исковой давности является возможность его приостановления, перерыва и восстановления. Приостановление и перерыв исковой давности являются формами (способами) изменения порядка исчисления срока судебной защиты гражданских прав, поскольку приостанавливается либо прерывается неистекший срок. Восстановление исковой давности означает принятие судом решения о неприменении последствий пропуска истекшего давностного срока, поэтому его нельзя признать одной из форм (способов) изменения порядка исчисления срока.

Основания приостановления срока исковой давности прямо предусмотрены законом. В силу п. 1 ст. 203 ГК течение срока исковой давности приостанавливается: 1) если предъявлению иска препятствовало чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство (непреодолимая сила); 2) если истец или ответчик находится в составе Вооруженных Сил Республики Беларусь, переведенных на военное положение; 3) в силу установленной на основании законодательного акта Правительством Республики Беларусь отсрочки исполнения обязательств (мораторий); 4) в силу приостановления действия акта законодательства, регулирующего соответствующее отношение.

В юридической литературе высказывались мнения о необходимости расширения перечня оснований приостановления срока исковой давности [16, с. 19]. Прежде всего это связано с изменениями процессуального законодательства, которое последовательно вводит новые альтер-

нативные методы разрешения споров (медиация, посредничество, примирение и т.п.).

Именно с целью снижения нагрузки на суды, оптимизации хозяйственного судопроизводства Законом Республики Беларусь от 10 января 2011 года № 241 «О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования хозяйственного судопроизводства» введен обязательный досудебный претензионный порядок разрешения споров между юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями. Вопрос о течении срока исковой давности при таком порядке решен в ГК следующим образом: предъявление претензии приостанавливает течение срока исковой давности (пп. 5 п. 1 ст. 203 ГК). Течение срока исковой давности приостанавливается со дня направления претензии до получения ответа на претензию или истечения срока для ответа, установленного законодательством или договором (ч. 2 п. 3 ст. 203 ГК).

Перерыв течения сроков исковой давности отличается от их приостановления как по основаниям, так и по последствиям. Перерыв течения срока исковой давности означает, что все время, истекшее до перерыва, в давностный срок не засчитывается и он начинается заново. Течение срока исковой давности согласно ст. 204 ГК прерывается предъявлением иска в установленном порядке, а также совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга.

Действующее законодательство достаточно четко регламентирует правила перерыва срока исковой давности предъявлением иска. Важное значение здесь имеет то обстоятельство, что законодатель связывает перерыв срока исковой давности только с иском, поданным в установленном порядке. В частности, в п. 12 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 2 декабря 2005 г. № 29 (далее – постановление № 29) разрешены вопросы о последствиях отказа в принятии искового заявления, возвращения искового заявления, оставления искового заявления без движения [17]. С достаточной четкостью не решен вопрос о моменте перерыва течения срока исковой давности в случае замены ненадлежащего истца или ненадлежащего ответчика. В литературе и российской судебной практике таким днем принято считать момент вынесения определения о замене ненадлежащей стороны (ст. 63 ГПК Республики Беларусь и 61 ХПК Республики Беларусь) [18, с. 592; 19, с. 17].

В ст. 203 ГК предусматривается только два основания для перерыва исковой давности, одним из которых является предъявление иска в установленном порядке. Между тем судебная защита нарушенного права может в определенных случаях осуществляться не только в исковом производстве, но и путем выдачи судебного

приказа, возбуждением дела о банкротстве путем подачи заявления должника или кредитора.

Правила об исковой давности носят императивный характер. Из этого следует, что перечень оснований перерыва течения срока исковой давности, установленный ст. 203 ГК, является исчерпывающим и не может быть изменен или дополнен по усмотрению как участников гражданского оборота, так и судебных органов. Вместе с тем в постановлении № 29 указано: «подача кредитором заявления о возбуждении приказного производства с соблюдением требований, предусмотренных ст.ст. 220–222 ХПК, прерывает течение срока исковой давности, так же как и предъявление иска» [20], то есть имеет место расширительное толкование ст. 203 ГК. Представляется, что такой подход не основан на действующем законодательстве. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 199 ГК основания приостановления и перерыва течения срока исковой давности устанавливаются законодательными актами. Постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь хоть и являются нормативными правовыми актами, но в силу ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» к законодательным актам не относятся [21]. Более верным решением данного вопроса, на наш взгляд, является установление непосредственно в ГК правила о том, что подача заявления о возбуждении приказного производства, равно как и дела о банкротстве, прерывает течение срока исковой давности.

Одним из вопросов, возникающих на практике, является вопрос о правомочности суда применить правила о перерыве исковой давности по своей инициативе, когда истец не ссылается на перерыв в его течении, однако в деле имеются доказательства такого перерыва.

Представляется, что суд, применяя исковую давность, должен на основе оценки имеющихся доказательств установить начало течения срока исковой давности, равно как и момент его истечения. Независимо от того, указывает ли истец на перерыв в течении срока, суд по имеющимся материалам дела обязан правильно исчислить указанный период. Таким образом, целесообразно, чтобы суд использовал нормы исковой давности по заявлению соответствующей стороны в споре с учетом правил о перерыве течения срока исковой давности и в тех случаях, когда другая сторона не заявляет ходатайства о применении ст. 203 ГК, если в деле имеются доказательства, свидетельствующие о перерыве течения срока исковой давности.

Заключение

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Предлагается в ГК установить правило, согласно которому течение срока исковой давности

сти начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. Это позволит разрешить проблему истечения срока исковой давности по виндикационным искам и требованиям из причинения вреда в период невозможности предъявления иска по причине неизвестности ответчика.

2. Законом Республики Беларусь от 10 января 2011 года № 241 «О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования хозяйственного судопроизводства» был введен обязательный досудебный претензионный порядок разрешения споров между юридическими лица-

ми и (или) индивидуальными предпринимателями.

Положительно следует оценить порядок разрешения вопроса о течении срока исковой давности в процессе претензионной процедуры. Согласно ст. 203 ГК предъявление претензии приостанавливает течение срока исковой давности со дня направления претензии до получения на нее ответа или истечения срока для ответа, установленного законодательством или договором.

3. Предлагается непосредственно в ГК установить правило о том, что подача заявления о возбуждении приказного производства, равно как и дела о банкротстве, прерывает течение срока исковой давности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.01.2011.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.01.2011 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
3. Лебедева, К.Ю. Применение исковой давности в судебной практике / К.Ю. Лебедева // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.
4. Гражданское уложение Германии / пер. с нем. – 2-е изд., доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 816 с.
5. Гражданское право. Ч. 1.: учеб. / под ред. Ю.К. Тостого, А.П. Сергеева. – М.: Изд-во ТЕИС, 1996. – 552 с.
6. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступит. ст. А.Л. Маковского. – М.: Статут, – 2009. – 160 с.
7. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права: по изданию 1907 г. / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Спарк, 1995. – 556 с.
8. Новицкий, И.Б. Сделки. Исковая давность / И.Б. Новицкий. – М.: Госюриздат, 1954. – 248 с.
9. Черепахин, Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. / Б.Б. Черепахин // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.
10. Сарбаш, С.В. Вопросы исковой давности / С.В. Сарбаш // Хоз-во и право. – 2000. – № 4. – С. 19–27.
11. Краснова, С.А. Защита права собственности и иных вещных прав посредством восстановления владения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Краснова. – Томск, 2007. – С. 25–26.
12. Кириллова, М.Я. Начало течения срока исковой давности / М.Я. Кириллова // Антология уральской цивилистики. – М., 2001. – 248 с.
13. Эрделевский, А.М. О начале течения исковой давности / А.М. Эрделевский // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.
14. О внесении изменений в Гражданский кодекс Рос. Федерации: проект Федер. закона [Электронный ресурс] / Высш. арбитраж. суд Рос. Федерации. – М., 2011. – Режим доступа: www.arbitr.ru/press-centr/news/31202.html. – Дата доступа: 25.01.2011.
15. Лоренц, Д. Особенности применения исковой давности при виндикации имущества / Д. Лоренц // Арбитр. и гражд. процесс. – 2009. – № 1. – С. 21–24.
16. Лебедева, К.Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / К.Ю. Лебедева. – Томск, 2003. – 24 с.

17. О некоторых вопросах, связанных с применением сроков исковой давности: постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 2 дек. 2005 г., № 29 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

18. Гражданское право: 3 т.: учеб. / А.В. Каравай [и др.]; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2008. – Т. 1. – 864 с.

19. Сарбаш, С. Вопросы исковой давности / С. Сарбаш // Хоз-во и право. – 2000. – № 5. – С. 13–25.

20. О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности: постановления Пленумов Верх. Суда РФ и Высш. арбитраж. суда РФ, 12, 15 нояб. 2001 г., № 15/18 // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.

21. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Дата поступления статьи в редакцию 03.02.2011

УДК 347.19(476)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

ГОРБАТОВА Н.А.,

аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований,
магистр юридических наук

Правовое регулирование предпринимательской деятельности некоммерческих юридических лиц характеризуется наличием определенных льгот. Причиной такого положения является особенная социальная функция, выступающая целью создания некоммерческих организаций. Предпринимательская деятельность некоммерческих юридических лиц, а также льготы, предусмотренные для них, являются предметом рассмотрения настоящей статьи.

Legal regulation of economic activities of nonprofit entities is characterized of certain privileges. The reason of such position is the especial social function acting as an objective of creation of the noncommercial organizations. Entrepreneurial activities of nonprofit entities, and also the privileges provided for them, are a subject of consideration of present article.

Преобладающее количество участников гражданского оборота – это коммерческие юридические лица, однако некоторую долю рыночного сегмента занимают и некоммерческие организации. И те и другие ведут деятельность, которая может приносить материальную пользу для учредителей. Тем не менее для коммерческих юридических лиц выгода является главной целью, в то время как некоммерческие созданы для иных целей, не связанных с обогащением, и для них устанавливается различный правовой режим регулирования деятельности. В настоящее время данная предметная область вызывает интерес в силу возрастания процесса «коммерциализации» некоммерческих юридических лиц, что приводит к нивелированию отличительных признаков и потребности пересмотра подходов к правовому определению терминов. Каковы существенные различия в правовом регулировании деятельности некоммерческих организаций и как определить, когда некоммерческая организация, занимаясь второстепенной или вспомогательной деятельностью, перестает быть альтруистической, какие меры ответственности установлены законодательством в случае переориентации некоммерческой организации на получение прибыли? Эти проблемы и стали предметом нашего рассмотрения.

В советское время большой вклад в юридическую науку внес ученый-цивилист С.Н.Братусь. Изучению юридических лиц посвящено по исследуемой проблематике большое число его работ. Многие ученые занимались исследованием

сущности юридического лица, среди них Р.Иеринг, Н.М.Коркунов, Ю.С.Гамбаров, О.С.Иоффе, В.П.Грибанов. В современной России изучению некоммерческих организаций посвящены работы Д.В.Новака, Д.И. Степанова, В.Е.Чиркина, В.В.Манова, А.Ю.Виноградова и других.

В Республике Беларусь теме правового регулирования деятельности некоммерческих организаций уделяли внимание В.В.Хилюта, Я.И.Функ, С.С.Вабищевич и И.А.Маньковский. Исследованию отдельных вопросов посвящена работа В.А.Шаршуна «Хозяйственная деятельность в Вооруженных Силах Республики Беларусь: вопросы правового регулирования», в которой он обращает внимание на пробелы в действующем законодательстве Республики Беларусь, касающемся отдельной организационно-правовой формы некоммерческого юридического лица: воинской части и органа военного управления. Признаки некоммерческих юридических лиц и особенности их деятельности изучались Н.Е.Бодяк, В.Г.Тихиной, В.Ф.Чигирем и др.

На сегодняшний день актуальность исследования обусловлена ростом числа субъектов хозяйствования в целом и необходимостью уточнения правового регулирования предпринимательской деятельности некоммерческих юридических лиц.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) правовому регулированию некоммерческих организаций посвящены нормы ст. 46, определяющие различия между коммерческими и некоммерческими юридическими ли-

цами, а также ст.ст. 116–123, устанавливающие признаки некоторых организационно-правовых форм. Прежде всего следует отметить, что согласно белорусскому праву признаками некоммерческих юридических лиц выступают цель создания юридического лица и запрет распределения прибыли между учредителями (участниками). Множество целей можно классифицировать в зависимости от сущности благ, которые стремится получить юридическое лицо, на материальную выгоду и нематериальные достижения. Материальная цель подразумевает получение овестьствовленного результата своего труда в виде некой прибыли, приращения капитала и свойственна коммерческим юридическим лицам. Нематериальная цель характерна для организаций социальной направленности, материальные результаты деятельности которых распределяются не в пользу ее учредителей, а в пользу третьих лиц. В зависимости от направления цели юридического лица определяется его вид и устанавливается правовой режим его деятельности.

Цель деятельности некоммерческой организации подлежит обязательному декларированию в уставных документах юридического лица при ее создании. Закрепленный статус некоммерческой организации требует от юридического лица выполнения определенных принципов предпринимательской деятельности. Предпринимательская деятельность некоммерческих организаций основывается на совокупности существенных признаков некоммерческих юридических лиц и предпринимательской деятельности, которую можно представить следующим образом:

целевая направленность деятельности, что подразумевает осуществление деятельности, направленной на удовлетворение потребностей общества, достижение общественного блага;

прибыль, полученная от осуществления деятельности, не подлежит распределению среди учредителей (участников) некоммерческой организации;

предпринимательская деятельность некоммерческой организации осуществляется в рамках уставной деятельности и соответствует предмету деятельности (например, учреждение образования может оказывать платные услуги в сфере образования и выпускать сопутствующие товары);

предпринимательская деятельность не должна быть основной целью организации.

Если организация осуществляет предпринимательскую деятельность согласно совокупности изложенных принципов, то она имеет право пользоваться установленными законодательством льготами для некоммерческих организаций. Если же принципы предпринимательской деятельности (все или часть из них) некоммерче-

ской организацией не выполняются, то пользование льготами будет неправомерно. Каждый из перечисленных принципов является необходимым и влияет на совокупную характеристику деятельности некоммерческой организации.

Цель создания или его функция (функциональный подход) является главным отличительным признаком вида юридического лица. Белорусское законодательство содержит примерный перечень целей: «Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, природоохранных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и юридических лиц, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи в соответствии с законодательством, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ» [1]. Как видно, перечень целей не является исчерпывающим и предполагает возможность занятия любым видом незапрещенной деятельности, при этом законодательством установлен вектор направленности – общественное благо. Категория общественного блага предопределяет, что результат деятельности организации доступен всем членам общества без исключения, а его потребление одним человеком не уменьшает количество блага для других. Многие ученые сходятся во мнении, что рынок общественных благ будет расти. Правительства государств все чаще задумываются о социальной ответственности. Создание некоммерческих структур для достижения общественного блага – это один из способов выполнения государством определенной социальной миссии. С другой стороны, полезная для общества деятельность некоммерческих организаций не имеет прибыльной составляющей, а по сути своей является альтруистической, которая не предполагает возмездно-эквивалентных отношений. Государство перекладывает некоторые социальные функции на такие субъекты и в качестве компенсации устанавливает льготный правовой режим для некоммерческих лиц. К примеру, в системе организаций, которые удовлетворяют духовные потребности общества, имеются некоммерческие организации, в деятельности которых можно усмотреть признаки коммерческой. Ряд некоммерческих организаций имеет целями деятельности оказание услуг в сфере творчества, приобщение к мировым ценностям художественной культуры. Деятельность организаций культуры, занимающихся пропагандой национальных достижений культуры и искусства, как правило, не приносит прибыль, а, наоборот, требует государственной поддержки. Функцию учреждений культуры

можно расценить как изначально некоммерческую, так как их деятельность направлена, прежде всего, на достижение общественных благ: приобщение населения к ценностям мировой сценической, исполнительской культуры; просвещение и развлечение, удовлетворение духовных потребностей населения. При этом проведение гастролей, концертов звезд сцены приносит немалый доход государственным учреждениям культуры, которые созданы «для осуществления информационных, просветительных, образовательных, воспитательных, развлекательных и иных функций некоммерческого характера в отрасли культуры» [2].

Другим примером могут служить учреждения образования. В Республике Беларусь на 2009 год действовали 54 учреждения, обеспечивающие получение высшего образования, из них 10 – частные вузы. Частные учреждения образования полностью, а государственные в большей степени ведут обучение студентов на платной основе. Образовательные услуги ввиду их платности, системности предоставления и в определенной степени прибыльности можно отнести к предпринимательской деятельности. В то же время учреждения образования удовлетворяют потребности населения в знаниях, получении образования, иными словами, способствуют реализации конституционных прав граждан, гарантированных государством. Исходя из того, что учреждения образования являются некоммерческими организациями, то доход от оказания образовательных услуг может быть употреблен только на цели развития данного учреждения, финансирование научной деятельности, материальное стимулирование преподавательского состава.

В качестве недостатка функционального подхода к делению юридических лиц можно назвать отсутствие системного и исчерпывающего перечня целей деятельности некоммерческих организаций, позволяющего однозначно разделить сферы деятельности коммерческих и некоммерческих организаций. Цели создания только отдельных видов некоммерческих организаций более конкретно определяются законами о соответствующих видах таких организаций, но при этом права учредителей при выборе целей не ограничены. В 2002 году группой экспертов США из Агентства Международного Развития и Международного центра некоммерческого права проведено исследование правового положения некоммерческих организаций в Центральной и Восточной Европе. В итоговом отчете эксперты отметили, что перечень общественно полезной деятельности, который устанавливается законодательством, насчитывает более двадцати видов и не является закрытым. В качестве меры ответственности за осуществление деятельности, не соответствующей цели создания некоммерче-

ской организации, законодательством большинства стран Восточной Европы установлена процедура изменения статуса (вида) юридического лица [3].

Для более четкой дифференциации юридических лиц требуется сочетание декларируемой в уставных документах цели деятельности, а также иных отличительных особенностей данного вида организаций. Основное предназначение некоммерческой организации состоит в осуществлении деятельности в целях, направленных на достижение общественных благ, то есть в выполнении задач, имеющих нематериальную ценность. Такая деятельность направлена на достижение общественно значимых благ и по своей сути не является прибыльной, а не потому, что такое ограничение установлено законодательством. Именно это и определяет запрет на распределение прибыли, который является вторым характерным признаком некоммерческой организации. Запрет на распределение прибыли между участниками (учредителями) некоммерческой организации вытекает из социальной направленности деятельности. Результат работы некоммерческой организации приносит пользу третьим лицам, а полученный доход может быть направлен исключительно для поддержки и развития самого некоммерческого лица в соответствии с уставной целью и предметом деятельности.

Как видим, целевая направленность деятельности некоммерческих организаций не дает возможности однозначно разграничить деятельность коммерческих и некоммерческих юридических лиц. Только при совокупности двух признаков определяется правовая личность некоммерческой организации.

Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие имеет прикладное значение, поскольку некоммерческие организации наделяются особым статусом со свойственным льготным режимом. Например, Указом Президента Республики Беларусь от 4 апреля 2006 г. № 194 утвержден перечень услуг в сфере культуры и искусства, обороты по реализации которых на территории Республики Беларусь освобождаются от обложения налогом на добавленную стоимость [4]. Среди услуг, подлежащих освобождению от уплаты налога, можно назвать проведение театральных и цирковых представлений, концертов, иных театрально-зрелищных мероприятий, фестивалей, творческих конкурсов, представление информации о проводимых театрально-зрелищных и культурно-просветительных мероприятиях путем распространения специализированной печатной продукции (программ на спектакли и концерты, буклетов); услуги по распространению входных билетов и абонементов на посещение театрально-зрелищных и культурно-просветительных меро-

приятый. Не облагаются налогом на добавленную стоимость такие услуги, как посещение музеев, проведение выставок, ярмарок народного творчества; услуги по осуществлению культурно-просветительной работы среди населения, услуги по обучению детей и подростков в детских художественных, хореографических и театральных школах, школах искусств, услуги детских аттракционов и др.

К льготному режиму также можно отнести установление более низких ставок государственной пошлины при осуществлении государственной регистрации юридических лиц (приложение 22 к Налоговому кодексу Республики Беларусь) [5]. Например, размер государственной пошлины за регистрацию некоммерческой организации в 10 раз меньше, чем за регистрацию коммерческой.

Установлены льготы для отдельных категорий некоммерческих организаций при заключении договоров аренды недвижимого имущества. Указом Президента Республики Беларусь от 23 октября 2009 г. № 518 «О некоторых вопросах аренды и безвозмездного пользования имуществом» предусмотрен перечень юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которым недвижимое имущество, находящееся в государственной собственности, а также в собственности хозяйственных обществ с долей собственности государства, предоставляется в безвозмездное пользование. Помимо этого, при определении арендной платы установлены обязательные к применению понижающие коэффициенты, например 0,1 – за площади, арендуемые государственными театрально-зрелищными организациями (объединениями), осуществляющими культурную деятельность и получающими субсидии и дотации из бюджета в размере более 50 процентов от общих доходов; некоммерческими организациями, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, для организации детских и юношеских спортивных секций и групп, детских театров, студий, танцевальных, литературно-художественных коллективов [6].

Некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку она необходима для их уставных целей, ради которых они созданы, соответствует этим целям и отвечает предмету деятельности некоммерческих организаций либо постольку она необходима для выполнения государственно значимых задач, предусмотренных в их учредительных документах, соответствует этим задачам и отвечает предмету деятельности данных организаций [1]. Сформулированные в ГК требования к предпринимательской деятельности некоммерческих организаций не содержат точных оценочных критериев, которые с уверенностью позволят расценить деятельность некоммерческой организации как

не соответствующую ее статусу. Для того чтобы расценить деятельность как основную, необходимо учесть такие факторы, как продолжительность, организация деятельности, интенсивность оказания услуг, выполнения работ, реализации товаров, объема прибыли и др. В настоящее время эти критерии используются судами при рассмотрении дел о незаконной предпринимательской деятельности граждан. Думается, что разработка и введение критериев оценки деятельности некоммерческих организаций необходимы для совершенствования деятельности некоммерческих организаций.

Белорусское законодательство, так же как и российское, принцип деления юридических лиц основывает на декларируемых целях и не содержит норм об ответственности юридических лиц за нарушения, допущенные в ходе осуществления деятельности, при отклонении от соблюдения условий предпринимательской деятельности. Единственным случаем ответственности некоммерческих организаций может рассматриваться ответственность религиозных организаций за осуществление внеуставной деятельности, предусмотренная ст. 9.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Однако, принимая во внимание, что данное правонарушение установлено в главе 9, касающейся административных правонарушений против здоровья, чести и достоинства человека, прав и свобод человека и граждан, можно сделать вывод, что установление запрета на внеуставную деятельность религиозных организаций направлено на защиту не экономических интересов общества, а морального здоровья населения.

Для осуществления общественно значимой деятельности некоммерческим организациям предоставлены некоторые преференции. Соответственно если некоммерческая организация проводит деятельность, не отвечающую установленным требованиям, то такая организация не может рассчитывать на государственные льготы. Ответственности за несоблюдение требований о характере и объеме экономической деятельности некоммерческими юридическими лицами в белорусском законодательстве нет, а в зарубежном праве встречается. В зарубежной правовой литературе запрет на распределение прибыли в некоммерческих организациях, прежде всего благодаря работам Генри Хансманна, получил наименование «ограничение на распределение» или «недистрибутивное ограничение». На практике, например, § 43 Гражданского уложения Германии содержит норму, согласно которой «объединение, цель которого в соответствии с уставом не направлена на ведение предпринимательской деятельности, может быть лишено правоспособности, если будет преследовать такую цель» [7, с. 6]. На сегодняшний день запрет распределять по-

лученную прибыль между учредителями только декларируется законодательством в качестве ограничителя участия некоммерческих организаций в предпринимательской деятельности на профессиональной основе. Естественно, если некоммерческая организация, получившая свободу действий, превращает свою деятельность в торговлю или иным способом осуществляет приращение капитала в пользу учредителей, она не должна пользоваться предоставленными государством преимуществами перед иными членами рынка и соответственно должна изменить свой статус.

Таким образом, установленное законом ограничение предпринимательской деятельности имеет неясный характер и вызывает затруднения на практике. В целях совершенствования

правового регулирования деятельности некоммерческих организаций предлагаем в законодательство включить нормы о пределах допустимой предпринимательской деятельности для некоммерческих организаций, а также ввести ответственность за нарушение требований, установленных к деятельности. В качестве критерия оценки деятельности может выступать соотношение объема доходов от предпринимательской деятельности и расходов организации за определенный отчетный период. Некоммерческие организации, организующие предпринимательскую деятельность в нарушение установленных требований, должны либо добровольно, либо в судебном (административном) порядке изменять свой правовой статус или прекращать свою деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей, 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 31 янв. 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
2. Аб культуры ў Рэспубліцы Беларусь: Закон Рэсп. Беларусь, 4 чэрв. 1991 г., № 832-ХІІ: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 18.05.2004 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2011.
3. Model provisions for laws affecting public benefit organizations [Electronic resource] / Mode of access: http://www.icnl.org/knowledge/pubs/Law_PBO_English.pdf. – Date of access: 15.10.2010.
4. Об утверждении перечня услуг в сфере культуры и искусства, обороты по реализации которых на территории Республики Беларусь освобождаются от обложения налогом на добавленную стоимость: Указ Президента Респ. Беларусь, 4 апр. 2006 г., № 194 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
5. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть): Закон Респ. Беларусь, 29 дек. 2009 г., № 71-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 4. – 2/1623.
6. О некоторых вопросах аренды и безвозмездного пользования имуществом: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 окт. 2009 г., № 518 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 261. – 1/11073.
7. Гражданское уложение Германии = Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz: пер. с нем.; науч. ред. А.Л. Маковский [и др.]. – 2-е изд., доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 816.

Дата поступления статьи в редакцию 12.05.2011

СУДЕБНЫЙ АСПЕКТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАТРАТ ДЛЯ ИСЧИСЛЕНИЯ НАЛОГА НА ПРИБЫЛЬ

КАСАЧ А.А.,

аспирант кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности юридического факультета Белорусского государственного университета

Настоящая статья посвящена вопросам разрешения судебных споров по налогу на прибыль. Анализируются подходы, сложившиеся в хозяйственных судах к оценке обоснованности затрат. Изучаются нормативные положения в части документального подтверждения затрат, относимых на себестоимость продукции, для целей налогообложения.

The present article is devoted to the issues of court decisions on the corporate income tax. The approaches to the estimation of legality of costs are analyzed. Legal rules of documental confirmation of costs, attributed to the cost of sales for the aims of taxation are investigated.

Введение

Хозяйственные суды Республики Беларусь, обеспечивая защиту прав и законных интересов как налогоплательщиков, так и государства, стремятся фундировать разумный баланс в данных правоотношениях. Вместе с тем судебная практика по данной категории дел свидетельствует о том, что не всегда позиция налоговых и контролирующих органов является единственно верной и обоснованной. В сегодняшних условиях, когда налоговое законодательство находится в состоянии перманентных трансформаций, нагрузка на хозяйственные суды по налоговым спорам возрастает многократно. В рамках общегосударственного курса на либерализацию условий осуществления предпринимательской деятельности, улучшения делового климата, снижения налогового бремени именно хозяйственным судам отводится одна из ведущих ролей по проведению этого курса в жизнь посредством защиты прав и законных интересов участников налоговых правоотношений и соблюдения действующего законодательства, недопущения вольного толкования и неверного применения нормативных предписаний, содержащихся в актах законодательства Республики Беларусь.

Основная часть

Одним из ключевых вопросов, который встает перед судом, является вопрос о признании обоснованными затрат, относимых на себестоимость продукции, что прямо влияет на определение налоговой базы по налогу на прибыль. В свою очередь любые затраты должны быть

подтверждены документально в силу требований, предъявляемых законодателем к ведению бухгалтерского учета, который носит сплошной и документальный характер. И что не менее важно, не всякие затраты могут относиться на себестоимость в силу императивных норм Налогового кодекса Республики Беларусь (Особенная часть) (далее – НК РБ) [1], вступившего в силу с 1 января 2010 г. Состав затрат, не учитываемых при налогообложении, приведен в пункте 1 статьи 131 НК РБ. Следует отметить, что национальный законодатель решил отказаться от формулирования исчерпывающего перечня затрат, учитываемых при исчислении налога на прибыль. Понесенные и документально подтвержденные расходы налогоплательщиков будут включаться в затраты, уменьшающие налогооблагаемую базу по налогу на прибыль, при условии, что они не включены в перечень затрат, запрещенных к вычету. Это безусловно является позитивным направлением в правовом регулировании взимания налога на прибыль. При этом согласно пункту 2 статьи 131 НК РБ решения о включении в затраты по производству и реализации товаров (работ, услуг) затрат, указанных в пункте 1 вышеуказанной статьи, принимаются Президентом Республики Беларусь. Это норма корреспондирует с подпунктом 1.3.2 пункта 1 Указа Президента Республики Беларусь от 28 марта 2006 г. № 182 «О совершенствовании правового регулирования порядка оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям» [2], согласно которому по решению Президента Республики Беларусь государственная поддержка оказывается индивидуально

и может быть оказана в виде предоставления дополнительного по отношению к установленному актами законодательства отнесения отдельных затрат по производству и реализации продукции, товаров (работ, услуг) к затратам, учитываемым при налогообложении. Иными словами, должен быть принят какой-либо индивидуальный правовой акт Президента Республики Беларусь, что на практике встречается весьма редко.

Обращает на себя внимание тот факт, что в пункт 1 статьи 131 НК РБ включен подпункт 1.26, исходя из смысла которого к составу затрат, не учитываемых при налогообложении, отнесены иные затраты, не связанные с производством и реализацией товаров (работ, услуг), имущественных прав, не учитываемые при налогообложении в соответствии с законодательством. Какие это затраты, непонятно. Подобные нормы во многом будут «способствовать» увеличению судебных споров относительно признания обоснованности уменьшения налоговой базы по налогу на прибыль.

После решения вопроса о допустимости затрат следующим организационно-правовым шагом является надлежащее документальное подтверждение затрат. Затраты по производству и реализации продукции, товаров (работ, услуг), учитываемые при налогообложении, определяются на основании документов бухгалтерского и налогового учета. Действующее законодательство Республики Беларусь предъявляет весьма жесткие требования к порядку составления первичных учетных документов, подтверждающих факт совершения хозяйственных операций. В соответствии с частью второй статьи 9 Закона Республики Беларусь от 18 октября 1994 года «О бухгалтерском учете и отчетности» (далее – Закон «О бухгалтерском учете и отчетности») [3] первичные учетные документы принимаются к учету, если они составлены по типовым формам, утвержденным Министерством финансов Республики Беларусь (для Национального банка Республики Беларусь, банков – Национальным банком Республики Беларусь), по формам, утвержденным республиканскими органами государственного управления, подчиненными Совету Министров Республики Беларусь, осуществляющими методологическое руководство бухгалтерским учетом и отчетностью организаций соответствующих отраслей экономики. При отсутствии утвержденных типовых форм (форм) или недостатке содержащейся в них информации организация принимает к учету самостоятельно разработанные и утвержденные первичные учетные документы, которые должны содержать следующие обязательные реквизиты:

- наименование, номер документа, дату и место его составления;
- содержание и основание совершения хозяйственной операции, ее измерение и оценку в

натуральных, количественных и денежных показателях;

- должности лиц, ответственных за совершение хозяйственной операции и правильность ее оформления, их фамилии, инициалы и личные подписи.

Абсолютное большинство таких документов является бланками строгой отчетности с соответствующими последствиями их прикладного применения. Следует отметить, что в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 января 2002 г. № 74 «О создании электронного банка данных об изготовленных и реализованных бланках первичных учетных документов и контрольных знаках» в нашей стране создан электронный банк данных об изготовленных и реализованных бланках первичных учетных документов и контрольных знаков, обязанности по его формированию и ведению возложены на республиканское унитарное предприятие «Белорусский межбанковский расчетный центр» [4]. Перечень первичных учетных документов, информация об изготовлении и реализации которых подлежит внесению в электронный банк данных об изготовленных и реализованных бланках первичных учетных документов и контрольных знаках, утвержден Министерством по налогам и сборам РБ [5].

Порой ненадлежащим образом составленный документ влечет отказ в признании законными затрат. Это позволяет налоговым органам доначислять налоги и привлекать субъектов предпринимательской деятельности к административной ответственности.

Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь (далее – ВХС РБ) в своих разъяснениях неоднократно обращал внимание судов на соблюдение требований действующего законодательства в части надлежащего оформления первичных учетных документов для признания их подлинными и соответствующими действительности.

Так, в частности, в своем письме от 18 июня 2004 г. № 03-25/1651 «О первичных учетных документах, подтверждающих совершение хозяйственных операций» ВХС РБ указывает, что первичными учетными документами, имеющими юридическую силу, подтверждающими приобретение (поступление) товарных материальных ценностей, служащими основанием для их оприходования у получателя, перевозчика, а также для складского, оперативного и бухгалтерского учета, являются товарно-транспортные накладные формы ТТН-1 (с использованием транспортных средств) (далее – ТТН-1) и товарные накладные формы ТН-2 (далее – ТН-2) [6]. При определении правильности заполнения форм ТТН-1 и ТН-2 суд в каждом конкретном случае должен оценивать обстоятельства дела применительно к требованиям статьи 9 Закона

«О бухгалтерском учете и отчетности». При этом необходимо учитывать, что первичные учетные документы, не соответствующие требованиям статьи 9 Закона «О бухгалтерском учете и отчетности», не могут подтверждать факт хозяйственной операции, поскольку не имеют юридической силы. В то же время наличие таких несоответствий не влечет автоматического аннулирования хозяйственной операции и доначисление налогов, должно оцениваться судом всесторонне в совокупности с другими доказательствами по делу с точки зрения объективности совершения самой хозяйственной операции. Данная позиция была обозначена в ряде иных официальных документов ВХС РБ [7–11]. Пункт 2 постановления Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 22 марта 2005 г. № 11 «О рекомендациях по оценке первичных учетных документов для целей налогообложения» определил, что вывод об отсутствии у первичного учетного документа юридической силы может быть сделан, в частности, при наличии следующих обстоятельств:

- документ составлен не по форме, содержащейся в альбомах унифицированных форм первичной учетной документации, либо по форме, не содержащейся в таких альбомах, но без обязательных реквизитов;
- документ оформлен от имени юридического лица или индивидуального предпринимателя, которые не зарегистрированы либо ликвидированы (прекратили деятельность) в установленном порядке;
- документ передан его владельцем другому юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю для совершения хозяйственной операции в нарушение запрета, установленного законодательством;
- документ выдан лицом, местонахождение которого не соответствует месту его государственной регистрации и (или) месту постановки на налоговый учет;
- документ имеет неоговоренные исправления, следы уничтожения части текста, оттиски поддельных печати или штампа и т.п. [12].

Следует отметить, что в белорусской практике разрешения налоговых споров в хозяйственных судах сложились определенные подходы к решению споров об отнесении на себестоимость тех или иных затрат. Отсутствие надлежаще оформленных первичных учетных документов очень часто влечет неблагоприятные последствия для налогоплательщиков, даже если реально затраты имели место быть. При принятии решения в пользу налоговых органов хозяйственные суды Республики Беларусь, как правило, руководствуются следующими соображениями:

- если общество с дополнительной ответственностью оприходовало товар на основании

первичных учетных документов, не имеющих юридической силы, то решение о доначислении налогов и взыскании экономических санкций, вынесенное ИМНС в связи с обнаружением данного нарушения в ходе проверки плательщика, является в таком случае законным и обоснованным [13];

- судом установлено, что юридическое лицо приняло к учету акты приемки выполненных работ и справки о стоимости, не соответствующие установленным требованиям к первичным документам (эти документы, как и сами договоры субподряда, не были подписаны) и что субъект хозяйствования субподрядные работы не производил. Таким образом, контролирующий орган обоснованно сделал вывод о недействительности первичных учетных документов и об отсутствии между сторонами договора хозяйственных операций [14];
- при рассмотрении направленного на новое рассмотрение кассационной инстанцией дела суд пришел к выводу, что ОДО использовало поддельные учетные документы для получения завышенных налоговых вычетов. Основания для удовлетворения требований ОДО о признании недействительным решения УДФР КГК о взыскании доначисленных налогов отсутствуют [15];
- факт принятия к учету товарных накладных, в которых отсутствуют обязательные для первичных учетных документов реквизиты, с точки зрения установленного порядка ведения бухгалтерского учета является необоснованным, влечет занижение налоговой базы, что в свою очередь приводит к наложению санкций. В случае установления судом таких фактов решение ИМНС о применении санкций является законным и обоснованным, а иск не подлежащим удовлетворению [16];
- в случае отсутствия у плательщика бухгалтерских документов ИМНС при проведении проверки вправе определить прибыль, подлежащую налогообложению по косвенному определению доходности конкретного вида предпринимательской деятельности, при этом суд не принимает во внимание доводы истца о том, что фактически норма его доходности была в проверяемый период значительно ниже, так как данный вывод не подтверждается соответствующими доказательствами и противоречит материалам, имеющимся в деле [17];
- если плательщиком не соблюдены требования законодательства об оформлении первичных учетных документов и ненадлежащим образом осуществлялся учет прибыли (дохода), то доначисление в таком случае ИМНС налогов и применение экономических санкций является правомерным и обоснованным.

ным. Однако в отношении размера санкций суд с учетом правил об обратной силе закона применяет нормативный правовой акт, который смягчает ответственность за совершенное правонарушение [18];

- так как спорные ТТН не подтверждают факт получения товаров от указанного в них продавца и не могут подтверждать затраты для целей налогообложения, следовательно, доначисление покупателю налога на прибыль, единого, транспортного и городского сборов произведено управлением Департамента финансовых расследований КГК обоснованно [19].

С другой стороны, не всегда выводы налоговых органов обоснованы и соответствуют законодательству. В таких случаях хозяйственные суды при принятии решений, как правило, руководствуются следующими соображениями:

- суд пришел к выводу, что факт занижения ООО налогооблагаемой базы по выполненным строительно-монтажным работам не нашел своего полного, ясного, объективного и документального подтверждения в акте проверки, в связи с чем принятое по результатам проверки решение о применении экономических санкций не отвечает требованиям действующего законодательства и признается недействительным с момента его принятия [20];
- субъект хозяйствования при принятии к учету стоимости товара, оформленного ТТН, обязан обеспечить проверку поступившего в бухгалтерию первичного учетного документа по его форме и содержанию. Суд признает недействительными решения ИМНС о взыскании налогов и сборов, пеней и экономических санкций, если материалами, представленными суду, не подтверждается наличие обстоятельств, позволяющих сделать вывод об отсутствии у первичного учетного документа (накладной) юридической силы [21];
- если ОАО представлены подлинные документы (договоры, счета-фактуры, накладные, статистические декларации), которые с достоверностью подтверждают получение и ввоз ТМЦ от субъектов предпринимательской деятельности Российской Федерации, а ИМНС не представлено суду доказательств, подтверждающих отсутствие факта получе-

ния и ввоза товара от хозяйствующих субъектов Российской Федерации, то суд удовлетворяет иск о признании недействительными решений ИМНС о взыскании налогов и применении экономических санкций [22];

- при принятии решения суд руководствуется фактами, подтвержденными надлежащим образом. Документальные доказательства закрепляются либо ссылками на конкретные документы бухгалтерского учета и другие документы, связанные с налогообложением плательщика, либо приложением (копий) к акту проверки. Свидетельские показания (объяснения) могут быть получены путем опроса, беседы либо проведения анкетирования с обязательным составлением заключения правоохранительных органов [23];
- если некоторые первичные учетные документы были приняты к учету плательщиком в соответствии с законодательством, то решение ИМНС о применении финансовых санкций за нарушение налогового законодательства подлежит отмене в части необоснованного неприятия к учету указанных первичных документов. Более того, с учетом изменений текущего законодательства, улучшающего правовое положение плательщиков, суд признает необоснованным взыскание экономических санкций в размере 10 процентов от причитающихся сумм налогов [24].

Заключение

Таким образом, с учетом изложенных фактов можно сделать вывод о том, что в практике хозяйственных судов Республики Беларусь сложились устойчивые подходы к разрешению судебных споров по налогу на прибыль. Основными требованиями, предъявляемыми национальным законодателем, являются наличие права на отнесение затрат по действующим законодательным актам Республики Беларусь и надлежащее документальное подтверждение данных затрат. Не всякое нарушение порядка составления первичных учетных документов влечет отказ в признании затрат обоснованными и законными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть): Кодекс Респ. Беларусь, 29 дек. 2009 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 4. – 2/1623.
2. О совершенствовании правового регулирования порядка оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 марта 2006 г., № 182 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
3. О бухгалтерском учете и отчетности: Закон Респ. Беларусь, 18 окт. 1994 г., № 3321-ХП // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 63. – 2/785.

4. О создании электронного банка данных об изготовленных и реализованных бланках первичных учетных документов и контрольных знаках: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 янв. 2002 г., № 74 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 13. – 5/9819.
5. О бланках первичных учетных документов, информация об изготовлении и реализации которых подлежит внесению в электронный банк данных об изготовленных и реализованных бланках первичных учетных документов и контрольных знаках: постановление Министерства по налогам и сборам Респ. Беларусь, 5 апр. 2002 г., № 43 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 50. – 8/8018.
6. О первичных учетных документах, подтверждающих совершение хозяйственной операции: письмо Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 18 июня 2004 г., № 03-25/1651 // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2004. – № 14.
7. Письмо Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, 6 апр. 2004 г., № 03-25/872 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
8. О проверке бланков ТТН: разъяснение Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 17 сент. 2008 г., № 03-29/1951 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
9. О сопроводительных документах: письмо Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 5 февр. 2007 г., № 03-29/194 // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2007. – № 4.
10. О сопроводительных документах: разъяснение Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 28 янв. 2006 г., № 03-29/183 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
11. О рассмотрении хозяйственными судами дел об экономических правонарушениях, влекущих конфискацию имущества, в связи с недействительностью полученных по сделке ТН, ТТН: разъяснение Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 30 июля 2003 г., № 03-25/1698 // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2003. – № 17.
12. О рекомендациях по оценке первичных учетных документов для целей налогообложения: постановление Президиума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 22 марта 2005 г., № 11 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
13. Решение Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, 12 нояб. 2004 г.: дело № 1/10-2004 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
14. Решение хозяйственного суда г. Минска, 4 авг. 2006 г.: дело № 366-5/06 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
15. Решение хозяйственного суда г. Минска, 15 июня 2006 г.: дело № 673-6/05 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
16. Решение хозяйственного суда Гомельской области, 6 марта 2006 г.: дело № 91-15/2003 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
17. Решение хозяйственного суда Гомельской области, 5 мая 2005 г.: дело № 34/14-2005 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
18. Решение хозяйственного суда Гомельской области, 10 мая 2004 г.: дело № 85-11 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
19. Решение хозяйственного суда Гомельской области, 14 мая 2008 г.: дело № 156-7/2008 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
20. Решение хозяйственного суда Могилевской области, 14 марта 2007 г.: дело № 20-5/2007 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
21. Решение хозяйственного суда г. Минска, 21 авг. 2006 г.: дело № 243-5/06 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
22. Решение хозяйственного суда Гомельской области, 29 апр. 2005 г.: дело № 115/8-2005 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
23. Решение хозяйственного суда Гомельской области, 10 февр. 2005 г.: дело № 292-15/2004-8 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
24. Решение хозяйственного суда Гомельской области, 26 апр. 2004 г.: дело № 74-17 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

Дата поступления статьи в редакцию 15.03.2011

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ КОДИФИКАЦИИ — УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СТАНОВЛЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВА КАК СИСТЕМЫ

ДРОБЯЗКО С.Г.,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Кодификация — самый древний и самый современный, самый эффективный способ системного упорядочения законодательства в процессе его кардинального совершенствования; это — квинтэссенция совершенствования права как системы и максимального обеспечения его доступности.

Возрастающей роли кодификации в жизни права, которая выражается прежде всего в количественном росте кодификационных актов, и посвящена данная статья. В качестве свидетельства этому автором приводится современная юридическая практика и многовековой исторический опыт развития и функционирования правовых систем мира.

Codification — is the most ancient and modern, most effective mode of system arrangement of the legislation in the process of its cardinal improvement; is the quintessence of improvement of the law as a system and of maximum provision of its availability.

The present article is dedicated to the growing role of the codification in the life of the law, which is worked out in the first place in proliferation of codification acts.

As evidence the author gives modern legal practice and a centuries-old experience of development and functioning of world legal systems.

Ныне в нашей республике действует 25 кодексов и еще три кодификационных проекта рассматриваются в парламенте. В 2008 году в электронном варианте подготовлен Свод законов Республики Беларусь. В 2009 году Президент подписал Декрет № 6 и Указ № 241, которые предусматривают приведение норм правовых актов Президента в соответствие с Бюджетным кодексом Республики Беларусь.

В Республике Казахстан в 2003 году приняты кодексы: Лесной, Земельный, Таможенный, Водный; в 2007 году — Трудовой, Экономический; в 2008 году — Бюджетный, Налоговый. Концепцией правовой политики Республики Казахстан на период до 2020 года определено 17 отраслей законодательства, правовое регулирование которых должно осуществляться кодексами.

Во Франции действуют кодексы: «Административный, общей собственности, коммуникаций, жилищного строительства, выборов, окружающей среды, госслужбы, Генеральный кодекс административно-территориальных образований, коллективных процедур, интеллектуальной

собственности, дорог, Аграрный, Лесной, Спортивный, урбанизма, страхования, Гражданский, Потребительский, Коммерческий, Уголовный, УПК, военной юстиции, публичного здоровья, семьи и социальной помощи, социальной безопасности, Трудовой, ГПК, Книга фискальных Налоговых процедур. Есть даже Конституционный кодекс, как и в Бельгии» [1, с. 51]. Начиная с 1948 года во Франции работает высшая комиссия по кодификации, принят декрет о кодификации всего французского законодательства.

Все более возрастающее значение обретает кодификация и в англосаксонской правовой системе. Очень авторитетный в Англии, да и во всем мире, родоначальник либеральной теории утилитаризма, автор знаменитых трудов по законодательству и его совершенствованию («Введение в принципы морали и законодательства», «Тактика законодательных собраний») И.Бентам в первой половине XIX века, утверждал, что право должно быть известно всем, а для того, чтобы его знали, кодификация абсолютно необходима. Он предложил английское «общее пра-

во» закрепить в кодексе как действующем праве по критерию предмета регулирования. Его идеи были реализованы в США. Американские кодексы, по утверждению К.Ф.Гуценко, «по существу это не кодексы в привычном <...> смысле слова, а разделы сводов законов <...> «очищенные» и расположенные по определенной схеме нормы соответствующих законов, действовавших к моменту завершения работы над разделом» [2, с. 115]. Процесс реальной кодификации в Англии всего семейного и уголовного права в начале 80-х годов прошлого столетия отметила и И.Ю.Богдановская [3, с. 120]. Основоположник теории действия в социологии Т.Парсонс назвал право «общим нормативным кодексом» всех социальных предписаний, регулирующих действия членов общества [4, с. 33]. Ю.А.Тихомиров и Э.В.Талапина подчеркивают, «кодексы занимают все более видное место в системе национальных законодательств» [1, с. 51].

Об усилении роли кодификации свидетельствует кодификационная активность не только на национальном, но и на региональном правовом уровне. С 5 апреля 2010 г. вступил в силу имеющий весьма важное значение для передвижения людей в Европе новый Визовый кодекс Евросоюза, который объединяет все существующие правовые нормы, регулирующие вопросы шенгенских виз и вводит общие правила, регулирующие условия и процедуры выдачи визовых документов. Кодекс гармонизирует нормы по обработке заявок и принятию визовых решений, проясняет содержание конкретных рубрик визовой заявки, расширяет перечень категорий граждан, которые освобождаются от платы за визу, повышает уровень прозрачности и правовой надежности, требует предоставления мотивированных ответов о причинах отказа в принятии визовых заявок, предоставляет гражданам право на апелляцию в случае негативного ответа, предъявляет новые требования к документам для въезда на территорию Евросоюза.

В международном праве с 1928 года действует Кодекс Бустаманте, регулирующий внешние экономические отношения, в четырех книгах, включающих международные гражданские, торговые, уголовные, процессуальные нормы, с 1996 года – Международный кодекс поведения государственных должностных лиц, Международный кодекс рекламной практики. Действуют также Кодекс поведения Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца и НПО при осуществлении операций помощи в случае стихийных бедствий и катастроф. Значительное количество международных кодификационных актов выражаются в конвенциях и иных источниках международного права. В системе ООН работает Комиссия международного права, занимающаяся прогрессивным его развитием и кодификацией. Анализируя правотвор-

ческую деятельность международных организаций, член-корреспондент АН СССР Г.Б.Старушенко подчеркнул: «...ООН и другие организации совершили в прямом смысле слова революцию в международном правотворчестве. Наиболее отчетливо это проявляется в кодификации международного права, которое сегодня полностью проводится в рамках международных организаций» [5, с. 154].

Кодификация возникла с формированием права как системы, исходя из насущных потребностей юридической практики, задолго до появления правовой науки. Еще в древних государствах в рабовладельческую эпоху, в частности в Вавилоне в 1914 году до н.э. устанавливаются систематизированные законы – Кодекс Хаммурапи, содержащий 282 статьи, упорядочивающие уголовные, гражданские и семейные отношения, в 559 г. до н.э. в Древней Греции – Законы Солона, закрепившие демократические государственные устои и гражданско-правовые отношения, в V веке до н.э. в Древнем Риме – Законы XII таблиц, системно урегулировавшие наиболее важные взаимоотношения между людьми.

В средневековую эпоху в условиях становления и развития феодальных отношений на территории бывшей Римской империи, завоеванной германскими племенами, в образовавшихся варварских королевствах в VI–VII вв.н.э. издается несколько судебных кодексов. В VI веке под руководством византийского императора Юстиниана осуществляется знаменитая кодификация в 50 книгах, в которых законодательно закреплены положения о праве, законе, функциях должностных лиц, статусе людей, сделках, браке, опеке и др. Кодификацию Юстиниана известный российский юрист И.А.Покровский назвал второй историей римского права. В Германии Кодекс Юстиниана был включен в правовую систему страны и действовал до вступления в силу в 1900 году Германского гражданского уложения. Во Франции действие Кодекса Юстиниана продолжалось до кодификации 1804–1820 гг. Кодификационные акты выражаются в различных формах: «правдах», «уложениях», «статутах», «сводах законов». В 1356 году императорским сеймом Священной Римской империи германской нации принимается Золотая булла, утвержденная германским королем и императором Священной Римской империи, которая действовала до 1806 года. В XIII веке начинается систематизация канонического права, базировавшаяся на идеях естественного права, которое церковь выставляла светской власти и считала соблюдение его принципов необходимым при формировании системы церковного права. К важнейшим принципам неотчуждаемых прав относились законность, равенство, справедливость, свобода договоров. В 1917 году опублико-

ван римско-католической церковью Кодекс канонического права.

Кодификация при рабовладельческом строе и феодализме являлась общеправовой, систематизирующей все действующее в стране законодательство до тех пор, пока в правовых системах не выкристаллизовались отрасли права, упорядочивающие однородные отношения и отрасли законодательства, регулирующие комплексы разнородных отношений, объединенных определенной сферой, а это произошло уже в условиях становления и упорядочения буржуазных, капиталистических отношений, когда кодификация стала осуществляться в основном по отраслевому принципу, что имеет место и в настоящее время. Начало такому кодификационному процессу положил знаменитый Гражданский кодекс Франции 1804 г. (Кодекс Наполеона). Этим кодексом Наполеон гордился больше, чем всеми своими военными победами. В этом ключе в XIX–XX веках кодификация осуществлялась во всех странах романо-германской правовой системы.

Кодификация на современном этапе имеет, конечно, свою специфику, обусловленную комплексом взаимодействующих факторов (экономических, технических, технологических, социальных, политических, идеологических, научных и других), особенностями эпохи как эпохи информационной, основанной на глубоких знаниях во всех регулируемых правом сферах жизни и деятельности людей в условиях глобализации, и характеризуется дальнейшим усилением ее роли особенно в связи с чрезмерным ростом нормативно-правового массива, объективной необходимостью повышения качества всего законодательства.

Современная кодификация в отличие от прежней общеправовой, систематизировавшей все действующее в стране законодательство, является преимущественно отраслевой, осуществляемой не только в национальных правовых системах, но и в международном праве, не только официальная, но и неофициальная, свидетельствующая об объективной потребности дополнить официальную, не всегда обеспечивающую в силу разных причин своевременность кодификации. В частности, в США созданным в 1923 году Американским институтом права разработан «Свод права», не обладающий обязательной юридической силой, который содержит законодательство по всем правовым отраслям, а также их комментарии и систематизированные прецеденты. Обновляемые части «Свода права» переиздаются. Например, раздел «Право внешних сношений» переиздавался в 1952 и 1987 годах. Во Франции разработанные кодексы издаются различными изданиями.

Кодификация – процесс объективно обусловленный и объективно необходимый. Е.В.Кабатова верно подчеркнула: «В любой стране кодификация – результат объективной необходимости, история кодификации – это история решения назревших проблем» [6, с. 123]. Исключительно важная роль кодификации коренится в ее юридической природе, ее субстанции.

Какова же юридическая природа кодификации, как она характеризуется в справочной, научной, учебной литературе и законодательстве?

В справочной литературе кодификация определяется либо в переводе латинских терминов «codex» и «facio», либо «codificatio». Codex – это книга, систематизированный свод законов, facio – делаю. Codificatio – форма систематизации законодательства, в результате которой составляется кодекс [7, с. 305]. В Древнем Риме, где впервые в истории цивилизации в I–III вв.н.э. сформировалась юридическая наука, кодексом именовали книгу, состоящую из скрепленных вместе воощенных дощечек или папирусных листов, на которых содержались систематизированные предписания единого законодательного акта [8, с. 595].

В юридической литературе кодификацию именуют и формой коренной переработки действующих нормативных правовых актов, и особой содержательной формой их упорядочения, и эффективной формой систематизации, и видом правотворчества, и наиболее совершенным видом правотворчества, и важнейшим типом правотворчества, и способом качественного упорядочения законодательства.

Кодификация, по С.С.Алексееву, – «такой вид правотворчества, при котором обеспечивается системное нормативное регламентирование данного вида общественных отношений путем издания единого юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта (основ, кодекса), выражающего содержание и юридическую специфику структурно обоснованного подразделения системы права», ее главная особенность – системное правотворчество, наиболее высокий вид правотворчества [9, с. 254]. По И.Я.Дюрягину, кодификация – «это такой важнейший тип правотворчества, при котором издается единый юридически и логически цельный, внутренне согласованный нормативный акт (основы, кодексы), обеспечивающий наиболее полное обобщенное и системное регулирование определенной области общественных отношений», а ее основное назначение «... состоит в обеспечении наиболее полного правового регулирования определенной сферы общественных отношений путем издания логически стройных нормативных актов комплексного обобщенного характера» [10, с. 334]. С точки зрения Д.А.Керимова, кодификация – «это подготовительно-законодательная деятельность соответ-

ствующих кодификационных органов по внешней и внутренней обработке законодательного материала» [11, с. 115]. В.М.Баранов утверждает: «Под кодификацией понимается деятельность, направленная на систематизацию и коренную переработку действующего законодательства путем подготовки и принятия нового нормативного правового акта» [12, с. 224]. Детальнее определяет кодификацию А.С.Пиголкин: «Кодификация законодательства – это форма коренной переработки действующих нормативных актов в определенной сфере отношений, способ качественного упорядочения законодательства, обеспечения его согласованности и компактности, а также расчистки нормативного массива, освобождения от устаревших, не оправдавших себя норм» [13, с. 359]. Еще шире ее преподносит И.П.Сидорчук: «Кодификация – это обусловленная потребностями экономического, политического, социального развития и усложнением механизма правового регулирования деятельность уполномоченных государственных органов по совершенствованию действующего законодательства с целью создания обобщающих нормативных актов, обеспечивающих целостное юридическое регулирование функционально и организационно обособленных, государственно значимых сфер общественных отношений либо основную их часть на более высоком качественном уровне» [14, с. 31]. Н.В. Сильченко же полагает, что «кадыфікацыя – гэта такі від дзейнасці ў сферы права, у якім арганічна спалучаюцца элементы праватворчасці, нарматворчасці і сістэматызацыі» [15, с. 517]. А по Д.В. Чухвичеву, кодификация – это «особый вид систематизации законодательства, представляющий собой выражение норм права, содержащихся в систематизируемых нормативных правовых актах и иных формах права, в новом едином комплексном законодательном акте, официальное признание и утверждение которого лишает законной силы все систематизируемые акты» [16, с. 5]. Согласно В.С.Каменкову, «кодификацию можно определить как своеобразный вид систематизации законодательства, выражающий нормы права, содержащиеся в группируемых нормативных правовых актах, в одном новом кодифицирующем правовом акте» [17, с. 299].

Ю.А.Тихомиров и Э.В.Талапина подчеркивают, что «в настоящее время <...> в научной литературе кодификация традиционно рассматривается в широком смысле как деятельность по систематизации и коренной переработке действующего законодательства путем разработки и принятия нового нормативного правового акта» [1, с. 48].

В Законе Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» определяется: «Кодификация – вид систематизации нормативных правовых актов, сопровождающийся переработкой установленного ими содержания правового регулирова-

ния путем объединения нормативных правовых актов в единый нормативный правовой акт, содержащий систематизированное изложение правовых предписаний, направленных на регулирование определенной области общественных отношений» [18].

Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г., исходит из того, что кодификация – это главный путь развития системы законодательства, позволяющий достичь единого юридически цельного регулирования в отраслях и институтах права [19].

Итак, в научной, а также учебной литературе, которая имеет не менее важное значение, чем научная, поскольку именно по учебникам подготавливаются будущие кадры, в том числе и для кодификационной работы, юридическая природа кодификации характеризуется и слишком лаконично, и весьма широко. Что же касается ее законодательного закрепления, то оно в основном отражает научную ее интерпретацию.

Современная сущностная характеристика кодификации хотя и является в целом обстоятельной, но нуждается в уточнении, в выявлении самого значимого, самого важного в ее юридической природе.

Главное в кодификации – не просто системность, а системность универсальная, глобальная, всеохватывающая внутреннеправовая и внешнеправовая, выражающаяся в целостности, в согласованном единстве, сложности и устойчивости элементов ее образующих высокоактивных структур во взаимосвязях и взаимодействиях, логичности, целеустремленности, целенаправленности в функционировании. Официальная кодификация – это наиболее совершенный метод глубокосистемного, всеобъемлющего, универсального, глобального упорядочения законодательства в процессе его кардинального совершенствования при разработке и принятии единого кодификационного законодательного акта (кодекса или свода законов) в духе принципов и закономерностей права. Кодификация всегда была, есть и будет самым эффективным способом повышения качества законодательства и доведения его до адресатов, что непосредственно обеспечивается природой акта, именуемого кодексом. Кодекс «отличает, во-первых, полнота регулирования отношений в какой-либо сфере, во-вторых, единообразие регулирования, в-третьих, закрепление основных юридических принципов, понятий и конструкций, в-четвертых, отражение крупных юридических теорий и концепций, в-пятых, лидирующее место среди иных законов и особое воздействие на все правовые акты и процесс правоприменения» [1, с. 48]. В.С.Каменков определяет кодекс как «систематизированный нормативный правовой акт, соз-

данный на основе переработки содержания и объединения большого количества (нескольких) нормативных правовых актов в единый нормативный правовой акт, обеспечивающий полное системное регулирование определенной области общественных отношений и имеющий большую юридическую силу по отношению к другим законам» [17, с. 298–299].

Теоретически и практически неоправданным является слишком широкое понимание некоторыми авторами кодификационного акта, включающего регламенты, инструкции, правила, уставы [14].

Всемирный опыт правовой жизни свидетельствует о том, что кодификация является реальной, устойчивой, объективно обусловленной и объективно необходимой тенденцией, то есть правовой закономерностью. Роль кодификации неизбежно возрастает по мере прогрессивного развития правовой системы, и это является универсальной генетической закономерностью, поскольку она действует и в процессе становления права как системы, и в ходе ее прогрессивного развития, и особенно в процессе функционирования права.

Возрастание роли кодификации обусловлено ее юридической природой, субстанцией права как суперсистемы, интегрирующей в себе, кроме собственно правовой системы, устойчивых регулируемых правом систем (политической, экономической и других). В конечном счете что все, реально окружающее нас, – это взаимодействующие системы, поскольку истинное, по мудрому утверждению Г.Гегеля, действительно только как система. Системность в природе и обществе является универсальной закономерностью неизбежного превращения хаотического состояния во взаимосвязанное и взаимодействующее структурное целостное его гармоничное соотношение с другими целостностями. Это – объективная реальность, объективная данность, наиболее последовательно проявляющаяся в природе, ибо если бы системности в природе не стало, она прекратила бы свое существование. Данная закономерность присуща и обществу, ее отсутствие предопределило бы его гибель. Но системность в обществе специфична в силу возможного проявления свободы воли человека в русле действия объективных законов. Разум человеческий, познание истинного значения системности усиливают реальную возможность ее неизбежной реализации в обществе. При этом системность наиболее емко наличествует именно в праве как самом значимом социальном феномене, самом интегративном явлении – верховенствующем социальном регуляторе, аккумулирующем в себе самое значимое для человека объективное и субъективное, природное и социальное, проявляющееся в субстанции права, его принципах и закономерностях, как и в принципах и закономерностях, регулируемых им взаимоотношений во всех жизненно важных сферах.

Гармонично, грамотно, эффективно регулировать системы, нуждающиеся в правовой регламентации, реально возможно только на основе свойств самой высокой системности, как внутриправовой, так и внешнеправовой, и их взаимодействия.

Сущностно-правовая системность включает в себя необходимость при кодификации исходить прежде всего из подлинной юридической природы права как политической справедливости, его принципов и закономерностей. К сожалению, это не всегда соблюдается. В частности, проявлением асистемности является разноречивое понимание сущности права, данное Конституционным Судом и Национальным собранием, несоблюдение в ряде случаев принципов права, что не могло не сказаться на нарушении системности нашего законодательства в целом.

Содержательно-правовая системность правовых норм коренится в их юридической природе. Системность – свойство правовой нормы [20, с. 20]. Правовые нормы – основной, исходный элемент системного строевого ряда [21, с. 10]. Если правовые нормы «не будут обладать свойствами взаимосвязанности и согласованности, то в соответствующей среде положительное право не сможет достичь своего назначения (причем не только в абсолютном смысле), оно окажется не способным регламентарно-упорядочивающим образом воздействовать на общественные отношения» [21, с. 6].

В процессе реализации содержательно-правовой системности необходимо исходить прежде всего из того, что право – это система не правил, а норм, истинное понимание которых сводится к тому, что норма – это образец, мерило, руководящее начало, масштаб, эталон, точное предписание, унифицирующее принципы, цели, средства и методы правового регулирования. Нормативность представляет собой множество разнородных норм, системно обобщенных.

В правовой системе, кроме норм-правил, имеются многочисленные нормы-дефиниции, нормы-цели, нормы-задачи, нормы-модели, нормы-рекомендации, нормы-стимулы, нормы-гарантии и другие нормы, не являющиеся правилами, но без них наличие права как системы немислимо, невозможно.

В русле содержательно-правовой системности важно иметь в виду весь спектр разновидностей норм:

их иерархический природный характер, норм первичных (природно-исходных постоянных) и производных (вторичных), общих и специальных, социальных и социально-технических, публичноправовых и частноправовых, императивных и диспозитивных и иных;

их точную принадлежность к структурным элементам правовой системы – институтам (субинститутам), отраслям (подотраслям) права

и законодательства – высшим звеньям системы, которые преимущественно теперь и кодифицируются;

точное определение действия норм во времени, пространстве и по кругу лиц, их юридических прав, обязанностей и гарантий;

важность обеспечения баланса между принципом минимизации текста кодифицируемого акта и оптимальным количеством отсылочных норм, избегая их чрезмерного излишества.

Доминантной является системность внешне-правовая, поскольку она выражает взаимодействие системы собственно правовой со всеми регламентируемыми правом системами, влекущее образование надсистемы, суперсистемы, метасистемы, большой системы систем – общесоциального интегративного, а потому верховенствующего, охраняемого государством регулятора, именуемого правом, осуществляющим упорядочение осознанных наукой и практикой наиболее важных общественных отношений, подконтрольных государству и обществу в объективно обусловленных пределах.

Системами, регулирующими правом, в современную эпоху в общесоциальном плане являются – экономическая, экологическая, политическая, идеологическая, информационная, в личностном аспекте человек – носитель всех регулируемых правом систем, как обособленная, самая сложная и самая значимая система, поскольку «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [22, с. 391]. Человек не только биосоциальное существо, но «еще и относительно самостоятельная автономнодействующая биоэнергетическая система» [23, ст. 2].

В системном правовом урегулировании регламентируемых систем чрезвычайно важно исходить, во-первых, из специфики природы этих систем, во-вторых, их закономерностей и принципов, в-третьих, реальных позитивных и негативных тенденций в регулируемых сферах, в-четвертых, конкретных условий в стране, в которых действуют объективные законы и принципы, а также прогрессивных перспектив их развития, в-пятых, реального уровня правового сознания населения, в-шестых, объективного характера глобализации и реальных тенденций во всемирном масштабе, в-седьмых, возможных негативных последствий реализации предписываемого регулирования, в-восьмых, необходимости предусмотрения правового эффективного механизма реализации правовых предписаний.

На современном этапе развития нашего общества особую тревогу вызывает системность в правовом обеспечении прогрессивного развития «знающей» (умной) экономики. Известные зарубежные и отечественные ученые отмечают в нашей экономике «чрезмерный и жесткий государственный контроль, который парализовал

кровеносные сосуды экономики и сделал ее слабо дееспособной... Нужна практическая переоценка парадигмы общественного прогресса – переход на новые принципы взаимодействия природы, общества и человека» [24, с. 16].

Декан экономического факультета БГУ, профессор М.Ковалев указывает на девять факторов, воспрепятствовавших переходу нашей экономики от постиндустриальной экономики к экономике знаний: «Во-первых, производительность труда росла медленнее зарплаты <...> что стало одной из причин снижения рентабельности продукции. Во-вторых, снижение энергоемкости не могло происходить так же быстро, как Россия повышала нам цену на энергоносители. В-третьих, устаревшая система бухучета и запутанная система налогообложения. В-четвертых, модернизация и переход к экономике знаний осуществлялись больше административным путем, а не созданием стимулов рыночной и деловой активности. В-пятых, низкой осталась норма сбережений населения. Только каждый 25-й рубль идет в депозиты, остальные – на потребление... В-шестых, потребление импорта <...> стимулировалось валютными кредитами... В-седьмых, кредитование банками осуществлялось либо за счет депозитов других предприятий, либо за счет эмиссии, что вызвало повышенную инфляцию и, следовательно, высокую цену денег. В-восьмых, высокая цена кредитов перекачивает ресурсы из реального сектора в банковский. В-девятых, если «оборотка» и зарплата заимствуются у банков, то образуется порочный круг работы на банк без стратегической перспективы» [25, с. 4].

При этом автор предлагает убрать из балансов госпредприятий накопившуюся и иногда скрытую под разными облигациями проблемную задолженность и передать ее Агентству по приватизации и инвестициям, разделить функции государства по регулированию рынков и функции государства как собственника своих предприятий, вместо косметических упрощений процедур бухучета пойти на одноразовый переход на международные правила и стандарты [26, с. 5]. В более масштабном аспекте в периодической печати подчеркивается «... необходимость преобразования экономики страны на основе разработки комплексной программы реформирования хозяйственного механизма, подготовленной объективными силами ученых и практиков» [26, с. 5].

Реальным и эффективным способом решения насущных экономических проблем является кодификация хозяйственного законодательства.

Наше экономическое законодательство, к сожалению, не кодифицировано, не упорядочены системно современные отношения производства, обмена, распределения, потребления на основе многообразных паритетных форм собственности, свободной конкуренции, приоритетной со-

циальной направленности. Экономические кодексы в том или ином варианте приняты во многих цивилизованных государствах. В США действуют Единообразный торговый кодекс, Кодекс о банкротстве, Свод договорного права, в Казахстане – Экономический кодекс, в Украине – Хозяйственный кодекс, во Франции – Коммерческий. Настоятельную необходимость принятия в нашей стране Хозяйственного кодекса и каким он должен быть обстоятельно обосновал Председатель Высшего Хозяйственного суда, профессор В.С.Каменков [27, с. 2].

Недосистемность, недоучет всех факторов, значимых для упорядочения соответствующих отношений, и асистемность, несоблюдение в ряде случаев при правовом урегулировании, в особенности при усеченном, а значит неправильном понимании природы права, нарушении некоторых его принципов, принижении роли правового закона как основы всего правотворчества и других принципов привели к тому, что в нашем законодательстве появились, как отмечается в концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, разбалансированность отдельных частей системы законодательства, наличие значительного числа дублирующих и в ряде случаев противоречивых актов, регламентация законом малозначительных вопросов, неполный учет степени правовой урегулированности соответствующих общественных отношений, большое количество отсылочных норм, искажение норм законов в отдельных нормативных правовых актах более низкого уровня, внесение многочисленных изменений и дополнений либо отмена их после принятия, слабость механизма реализации международных договоров, недостаточная доступность в понимании всеми слоями населения нормативных правовых актов [17, с. 297].

Именно кодификация как главный путь развития системы законодательства призвана способствовать устранению ненадлежащего качества нормативных правовых актов, множественности действующего законодательства в конкретных сферах его применения, пробелов и коллизий, отсутствия взаимосвязи и согласованности нормативных правовых актов, наличия фактов неоправданного расширения ведомственного нормотворчества, зачастую изменяющего смысл актов, обладающих большей юридической силой, игнорирования научной технологии подготовки нормативных правовых актов [19].

При осуществлении качественной кодификации особую значимость имеет соблюдение ее принципов или, по выражению некоторых правоведов, основных принципов. В частности, И.П.Сидорчук к основным принципам кодификации относит конституционность, обеспечение преемственности в развитии законодательства, обеспечение системности самой кодификационной деятельности, демократизм, планирование, гласность, научность, профессиональный уровень подготовки тех лиц, которые занимаются кодификацией [28, с. 11–12].

Некоторые авторы к принципам кодификации относят своевременность проведения кодификации, ее полноту, единую ее направленность. Однако надо иметь в виду, что преемственность – это закономерность развития законодательства, а не принцип кодификации. Конечно, в процессе кодификации необходимо обязательно руководствоваться действием объективного закона преемственности, но не только его, а и всех закономерностей развития права и особенно его функционирования, прежде всего основного закона – стимулирования социально полезной активности субъектов правовых отношений.

Что же касается принципа своевременности проведения кодификации, то он, как правило, в современной юридической литературе преподносится в традиционной интерпретации: кодифицировать нужно тогда, когда систематизируемая часть законодательства «созрела», когда она закончила свое формирование в качестве отрасли, подотрасли, института, субинститута, когда серьезные изменения в соответствующей области становятся маловероятными, игнорируя объективную реальность – бурное непрерывное развитие социума по пути социального прогресса и неизбежное «следование» за ним правового упорядочения меняющихся общественных отношений. В силу этого кодифицировать надо не «в конце», а «в начале» формирования определенной системной структуры. Иначе придется ждать «созревания» до бесконечности, «утопая» во все возрастающем нормативном массиве.

Принцип единой направленности зачастую интерпретируют усеченно – лишь в плане предмета, то есть рода регулируемых общественных отношений и метода их упорядочения, не включая в «единую направленность» регулируемую сферу – комплекс взаимосвязанных родов общественных отношений, а также их видов при институциональной кодификации.

В числе принципов кодификации следует еще иметь в виду принципы:

- 1) соблюдения приоритета общепризнанных принципов международного права;
- 2) соблюдения требований юридической техники;
- 3) минимизации текста кодифицируемого акта при исчерпывающей определенности наличия всех его системно взаимосвязанных принципов и норм;
- 4) доступности кодифицируемых норм.

Кодификация является не только видом систематизации законодательства, но и самым эффективным способом его коренного совершенствования, системообразующим фактором, постольку в кодификационной работе необходимо строжайше соблюдать все ее принципы, а также принципы правообразования, правотворчества, правоустановления, законодательной деятельности, правовой законности, правового порядка, права вообще, его социально-правовые и собственно правовые принципы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихомиров, Ю.А. О кодификации и кодексах / Ю.А. Тихомиров, Э.В. Талапина // Журн. Рос. права. – 2003. – № 3. – С. 47–54.
2. Гуценко, К.Ф. Систематизация законодательства в США / К.Ф. Гуценко // Информ. о законодательстве зарубежных стран. – Вып. 63. – М., 1971. – 103 с.; Боботов, С.В. Кодификация и систематизация законодательства США / С.В. Боботов // США: политика, экономика, идеология. – 1973. – № 10. – С. 115–121.
3. Богдановская, И.Ю. Систематизация английских законов: консолидация против кодификации / И.Ю. Богдановская // Советск. гос-во и право. – 1986. – № 2. – С. 115–121.
4. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
5. Старушенко, Г.Б. Правотворческая деятельность международных организаций: рец. на кн. Н.Б. Крылова / Г.Б. Старушенко // Гос-во и право. – 1990. – № 4. – С. 154.
6. Кабатова, Е.В. Кодификация международного частного права в странах Западной Европы / Е.В. Кабатова // Советск. гос-во и право. – 1991. – № 8. – С. 121–128.
7. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. – М., 1949. – С. 805.
8. Советский энциклопедический словарь / глав. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд. – М., 1985. – С. 1209.
9. Алексеев, С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев. – Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1982. – 360 с.
10. Проблемы теории государства и права: учеб. / под ред. С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1987. – 447 с.
11. Керимов, Д.А. Законодательная деятельность Советского государства / Д.А. Керимов. – М., 1995. – 216 с.
12. Теория права и государства: учеб. / Под ред. проф. В.В. Лазарева. – М.: Право и закон, 2001. – 520 с.
13. Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 832 с.
14. Сидорчук, И.П. Кодификация законодательства – приоритетное направление его совершенствования / И.П. Сидорчук. – Минск: БИП – Ин-т правоведения: проблемы и перспективы, 2006. – С. 31–47.
15. Сільчанка, М.У. Агульная тэорыя права / М.У. Сільчанка. – Гродна, 2008. – 518 с.
16. Чухвичев, Д.В. Кодификационные акты, их специфика и значение в системе права / Д.В. Чухвичев // Гос-во и право. – 2009. – № 8. – С. 3–7.
17. Каменков, В.С. Нужен ли Хозяйственный кодекс Республики Беларусь? / В.С. Каменков // Право в совр. белорус. о-ве: сб. науч. тр. – Вып. 5. – Минск: Право и экономика, 2010. – С. 297–303.
18. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 46. – 1/3636.
19. О концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 46. – 1/3636.
20. Мурашко, Л.О. Нормотворческое пространство: проблемы правообразования в Республике Беларусь / Л.О. Мурашко. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 205 с.
21. Азми, Д.М. Структурное строение системы права: теор.-метод. анализ / Д.М. Азми // Гос-во и право. – 2010. – № 6. – С. 5–13.
22. Право и культура: моногр. / Рос. ун-т Дружбы народов, М-во юстиции РФ, Рос. правовая акад. / В.С. Нерсесянц [и др.]. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 423 с.
23. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – С. 4–28.
24. Безопасность человека: учеб.-метод. пособие / под ред. Л.Н. Шершнева. – М., 1994. – 216 с.
25. Бобков, В.А. Grimасы двуликого Януса. Историко-философский взгляд на глобальный кризис / В.А. Бобков, И.Я. Левяш // Сов. Белоруссия. – 2009 г. – 23 апр. – С. 4.
26. Ковалев, М. Дело роста / М. Ковалев // Сов. Белоруссия. – 2010. – 4 мая. – С. 5.
27. Лученок, А. Нужен комплексный подход / А. Лученок // Сов. Белоруссия. – 2009. – 23 апр. – С. 2.
28. Бондарь, Т. Основные направления совершенствования нормотворчества в Беларуси / Т. Бондарь // Юстыцыя Беларусі. – 2002. – № 3. – С. 11–12.

Дата поступления статьи в редакцию 02.06.2011

УДК 342.5

ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ» И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПРОГНОЗОМ, ПЛАНОМ, ПРОГРАММОЙ

ЛЕВКО П.И.,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

В статье рассматривается понятие социального проектирования как средства решения социально-экономических проблем, а также научного управления общественным развитием, дается определение его признакам. Устанавливается взаимосвязь между социальным проектом, являющимся конечной целью процесса проектирования, прогнозированием достижения желаемого результата и планированием комплекса мероприятий, направленных на своевременную и наиболее эффективную реализацию проекта. Затрагиваются вопросы воплощения социальных проектов в виде государственных программ. Обосновываются предложения о необходимости пересмотра механизма составления и реализации государственных программ.

The article deals with the concept of social projection as a means of solving social and economic problems and scientific management of social development. It defines attributes of social projection, establishes connections between the social project, which is the ultimate goal of the design process, prognosis of the achievement of the desired result, and the planning of complex measures aimed at opportune and the most efficient implementation of the project. The proposals of the need to revise the drafting and implementation of state programs are substantiated.

Понятие «социальное проектирование» достаточно часто используется в научной литературе и публикациях иного рода для обозначения того факта, что стоящие перед обществом проблемы будут решаться путем «проектирования», то есть описания «желаемого состояния», либо «конструирования» решения проблемы посредством выявления проблемы, ее анализа и поиска оптимального решения.

Под конструированием понимается интеллектуальная деятельность, состоящая в целенаправленном построении в идеальной форме какого-либо объекта, который не является преднамеренным воспроизводством другого объекта [1, с. 69]. Разновидностью конструирования является проектирование. В данном случае социальное проектирование рассматривается как средство решения социально-экономических проблем, а также научного управления общественным развитием, в отличие от использования данного понятия в узком смысле в целом ряде случаев, когда под «социальным» подразумевается объект, относящийся только к сфере образования, воспитания, здравоохранения и т.д.

Под проектированием можно понимать «процесс создания конкретных образов будущего,

конкретных деталей разработанных программ» [2, с. 42], составную часть управления, которая «позволяет обеспечить осуществление управляемости и регулируемости некоторого процесса» [3, с. 6], как «обоснованное конструирование с целью воплощения в жизнь отвечающего заданным требованиям предмета, результатом которого является идеальная (мысленная) модель данного предмета, выраженная в определенной знаковой форме» [1, с. 74]. Исходя из этих определений проектирования определим его признаки. К ним относятся:

- научная обоснованность;
- практическая реализуемость;
- актуальность;
- конкретность;
- новизна.

Научная обоснованность.

Следует различать научно обоснованные проекты и проекты, не имеющие научного обоснования. «Научное обоснование представляет собой описание, объяснение и предсказание при конструировании характеристик объекта на основе знания законов социальной действительности» [1, с. 80].

Для научно обоснованного социального проектирования характерен учет всего комплекса факторов, влияющих на построение желаемого социального будущего, конструктивных особенностей этих факторов, имеющихся средств построения желаемого будущего, законов и тенденций общественного развития, принципов и правил проектирования, от которых зависит осуществимость проектов. Построение желаемого будущего без применения обоснования не является социальным проектированием, хотя все это, несомненно, разновидность конструирования.

Практическая реализуемость.

Социальный проект является активным представлением о желаемом будущем, поскольку цель разработки проекта – его воплощение в жизнь. Наличие определенного набора ресурсов является необходимым условием практической реализации социального проекта, что необходимо учитывать в процессе его разработки.

Актуальность и конкретность.

Социальный проект отличается от других представлений о желаемом будущем научной обоснованностью характеристик желаемого социального будущего, ориентированностью на целенаправленное практическое решение социальных задач. Поэтому социальный проект должен быть актуальным, то есть реализован в определенном временном интервале и на определенной территории. Кроме того, решение социальной задачи не должно быть общим желаемым результатом, а содержать конкретное описание желаемого состояния с учетом всех вышеперечисленных особенностей.

Новизна.

Новизна выражается в наличии характеристик, которые отражены в социальном проекте и которыми проектируемый социальный объект не обладал на стадии своей разработки.

Из сказанного выше следует, что социальное проектирование – это научно обоснованная деятельность, направленная на построение в близком или отдаленном будущем конкретной актуальной организации социальных связей в различных сферах и на разных уровнях совместной жизнедеятельности.

Результатом и конечной целью социального проектирования является социальный проект – выраженная в соответствующей знаковой форме (словесного описания, блок-схемы, графы, матрицы, сети взаимодействий) идеальная модель, сконструированная в соответствии с заданными требованиями и намеченной к построению организации социальных отношений [1, с. 76]. Слово «проект» достаточно широко используется в современном обиходе. Однако в это понятие вкладывается неоднозначный смысл,

который зачастую зависит от сферы употребления. В отечественной практике это понятие до недавнего времени использовалось преимущественно в технической сфере. А сам процесс разработки назывался проектированием. В зарубежной литературе для обозначения данного процесса проектирования используется термин «designing» (дизайн, проектирование здания, разработка изделия), а понятие «project» (проект) трактуется более широко.

Проект (лат. *projectus* – выступающий вперед) – прототип, прообраз предлагаемого объекта. В проекте разрабатываются и репрезентируются строение проектируемого объекта, схемы его функционирования, а также основные этапы и способы его изготовления. По материалу проект представляет собой чертежи и расчеты, макеты и другие графические и текстовые материалы, представленные или на бумаге, или в электронном виде.

Обобщая сказанное, можно определить социальный проект как систему знаков, находящихся в логической зависимости, выражающих научно обоснованные характеристики предполагаемых к построению социальных объектов, систем, процессов.

Такие специфические черты объекта социального проектирования, как его противоречивость, многовекторность развития, принципиальная неформализуемость, многофакторность бытия, позволяют нам выделять социальное проектирование в самостоятельный вид проектной деятельности. Кроме того, необходимо учитывать субъектную ориентацию социального проекта, которая проявляется в том, что его цели, задачи, содержание детерминированы нормативно-ценностной системой инициатора проекта. По мнению Г.А. Антонюка, «наличие интервала неопределенности в общественном развитии предоставляет широкий простор для действия субъективного фактора, для выбора людьми тех или иных средств и методов деятельности в зависимости от познания ими объективных законов» [1, с. 36].

Поскольку социальное проектирование – деятельность целенаправленная, то мы должны рассмотреть соотношение цели и проекта. Цель рассматривают как мысленное предвосхищение будущего результата деятельности и пути его достижения. Кроме того, отмечается регулятивный характер цели по отношению к конкретной деятельности. «Цель – это направленность социальной системы на достижение в соответствующей сфере общественной жизни того из вероятностно-возможных результатов, который отвечает ее интересу» [4, с. 133]. Она как бы синтезирует представления о потребностях, интересах, желаемом результате, путях и средствах его достижения. Проектирование является одним из средств конкретизации цели деятельно-

сти, но средством идеальным. Если цель является наиболее общим и всеобъемлющим представлением о направленности деятельности, то проект же будущего – это конкретизация представления о желаемом, рамки которого определены целью.

Поскольку проектирование ориентировано на будущее состояние объектов, возникает необходимость рассмотреть понятие «предвидение», а также сопоставить проектирование с прогнозированием.

Предвидение есть предположение о возможном состоянии явлений или мысленное формирование желаемого, мысленное предвосхищение будущего, всякая информация о нем. По мнению И.В.Бестужева-Лады, предвидение затрагивает две взаимосвязанные совокупности форм его конкретизации: относящуюся к собственно категории предвидения – предсказательную (дескриптивную, или описательную) и сопряженную с ней, относящуюся к категории управления, – предсказательную (прескриптивную, или предписательную). Предсказание подразумевает описание возможных или желательных перспектив, состояний, решений проблем будущего. Предсказание связано с собственно решением этих проблем с использованием информации о будущем для целенаправленной деятельности личности и общества. Предсказание выливается в формы предчувствия, предвосхищения, предугадывания, прогнозирования. Предсказание выступает в формах целеполагания, планирования, программирования, проектирования текущих управленческих решений [2, с. 49].

Предвосхищение, предчувствие, прогнозирование и другие формы предсказания – это дескриптивная информация о будущем. Целеполагание, проектирование, планирование – это прескриптивная, предсказательная информация. И та, и другая относятся к предвидению, только первая есть результат познания, а вторая – конструирования [1, с. 152].

Прогноз – вероятностное научно обоснованное суждение о каком-либо явлении в будущем; предвидение развития и исхода каких-либо событий, явлений на основании имеющихся данных.

Г.Н.Соколова определяет прогнозирование социологическое (социальное) как одно из направлений социологических исследований, результатом которых является научное предвидение хода социальных процессов, изменений в системе общественных отношений, преобразования социальных объектов и их структур, динамического развития социальных систем. Такое прогнозирование представляет собой: а) комплексное предвидение преобразования социальной среды под влиянием объективных и субъективных факторов; б) определение перспектив развития социальной сферы, то есть

всего, что связано с жизнедеятельностью общества и является предметом социального управления или социального регулирования; в) определение социальных последствий принятия тех или иных экономических или политических решений, непосредственно влияющих на пути развития общества [5, с. 795]. Главной задачей социального прогнозирования является разработка прогноза, который описывает будущее состояние системы, процесса либо объекта.

Выделяют два основных вида социального прогнозирования – поисковое и нормативное. Поисковые прогнозы – это такие разработки будущего состояния социальных систем, процессов и объектов, которые основаны на выявлении тенденций их развития с помощью ретро- и интроспективных методологий и пролонгировании этих тенденций при соблюдении определенных социально-экономических и политических условий.

Нормативный прогноз – определение путей и сроков достижения возможных состояний явления, принимаемых в качестве цели. Имеется в виду прогнозирование достижения желательных состояний на основе заранее заданных норм, идеалов, стимулов, целей. Такой прогноз отвечает на вопрос: «Какими путями достичь желаемого?» [2, с. 51]. Если в поисковом прогнозе движение идет от выявленных тенденций к заданной перспективе, то в нормативном прогнозе – это движение от будущего к настоящему.

Нормативный прогноз является самостоятельной процедурой прогностического исследования и проводится непосредственно за поисковым прогнозом. Для разработки нормативного прогноза применимы почти все методы, используемые в поисковом прогнозировании, и различие между нормативным и поисковым подходами заключается не в методике, а в логике исследования. В основе технологии разработки нормативного прогноза лежит иная и значительно более сложная идея, чем при прогнозном поиске. Если в поисковом прогнозе основу исследования составляет экстраполяция в будущее динамического ряда данных, закономерности развития которых в прошлом и настоящем известны, то в нормативном – это оптимизация (выбор наилучшего из возможных) значений этих данных по критериям, заранее заданным средствами целеполагания.

Скорректированный конкретный идеал играет роль обоснования нормативного прогноза и призван содействовать повышению эффективности его в плановых, программных, проектных, организационных разработках.

Социальное прогнозирование является важнейшим этапом социального проектирования. Отличительной особенностью социального прогнозирования является особенность формули-

ровки цели, которая «здесь носит сравнительно общий и абстрактный характер: она допускает большую степень вероятности» [3, с. 240]. Цель прогнозирования – на основе анализа состояния и поведения системы в прошлом и изучения возможных тенденций изменения факторов, влияющих на рассматриваемую систему, правильно определить вероятностные количественные и качественные параметры ее развития в перспективе, раскрыть варианты ситуации, в которой окажется система [3, с. 240]. Еще одна специфическая черта социального прогнозирования заключается в том, что оно не обладает директивным характером. Оно дает информацию для обоснования решений и конкретных планов, проектов, программ.

В социальном проекте будущее состояние объекта задано как желаемый его вариант, предназначенный к построению, а в предсказательном образе представлено объективно ожидаемое будущее. Прогнозирование есть описание вариантов ожидаемого исходя из тенденций развития социальных отношений. Проектирование есть конструирование вариантов оптимального с точки зрения целей будущего состояния объектов [1, с. 153].

Социальное проектирование следует отличать от схожих по значению понятий, таких как план и программа. В общем смысле под планом понимается «заранее намеченная система деятельности» [6, с. 520]; «заранее намеченная система мероприятий, предусматривающая порядок, последовательность и сроки выполнения работ, операций и т.д., объединенных общей целью» [7, с. 132]. Ж.Т.Тощенко рассматривает социальное планирование как «научно обоснованное определение целей, показателей и заданий (сроков, темпов, пропорций) развития социальных процессов и разработку основных средств их претворения в жизнь» [8, с. 66]. Данное определение планирования является слишком широким, поскольку планирование не должно заниматься определением целей и показателей развития социальных процессов. Целью планирования является реализация конкретных целей с определенными показателями, не их конструирование. То есть цель в планировании – определить, для реализации какого пункта проекта разработана та или иная совокупность действий.

Показатели спроектированной социальной организации общности являются исходным пунктом для разработки системы средств, обеспечивающих достижение данных показателей. Планирование – это процесс разработки комплекса мероприятий, направленных на своевременную и наиболее эффективную реализацию проекта.

Отсюда план можно определить как научно обоснованный комплекс мер, направленных на реализацию проекта путем указания в нем це-

лей, субъектов, последовательности, сроков и темпов.

В научной литературе нет однозначного определения понятия «программа». Программа понимается как планируемый комплекс экономических, проектных, социальных, технических, производственных и научно-технических мероприятий, направленных на достижение одной генеральной цели или одного генерального направления развития [9, с. 169]. В.Г.Афанасьев при рассмотрении сущности программы исходит из понимания ее как многоаспектного понятия. «В одном случае, программа служит основой или общим ориентиром в разработке планов (пятилетних, годовых). В другом случае, программы являются средством реализации планов» [10, с. 260]. Все эти определения отражают определенные стороны этого понятия, но не отражают полностью его сущности. Безусловно, программа разрабатывается с целью достижения общей цели, которая задает определенный вектор развития, то есть сужает рамки планируемых мероприятий. Кроме того, при разработке программы необходимо четко представлять тот желаемый результат, который необходимо достигнуть по итогам ее реализации, а также круг мероприятий организационного характера, направленных на достижение желаемого результата.

Следовательно, программу можно определить как комплексный документ, нацеленный на решение наиболее значимых и важных социальных проблем, связанных одной общей целью, содержащий в себе четко определенные сроки, темпы, последовательность реализации научно обоснованных конкретных желаемых результатов социальных преобразований.

Социальные проекты могут воплощаться в жизнь в различной форме, такой как «национальный проект» или «целевая программа». Р.Гумеров определяет национальный проект как «инструмент стратегического планирования, предназначенный для реализации национальных интересов (удовлетворения жизненно важных потребностей страны), обеспечивающий устойчивое развитие личности, общества и государства» [11]. И.В.Котляров отмечает, что «в ряде случаев понятие «программа» весьма близко к понятию «проект» и поэтому программно-целевое управление иногда называют управлением по проекту» [12, с. 87].

В Республике Беларусь достаточно крупные блоки общественных отношений, которые возводятся в ранг проблемы, регулируются различными программами. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 25 марта 2005 г. № 150 утверждена Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы [13]; Указом Президента Республики Беларусь от 21 февраля 2006 г. № 103 утверждена Государ-

ственная программа по борьбе с преступностью на 2006–2010 годы [14]; Указом Президента Республики Беларусь от 24 мая 2001 г. № 281 утверждена Президентская программа «Дети Беларуси» на 2001–2005 годы [15]. При этом белорусское законодательство не дает определения этой разновидности нормативных правовых актов. О программах говорится лишь в статье 40 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [16], где указывается, что государственные программы являются основой нормотворческой деятельности. Из анализа содержания ряда программ очевидна необходимость либо принятия новых нормативных актов, либо изменения и дополнения действующего законодательства. Однако в самих программах формулируется лишь проблема, общие и частные цели и задачи для ответственных субъектов в виде указаний о необходимости совершенствования законодательства, проведении организационно-методических, информационно-пропагандистских и профилактических мероприятий, организации научного сопровождения. Из этого нельзя сделать однозначного вывода о необходимости и достаточности организации тех или иных мероприятий. То есть отсутствует указание на четко разработанные социальные проекты, предназначенные для решения обозначенной в программе проблемы.

В связи с этим возникает необходимость пересмотра механизма составления и реализации государственных программ. При их составлении следует руководствоваться следующей логикой. В программе, помимо целей и общих задач, не-

обходимо указывать проекты, нацеленные на решение поставленных задач, и субъекты, ответственные за их создание. В проектах должны быть обоснованы конкретные меры, направленные на решение поставленных задач. После согласования и утверждения проектов необходимо составить план их реализации. Такой механизм позволит:

- централизовать координацию деятельности, что будет способствовать принятию более эффективных решений;
- установить причинно-следственные связи между всеми субъектами, задействованными в процессе, что позволит избежать противоречий и дублирования действий ответственных субъектов;
- организовать эффективный контроль для своевременного предупреждения отклонений в процессе достижения цели, прогнозирования последствий неверно принятых решений, а соответственно сокращения издержек при реализации проекта.

В конечном итоге, это должно привести к системной работе, которая будет построена следующим образом: задача – конкретный, реальный, обоснованный результат, который соответствует поставленной цели. А система взаимосвязанных результатов обеспечит решение общей проблемы.

В заключении сделаем следующий вывод: программа, проект, план, прогноз – это взаимосвязанные элементы единой системы, которая позволяет разрешить возникающие в обществе противоречия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонюк, Г.А. Социальное проектирование и управление общественным развитием: теоретико-методический аспект / Г.А. Антонюк. – Минск: Наука и техника, 1986. – 204 с.
2. Бестужев-Лада, И.В. Социальное прогнозирование: курс лекций / И.В. Бестужев-Лада, Г.А. Наместникова. – М.: Пед. об-во России, 2002. – 392 с.
3. Курбатов, В.И. Социальное проектирование: учеб. пособие / В.И. Курбатов, О.В. Курбатова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. – 412 с.
4. Яцкевич, А.Ф. Диалектика объективного и субъективного в проявлении законов общества / А.Ф. Яцкевич. – Минск: Изд-во БГУ, 1982. – 175 с.
5. Социология: энцикл. / сост. А.А. Гришанов [и др.]. – Минск.: Книжн. Дом, 2003. – 1312 с.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, М.Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М.: Рус. яз., 1985–1988. – Т. 3: П–Р. – 1987. – 752 с.
8. Тощенко, Ж.Т. Социальное планирование в СССР / Ж.Т. Тощенко. – М.: Политиздат, 1981. – 320 с.
9. Ириков, В.А. Программно-целевое планирование и управление: введ. / В.А. Ириков, Г.С. Поспелов. – М.: Сов. радио, 1976. – 440 с.

10. Афанасьев, В.Г. Общество: системность, познание и управление / В.А. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1981. – 432 с.
11. Гумеров, Р. Что делать с «приоритетным национальным проектом» развития агропромышленного комплекса? / Р. Гумеров // Рос. эконом. журн. – 2008. – № 3–4. – С. 3–14.
12. Котляров, И.В. Теоретические основы социального проектирования / И.В. Котляров; под ред. Е.М. Бабосова. – Минск: Наука и техника, 1989. – 188 с.
13. О государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 25 марта 2005 г., № 150: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.01.2007 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 52. – 1/6339; 2007. – № 16. – 1/8265.
14. О государственной программе по борьбе с преступностью на 2006–2010 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 21 февр. 2006 г., № 103: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.01.2007 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 35. – 1/7278.
15. О президентской программе «Дети Беларуси» на 2001–2005 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 24 мая 2001 г., № 281: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 26.07.2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 51. – 1/2686; 2004. – № 120. – 1/5716.
16. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.11. 2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 7. – 2/136; 2004. – № 175. – 2/1070.

Дата поступления статьи в редакцию 14.03.2011

СУЩНОСТНЫЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

ШАФАЛОВИЧ А.А.,

доцент кафедры теории права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук

Данная статья ставит вопрос об изучении важнейшего для теории юридических фактов аспекта, незаслуженно обойденного вниманием в правовой науке. Изучение сущностного аспекта теории юридических фактов выявило два взаимосвязанных момента: вопрос о сущности самих юридических фактов и вопрос о юридических фактах как сущности права. Автор последовательно излагает новые положения, сформулированные с учетом обзора исторического и современного знания в теории юридических фактов. Она опровергает ошибочный тезис о юридических фактах как о сущности права в целом, его отдельных подсистем, правоотношений, субъективного права, правовых связей. Вниманию читателя предлагается вывод: юридические факты выступают содержанием права (как общественного явления), формой его существования. Сущностью же самих юридических фактов выступает конкретизация правовых явлений, а точнее – конкретизация правовых свойств общественных явлений.

The given article brings the attention to the question on studying the major aspect for the legal facts theory, meanwhile it is bypassed by attention in the legal science undeservedly. Studying of essential aspect of the legal facts theory has revealed two interconnected moments: the question on essence of the legal facts and the question on the legal fact as essence of law. The author states the new position consistently. It is formulated in view of the historical and modern knowledge in the legal facts theory. She disproves the mistaken thesis about the legal facts as essence of law, its separate subsystems, juridical relations, subjective right, legal bond. The conclusion offered to the reader's attention is next: the legal facts act as a content of law, the form of its existence. The concrete expression of the juridical occurrences and, to be more precise, the concrete expression of their legal properties is offered as the legal facts essence.

Введение

Обращение внимания современного исследователя на сущностный аспект теории юридических фактов обнажает имеющий место парадокс. Дело в том, что при высоком уровне исследованности теории юридических фактов в современном праве (в общей теории права [1; 2] и отраслевом праве [3; 4]) сущностный аспект юридических фактов так и не привлек внимания современных правоведов. Между тем вопросы сущности исследуемого правового явления неизбежно выступают на первый план при разработке любой правовой теории и заслуженно относятся к разряду сложнейших в общей теории права.

В данной статье, продолжающей цикл публикаций автора о юридических фактах, рассматриваются два взаимосвязанных момента: сущность самих юридических фактов и понимание юридических фактов как сущности иного явления в современной теории юридических фактов.

Основная часть

Предметно исследовать сущностный аспект теории юридических фактов начали только недавно. Однако еще итальянские романисты второй половины XIX века обозначали их как составляющую часть правовой материи. Эта характеристика юридических фактов «лежала на поверхности», то есть была очевидна уже для первых исследователей этого явления и не требовала предметного анализа сущностного аспекта теории юридических фактов. В дальнейшем сущностная сторона теории юридических фактов также не стала предметом отдельного исследования, хотя спорадические высказывания на этот счет все же делались. Например, советский правовед С.Ф.Кечекьян считал, что юридические факты «во всех случаях являются условиями осуществления норм права» [5, с. 169].

Современные исследователи в качестве сущностной стороны юридических фактов выбрали «энергетическую». Так, А.В.Малько и К.В.Шун-

диков пишут о юридических фактах как о проводнике энергии норм объективного права [6, с. 110], что обоснованно вызывает критические отзывы других исследователей теории юридических фактов. По этому поводу С.А.Зинченко заявляет, что «взгляд на юридические факты как на «проводник» энергии норм объективного права только запутывает ситуацию» [7, с. 123]. Однако он же пишет, что «юридические факты, трансформируя «энергию» правосубъектности и норм объективного права, порождают, изменяют или прекращают конкретные правоотношения (права и обязанности)» [7, с. 93]. Но несмотря на противоречивость в изложении и выводах, именно позиция С.А.Зинченко представляет интерес среди новейших исследований, поскольку он единственный, кто предметно исследовал проблему сущности юридических фактов, в то время как остальные исследователи довольствуются такой сущностной характеристикой юридических фактов, как способность к возникновению правоотношения.

С.А.Зинченко отмечает интересное свойство юридических фактов: «Оказывается, между каждым из элементов механизма правового регулирования существует взаимосвязь: предыдущий элемент порождает (изменяет) последующий и одновременно реализуется в нем. Но и после такой реализации юридический факт по-прежнему остается «самим собой» в цепи правовых связей» [7, с. 122]. Обнаружение этого свойства – изменяя других, не изменяться самому – подталкивает автора к опрометчивому выводу: «Коль скоро юридические факты порождают или изменяют правоотношения, они предстают сущностью последних» [7, с. 122].

Однако философская категория «сущность», как отмечает профессор Ф.В.Цанн-кай-си, отвечает на вопрос, что есть вещь, а не что она делает. Сущность выражает то главное, что характеризует предметы, их внутреннюю, наиболее важную сторону, их основу, устойчивые внутренние связи и закономерности. «Под сущностью понимается единство внутренних, устойчивых, необходимых, существенных сторон в познаваемом объекте; это устойчиво остающееся неизменным в процессе развития исследуемого явления, его стержень, сердцевина» [8, с. 11, 95]. Свойство же юридических фактов порождать или изменять правоотношения отражает их соответствующую функцию, о чем свидетельствуют и другие высказывания исследователя: «юридические факты играют центральную, сущностную роль в возникновении, движении, прекращении права во всех его формах и модификациях», «юридические факты ... представляются сущностной стороной в движении права от одной ступени к другой» [7, с. 19, 91].

Далее С.А.Зинченко опять отходит от общепринятого понимания сущности явлений:

«В правоотношении юридический факт является сущностью конкретного права, а если точнее, организацией сущности второго порядка... Применительно к организации исходной сущности такую роль играют нормативные акты, а в отношении возникновения правоотношения такую роль выполняют юридические факты» [7, с. 13]. С нашей точки зрения, под сущностью самого субъективного права допустимо рассматривать правомочие, но никак не юридический факт.

Интересно, что С.А.Зинченко остался неудовлетворенным сущностной ролью юридических фактов в правоотношении и пошел значительно дальше: «Главное, что свойственно юридическим фактам, вне зависимости от места их расположения в цепи правового регулирования – это присущая только им способность обеспечить возникновение и движение права. Ни один элемент, звено правового регулирования не обладает этим свойством, в силу чего можно с полным основанием утверждать о юридических фактах как сущности права в целом и тех подсистем, которые они порождают и обеспечивают их движение» [7, с. 45].

Суть его научной позиции заключается в следующем тезисе: по причине широты, разнообразия и многоуровневости функциональных связей между юридическими фактами они являют собой самостоятельный элемент механизма правового регулирования. Это свойство – изменяя других, не изменяться самому – якобы подтверждает сущностную роль юридических фактов в движении правоотношений. По нашему мнению, если первое верно и обстоятельно доказано, то второе не вытекает автоматически из первого и вызывает вполне обоснованную критику.

Конечно, вопрос о сущности такого глобального, многопланового явления как право до сих пор остается открытым. В этом плане «ирония Канта по поводу того, что юристы все еще ищут определение права, актуальна и сегодня» [9, с. 23]. Под сущностью права в разное время понимались и справедливость, и свобода, и дух народа, и государственное принуждение, и правопорядок, и общественный интерес, и многое другое, но всегда намного более абстрактные, более емкие вещи, нежели юридические факты. Надо отметить, что термин «юридические факты» также нередко подвергался критике по причине своей абстрактности: чтобы быть сущностью права, юридические факты «мелковаты» и, как ни парадоксально, слишком конкретны. Единственная роль, на которую могли бы они претендовать в сущностном аспекте, на наш взгляд, это – содержание права, правовой материи как «конкретизации сущности» права [10, с. 12]. Выполнение такой роли юридическими фактами обеспечено их системообразующей и правообразующей функциями, о которых мы говорили ранее [11–13].

Таким образом, очевидна безосновательность мнения С.А.Зинченко по поводу юридических фактов как сущности права в целом, его отдельных подсистем, правоотношений, субъективного права, правовых связей («именно они выступают сущностью будущих правовых связей субъектов») [7, с. 93]. Это обусловлено не только противоречивостью мнения самого автора, витиеватостью изложения его научной позиции, но и простым заблуждением, которое не позволило различать взаимосвязанные, но не тождественные сущностную и функциональную стороны явлений.

Далее необходимо обратиться к другой стороне сущностного аспекта юридических фактов: выявление сущности юридических фактов напрямую связано с определением (дефиницией) и функциями этого явления. «Раскрывая сущность (субстанцию), мы даем ей определение, которое и есть понятие вещи» [8, с. 95]. Как писал Цицерон, юристы через термин выясняли суть явления (Сic., Тop., 5, 28).

К слову, вообще редкий исследователь удастывал юридические факты определения, не говоря уже об авторской, оригинальной дефиниции. Это повлекло некоторое пренебрежительное отношение законодателя к дефинированию этой важной для правового регулирования категории. В ст. 7 Гражданского кодекса Республики Беларусь содержится всего лишь намек на юридические факты, а не их законодательное определение, которое, будь оно адекватным реальным дня, обладает мощным, еще незадействованным сегодня потенциалом для правового регулирования.

Имеющиеся в правовой науке варианты определения и функции юридических фактов отражают их сущность, основное предназначение и свойство. Таковой является способность к правообразованию (в широком смысле, путем системобразования в праве). Поэтому она в совокупности с присущей только юридическим фактам способностью к движению правоотношения действительно отражает сущность юридических фактов (юридические факты – способ бытия права), но не является таковой в полном объеме. П.А.Якушев совершенно прав: «Способность порождать юридические последствия – ключевой признак юридического факта, но сводить к нему всю специфику юридических фактов как жизненных фактов нельзя. Только в совокупности рассмотренные нами признаки отражают сущность юридических фактов» [14, с. 15].

На наш взгляд, юридические факты можно оценивать не как сущность права, а как способ его существования, поскольку они составляют правовую материю. Все в праве можно «разложить» на юридические факты. Право не «живет» иначе как в форме юридических фактов. Хотя иногда приходится встречать высказыва-

ния, что «юридические факты, как правило, возникают и существуют помимо права, но придание им законодателем правового характера необходимо для их регулирования и упорядочивания» [15].

Поскольку юридические факты суть способ бытия права, то можно предположить, что сущность самих юридических фактов заключается в конкретизации правовых явлений, а точнее – конкретизации правовых свойств общественных явлений, обстоятельств. Последнее уточнение необходимо в виду того, что из всех сопутствующих общественному явлению (обстоятельству) свойств для оценки его в качестве юридического факта, а значит, для установления им правовых связей принимаются в расчет лишь самые ключевые для права характеристики. Все остальное «опускается» и характеризует социальный, исторический или иной факт. Таким образом, посредством юридического факта происходит, если можно так сказать, «якорение», фиксирование объектов правовой действительности для дальнейшего установления правовых связей и необходимой правовой оценки. Так как в правоотношении устойчивая и необходимая для порождения правовых следствий связь устанавливается между юридическими фактами [13], то последние выступают структурным элементом правоотношения. Все вышесказанное подтверждается функциями юридических фактов, в частности правообразующей (в широком смысле) и системобразующей [11–13].

И здесь мы снова натываемся на парадокс: ведь сама по себе мысль о юридических фактах как способе бытия права не нова. Романисты, стоявшие у истоков общетеоретического знания о юридических фактах, исподволь упомянувшие юридические факты как составляющую часть правовой материи, оказались ближе к правильному пониманию сущности юридических фактов, чем последующие поколения их исследователей, «обогащенные» отраслевым знанием о юридических фактах.

Заключение

Таким образом, при изучении сущностного аспекта современной теории юридических фактов были выявлены две тесно взаимосвязанные стороны:

во-первых, относительно юридических фактов как сути иного явления. Юридические факты выступают содержанием права как общественного явления, формой его существования;

во-вторых, относительно сущности самих юридических фактов. Сущностью самих юридических фактов выступает конкретизация правовых явлений, точнее – конкретизация правовых свойств общественных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полищук, Н.И. Эволюция и состояние теоретической модели взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01; 12.00.08 / Н.И. Полищук; Юрид. ин-т (СПб). – М., 2009. – 54 с.
2. Муругина, В.В. Дефектность юридических факторов как негативная черта правовой системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.В. Муругина; Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Саратов. Гос. акад. права». – Саратов, 2010. – 22 с.
3. Чеговадзе, Л.А. Система и состояние гражданского правоотношения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Л.А. Чеговадзе; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2005. – 43 с.
4. Рожкова, М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03; 12.00.15 / М.А. Рожкова. – М., 2010. – 54 с.
5. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян; Акад. наук СССР, Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 187 с.
6. Малько, А.В. Цели и средства в праве и правовой политике / А.В. Малько, К.В. Шундилов. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. акад. права», 2003. – 293 с.
7. Зинченко, С.А. Юридические факты в механизме правового регулирования / С.А. Зинченко. – М.: ИД «Волтерс Клувер», 2007. – 152 с.
8. Цанн-кай-си, Ф.В. Исторические формы бытия философии. Введение в философию как теоретическое мировоззрение: курс лекций / Ф.В. Цанн-кай-си. – Владимир: ВГПУ, 2003. – 386 с.
9. Зорченко, Е.А. Общая теория права: курс лекций / Е.А. Зорченко. – Минск: БГЭУ, 2002. – 146 с.
10. Дробязко, С.Г. Общая теория права: учеб. пособие / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – Минск: НО ООО «БИП-С», 2003. – 336 с.
11. Шафалович, А.А. Новый взгляд на теорию юридических фактов в римской юриспруденции / А.А. Шафалович // Юрид. журн. – 2008. – № 3. – С. 12–16.
12. Шафалович, А.А. Новое понимание функций юридических фактов на примере римского и современного права / А.А. Шафалович // Юрид. журн. – 2008. – № 4. – С. 23–27.
13. Шафалович, А.А. Системные связи с позиции теории юридических фактов / А.А. Шафалович // Право.by. – 2010. – № 4. – С. 176 – 180.
14. Якушев, П.А. Юридические акты и поступки как основания правоотношений: учеб. пособие / П.А. Якушев. – Владимир: ВГПУ, 2003. – 84 с.
15. Юридический факт // Википедия [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Юридический_факт. – Дата доступа: 27.01.2011.

Дата поступления статьи в редакцию 16.02.2011

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАУЧНЫХ РЕСУРСОВ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ГАРБУЗОВА Е.В.,

старший преподаватель кафедры истории и теории права Витебского государственного университета им. П.М.Машерова

В статье рассматриваются вопросы оптимизации использования научных ресурсов в процессе совершенствования законодательства Республики Беларусь на современном этапе. Делается вывод о необходимости усиления научной составляющей нормотворческого процесса, в том числе нормативного закрепления понятия, субъектов и порядка проведения правового мониторинга, активизации деятельности Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь в соответствующем направлении.

The article is devoted to the questions of scientific resources using in the processes of the national legislation improvement in the Republic of Belarus in modern period. The author gives a conclusion about the necessity of normative fixation of definition, subjects and order of conduction of legal monitoring, intensification of the National Centre of Legislation and Legal Researches of the Republic of Belarus activity in this field.

В современных условиях развития национального законодательства актуальной становится проблема привлечения к процессам совершенствования законодательства научных работников и использования результатов научных исследований в нормотворческой деятельности. Это обусловлено как усложнением общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, так и возникновением новых, которые должны получить соответствующее научное осмысление. В частности, А.А.Соколова утверждает, что одним из двух приоритетных направлений оптимизации системы национального законодательства Республики Беларусь является научное обеспечение подготовки законопроектов и также адекватный анализ динамики общественных отношений [1]. В связи с этим необходимо определить формы, в которых используются научные ресурсы при реформировании системы национального законодательства на сегодняшний день, и возможные пути повышения их эффективности. Следует отметить, что данным вопросам чаще уделяют внимание исследователи, изучающие проблемы социальной обусловленности права, его эффективности, ведь именно адекватный анализ и оценка условий возникновения и изменения правовых норм является одним из основополагающих условий создания действенного законодательства.

В целях данного исследования и в соответствии с законодательством Республики Беларусь и сложившейся практикой использование научных ресурсов предполагает привлечение научных работников к нормотворческой деятельности, апробацию результатов научной деятельности и (частично) проведение аналитических исследований.

Апробация результатов научной деятельности в процессе нормотворчества предполагает:

1) применение последних научных разработок к самому процессу нормотворчества (организации его стадий, формулировании правил нормотворческой техники и т.д.);

2) использование результатов исследований, статистических данных различных отраслей научных знаний для своевременного определения актуальных потребностей в правовом регулировании и удовлетворение этих потребностей посредством создания (совершенствования) нормативных правовых актов.

Формулировка социальных целей и определение возможностей и средств достижения этих целей, учет практической реализации актов законодательства как условия повышения эффективности нормативных правовых актов (то есть создание условий для повышения эффективности права как инструмента регулирования общественных отношений) невозможны без научного их осмысления и анализа [2]. При этом не-

обходимо как непосредственное участие ученых в разработке законопроектов, так и проведение конференций, круглых столов по актуальным проблемам правотворчества и правореализации с последующим применением выработанных в ходе их работы рекомендаций. В Беларуси, в частности, в целях совершенствования правотворческой деятельности и научных исследований в области права был создан в 1997 году. Национальный центр законопроектной деятельности при Президенте Республики Беларусь, который в 2007 году был реорганизован в Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (далее – НЦЗПИ) – научно-практическое государственное учреждение, обеспечивающее подготовку проектов законодательных актов, методическое руководство нормотворческой деятельностью, проведение научных исследований в области права и подготовку научных работников высшей квалификации [3]. Таким образом, была усилена именно научная составляющая процесса подготовки проектов нормативных правовых актов. Структура НЦЗПИ позволяет данному органу совмещать проведение научных исследований и внедрение их результатов непосредственно в ходе формирования планов подготовки законопроектов, разработки проектов законов.

На наш взгляд, данный способ должен более активно использоваться, особенно в процессе кодификации законодательства, так как результатом этого процесса становятся акты, призванные обеспечивать полное системное регулирование конкретной сферы общественных отношений. Научный анализ отрасли позволяет выявлять и прогнозировать тенденции ее развития, а учет этих тенденций позволит избежать многократного изменения и дополнения действующих нормативных правовых актов, а также обеспечить адекватность правового регулирования реалиям времени. Полагаем, что соответствующую структуру следовало бы создать, например, при Правительстве Республики Беларусь, однако на сегодняшний день данное положение не может быть быстро реализовано. На наш взгляд, необходимо сначала использовать соответствующие ресурсы НЦЗПИ, разработать методологию и методику использования научных ресурсов в нормотворческом процессе, а затем апробировать их, например, на уровне Министерства юстиции Республики Беларусь.

С вышеназванным способом связано проведение аналитических исследований и изучение правоприменительной практики заинтересованными государственными органами. В частности, НЦЗПИ разработаны Методические рекомендации по проведению аналитических исследований, в которых определены цели, порядок организации и проведения работниками данного учреждения изучения практики применения нормативных

правовых актов (правоприменительной практики). Кроме того, данный способ активно используется в работе Министерства юстиции Республики Беларусь, Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

В соответствии с Методическими рекомендациями по проведению аналитических исследований [4], подготовленными НЦЗПИ, целями проведения аналитических исследований являются: выявление необходимости совершенствования национального законодательства и выработка предложений по его осуществлению, изучение возможности заимствования зарубежного опыта нормотворческой и правоприменительной деятельности, в случае, если такое заимствование возможно, – определение его способа (полное или частичное) и др. Аналитические исследования являются необходимым и достаточно действенным инструментом в ходе подготовки проектов нормативных правовых актов для уяснения потребностей правового регулирования, обоснования выбора формы нормативного правового акта, разработки концепции и структуры проекта нормативного правового акта, выработки предложений по основным положениям текста проекта акта. При этом объектами аналитических исследований чаще всего выступают не только акты национального и зарубежного законодательства и практика правоприменения, но и правовые концепции, доктрины, учения по соответствующей проблематике. Результат исследования оформляется в виде краткой концепции проекта акта, информационного обзора актов, сравнительной таблицы, аналитического отчета и аналитической справки, докладной записки.

Проведение аналитических исследований, позволяет подготовить почву для дальнейшей нормотворческой деятельности и применения иных инструментов повышения качества законодательства. Применение результатов анализа разного рода информации, касающейся состояния подлежащих правовому регулированию общественных отношений и динамики их развития, результатов правового регулирования в конкретной сфере, оценка эффективности правового регулирования компетентными органами, организациями и учеными должны создавать необходимую информационную базу для применения в нормотворческом процессе таких инструментов, как планирование нормотворческой деятельности и прогнозирование результатов принятия нормативных правовых актов.

При этом следует обращать больше внимания не только на нормотворческую практику соседних государств, в частности Российской Федерации, что происходит чаще всего. Например, НЦЗПИ, обосновывая необходимость принятия Закона «О правовых актах Республики Бела-

рус», основывается на изучении опыта субъектов Российской Федерации (Москвы, Санкт-Петербурга, Калининградской области) и частично использует предложения Гродненского государственного университета о принятии Нормотворческого кодекса. Хотя, с нашей точки зрения, ревизия и инкорпорация актов, регламентирующих данную деятельность, позволили бы систематизировать соответствующие нормы, обеспечить большую их эффективность, так как говорить о формировании отрасли законодательства в сфере нормотворчества в Республике Беларусь и ее кодификации еще рано.

Правовой мониторинг представляет собой один из необходимых инструментов повышения качества, а следовательно, и эффективности принимаемых нормативных правовых актов [5, с. 147] и тесно связан с проведением анализа правоприменительной практики. Правовой мониторинг – это постоянный комплексный анализ правового пространства, представляющий собой системное наблюдение за реализацией законодательства (конкретного закона, нормативного правового акта) с целью оценки его эффективности и последующей оптимизации. Как отмечают исследователи, в ходе осуществления мониторинга «анализируется динамика достижения определенных результатов в ходе применения законов, накапливается информация, необходимая для оценки эффективности законодательства и дальнейшего его совершенствования» [6, с. 43]. В процессе мониторинга предполагается «реализация комплексного механизма оценки действующего законодательства, его соответствия задачам общества и государства, механизм выявления недостаточной эффективности нормотворческой деятельности органов публичной власти» [5, с. 147]. Таким образом, правовой мониторинг предшествует процессу совершенствования нормативных правовых актов в ходе нормотворчества.

В то же время в законодательстве Республики Беларусь не закреплены конкретные сферы и показатели, по которым должен проводиться правовой мониторинг, субъекты, формы, методики его проведения, инструментарий (методы), критерии оценки. Представляется полезным использовать опыт Российской Федерации в данном вопросе. В частности, Концепцией совершенствования законодательства г. Москвы от 9 апреля 2005 г. определено понятие правового мониторинга, закреплены основные формы его проведения, в частности подготовка правовых актов о мерах по реализации принятых законов, разработка системы правового мониторинга, изучение судебной практики по делам об обжаловании законов города, проведение социологических опросов о качестве законодательной работы, тесное взаимодействие с Прокуратурой г. Москвы, органами юстиции, внутренних дел,

другими правоохранительными органами по вопросам исполнения законов г. Москвы [6]. Кроме того, 20 мая 2011 г. Президентом Российской Федерации был издан Указ № 657 «О мониторинге правоприменения в РФ» [7]. Таким образом, правовой мониторинг должен включать в себя анализ информации, полученной применением социологических методов, что позволяет выявить социальную эффективность правовых норм, отношение к ним граждан государства, а это в свою очередь весьма важно для приведения действующего законодательства к соответствующему уровню.

Отдельные положения, касающиеся правового мониторинга, содержатся в белорусском законодательстве. В частности, в статье 77 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» говорится о том, что «качество, законность и эффективность действия нормативных правовых актов» определяют «нормотворческие органы (должностные лица) и иные уполномоченные специальные органы (лица)» «на основе контроля, надзора и проверки реализации нормативных правовых актов, анализа жалоб и обращений» [8]. Кроме того, НЦЗПИ «изучает практику применения нормативных правовых актов и осуществляет прогнозирование эффективности их применения» [8]. Полагаем, что необходимо уточнить компетенцию НЦЗПИ в рассматриваемой области, так как она, исходя из смысла данной статьи, представляется весьма широкой. На наш взгляд, целесообразным было бы предоставить НЦЗПИ право координации деятельности государственных органов по анализу эффективности действия нормативных правовых актов в соответствующих сферах. Кроме того, считаем необходимым уточнить формулировку о прогнозировании НЦЗПИ эффективности применения нормативных правовых актов, так как исходя из содержания указанной статьи неясно, какие нормативные правовые акты подразумевал законодатель: все действующие акты законодательства, создаваемые нормативные правовые акты или, возможно, лишь законодательные акты.

Кроме того, отдельные мероприятия, которые можно расценивать как этапы правового мониторинга, законодатель считает необходимыми в ходе подготовки проектов нормативных правовых актов. Например, в пункте 24 Правил подготовки проектов нормативных правовых актов установлено, что для подготовки проекта акта следует «уяснить степень полноты, необходимости и приоритетности правового регулирования соответствующих общественных отношений, цель принятия (издания) акта, <...> изучить относящиеся к предмету правового регулирования проекта акта законодательство, в том числе международные договоры Республики Беларусь, а также законодательство иностранных государств,

практику их применения, предложения государственных органов и иных организаций, научные исследования, публикации в печати...» [9].

Следует оговориться, что проведение аналитических исследований и правового мониторинга не всегда выполняется научными работниками. Но, в то же время, объективность и эффективность данных процессов напрямую зависит от того, базируются ли они на результатах научных исследований права.

Таким образом, в Республике Беларусь результаты научной деятельности активно используются при совершенствовании национального законодательства, но возможно более эффективное их применение. В частности, считаем целесообразным закрепить понятие правового мониторинга и регламентацию его проведения в Беларуси. Кроме того, полагаем, что для

осуществления деятельности по правовому мониторингу следует создавать соответствующие группы, функционирующие на постоянной основе и состоящие из специалистов с соответствующей квалификацией не только в области права, но и в экономике, социологии, возможно, психологии. Это, конечно, повлечет дополнительные расходы бюджетных средств, но позволит минимизировать возможные негативные последствия и неоправданные издержки впоследствии принятия недостаточно обоснованного нормативного правового акта, сократить время работы над проектом акта (обоснование принятия, разработка текста проекта, его согласование, экспертиза и т.д.), повысить качество принимаемых актов и максимально эффективно использовать данные различных наук в ходе нормотворческого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова, А.А. Социальные аспекты правообразования / А.А. Соколова. – Минск: ЕГУ, 2003. – 160 с.
2. Мурашко, Л.О. Нормотворческое пространство: проблемы правообразования в Республике Беларусь / Л.О. Мурашко. – Минск: Белорус.наука, 2008. – 205 с.
3. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2003 г., № 359: с изм. и доп.: текст по состоянию на 12 февр. 2010 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
4. Методическое руководство подготовкой проектов нормативных правовых актов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://center.gov.by/methods.html>. – Дата доступа: 14.02.2011.
5. Карпович, Н.А. Мониторинг как основа анализа и прогноза эффективности экологического законодательства Респ. Беларусь / Н.А. Карпович // Нормотворчество в Республике Беларусь: состояние и перспективы: материалы респ. науч.-практ. конф. – Минск, 2005. – С. 147–150.
6. Горохов, Д.В. Организация правового мониторинга в субъекте Российской Федерации: рекомендации по совершенствованию (на примере города Москвы) / Д.В. Горохов, М.Е. Глазкова // Журн. рос. права. – 2009. – № 1. – С. 42–55.
7. Указ Президента Рос. Федерации, 20 мая 2011 г. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/13333.html>. – Дата доступа: 20.06.2011.
8. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: с изм. и доп.: текст по сост. на 1 мая 2010 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
9. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2003 г., № 359: с изм. и доп.: текст по состоянию на 12 февр. 2010 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

Дата поступления статьи в редакцию 27.06.2011

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ РЕСУРСЫ БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

СИДОРЧУК И.П.,

заместитель директора НИИ теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Анализируется состояние государственных информационно-правовых ресурсов, предлагается обоснование необходимости интегрированного подхода к правовой регламентации этих ресурсов как важнейшего элемента государственных информационных ресурсов, а также формулируются предложения по разработке комплексного видения формирования информационно-правового пространства республики.

The article analyses current conditions of the state informational and legislative resources in Belarus and argues for the development of an integrated approach to the regulation of these resources as one of the key elements of state information resources. The article also formulates a suggestion for the development of a complex perception of the formation of informational and legislative space in the republic.

Успешная реализация комплекса мер по формированию информационного общества обусловливает необходимость повышения качества и эффективности информационно-правовых ресурсов, в том числе законодательства как базового компонента всех правовых автоматизированных информационных систем, созданных в республике. И это закономерно, так как на основе этих ресурсов не только обеспечивается регулирование новых общественных отношений, создаются условия для развития информационной безопасности, но и определяется государственная информационная политика, содействующая инновационному развитию Беларуси в современном мире. «Стабильное, понятное и эффективно работающее законодательство должно стать одним из столпов, которые обеспечат наш качественный прорыв и переход на новый уровень развития» [1].

Направления и тенденции развития информационного общества, а также информационно-правовых ресурсов неоднократно обсуждались как белорусскими, так и зарубежными учеными, что позволило предпринять ряд серьезных шагов в их дальнейшем совершенствовании [2]. Однако определение новых государственных приоритетов социально-экономического развития, внедрение современных информационных и телекоммуникационных технологий, обновление

законодательства в сфере информации, информатизации требуют разработки новых мер по эффективному использованию информационно-правовых ресурсов во всех сферах жизнедеятельности. Немаловажное значение в этой связи имеет вопрос о месте, роли эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь (далее – ЭБДПИ), Свода законов Республики Беларусь, иных баз и банков данных правовой информации в перечне базовых государственных информационных ресурсов. В этой связи исследование указанного вида информационного ресурса, анализ его состояния, выработка рекомендаций по оптимизации представляют несомненный научный и практический интерес. Надлежащее качество информационно-правового ресурса может стать реальной предпосылкой успешного решения важнейших задач государственного строительства.

Состояние государственных информационно-правовых ресурсов республики. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации) под информационным ресурсом понимается организованная совокупность документированной информации, включающая базы данных, другие совокупности взаимосвязанной информации в информационных системах [3].

В этом же документе содержится и определение государственного информационного ресурса как разновидности информационного ресурса, формируемого или приобретаемого за счет средств республиканского или местных бюджетов, государственных внебюджетных фондов, а также средств государственных юридических лиц.

Все правовые ресурсы в республике также можно разделить на две группы: государственные информационно-правовые ресурсы (далее – ГИПР) и информационно-правовые ресурсы. Такой подход к оценке указанных ресурсов закреплен и в Указе Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь» (далее – Указ № 712), регламентирующем вопросы совершенствования государственной системы правовой информации Республики Беларусь (далее – ГСПИ) и оптимизации деятельности по ее распространению (предоставлению) [4].

Указ № 712, как и иные нормативные правовые акты в этой сфере, не содержит определений понятий «государственные информационно-правовые ресурсы» и «информационно-правовые ресурсы». Вместе с тем анализ Положения о Национальном центре правовой информации Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524 «О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации», в редакции Указа № 712, показывает, что к ГИПР относятся ЭБДПИ, иные виды ГИПР [5]. Более детальный перечень исследуемых ресурсов закреплен в пункте 25 Положения о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации в Республике Беларусь, утвержденного Указом № 712, в контексте определения задач Национального центра правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ). НЦПИ осуществляет распространение (предоставление) правовой информации согласно Указу № 712, в частности посредством:

- официального периодического печатного издания «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь» и его электронной версии;
- иных печатных и электронных изданий;
- электронных копий эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН»;
- предоставления доступа к полнотекстовой интернет-версии эталонного банка данных правовой информации;
- банка данных правовой информации «Свод законов Республики Беларусь»;
- тематических и иных банков данных;
- Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь;
- иных ГИПР.

Сравнительный анализ каждого вида ГИПР с точки зрения соответствия критериям, являющимся определяющими для их отнесения к государственному информационному ресурсу, приводит к выводу о том, что эти ресурсы обоснованно отнесены к числу такового, так как они формируются НЦПИ за счет государственных средств. Кроме того, учитывая законодательную формулировку в названной норме – «иные», следует считать вышеуказанный список ресурсов открытым. Подтверждением этому являются и научные публикации, в которых, например, Единый правовой классификатор Республики Беларусь, Детский правовой сайт также отнесены к числу ГИПР [6].

Рассмотрим основные компоненты из приведенных ресурсов на основе анализа их состава и особенностей формирования.

Эталонный банк данных правовой информации, насчитывающий в настоящее время более 130 тысяч документов, представляет собой не что иное, как систематизированное собрание действующего законодательства Республики Беларусь на электронных носителях. Повсеместное внедрение информационных телекоммуникационных технологий неизбежно привело к изменению правовой материи, как ее формы, так и содержания.

Практически вся правовая информация создается, изменяется, распространяется, актуализируется, хранится посредством автоматизированных систем. На наш взгляд, электронная форма ее выражения будет иметь приоритетное значение и в ближайшие десятилетия. Это закономерно предопределяет совершенно новые подходы к совершенствованию законодательства, в том числе его систематизации. Существующие традиционные способы систематизации (инкорпорация, консолидация и кодификация) будут сопряжены с различными способами упорядочения правовых актов в электронном виде в процессе создания баз и банков данных различной степени общности, глубины согласованности правовых предписаний и тематической дифференциации их содержательной направленности. Преобладающей, безусловно, станет «электронная» систематизация. Систематизация законодательства должна осуществляться по пути внедрения информационных телекоммуникационных технологий в нормотворческую практику, что позволит в перспективе сформировать единое информационно-правовое пространство, обеспечить создание консолидированных информационно-правовых ресурсов, содержащих актуальную, полную и достоверную информацию.

На основе ЭБДПИ дополнительно созданы различные банки данных правовой информации, среди которых:

Свод законов Республики Беларусь;

компьютерный банк данных проектов законов (включает проекты законов и сопроводительные документы к ним);

банк данных «Международные договоры» (включает международные договоры (соглашения, конвенции), участницей которых является Республика Беларусь; правовые акты, принимаемые в рамках Союза Беларуси и России, а также СНГ и других межгосударственных образований);

банк данных решений местных органов управления (содержит решения областных Советов и соответствующих областных исполнительных комитетов, а также Мингорсовета и Мингорисполкома);

банк данных «Распоряжения Президента Республики Беларусь и Главы Администрации Президента Республики Беларусь»;

банк данных «Распоряжения Правительства и Премьер-министра Республики Беларусь»;

банк данных судебной практики (включает акты Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь, Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь);

банк данных «Кодексы Республики Беларусь»;

банк данных «Индивидуальный предприниматель» и др.

Так, в соответствии с решением Главы государства создан специализированный банк данных правовой информации, содержащий более 180 нормативных актов Республики Беларусь в сфере бизнеса, внешнеэкономической деятельности и инвестиционной политики (БД БИЗНЕС). Этот банк разработан НЦПИ при участии Министерства иностранных дел, Министерства экономики, Министерства юстиции, Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь и предназначен для белорусских и иностранных предпринимателей, инвесторов и других физических и юридических лиц, заинтересованных в ведении бизнеса и иных видов хозяйственной деятельности на территории Республики Беларусь. Его англоязычная версия размещена в свободном доступе в сети Интернет.

В настоящее время ведутся работы по созданию единого комплекса банков данных правовой информации с усовершенствованной поисковой стратегией для обеспечения деятельности государственных органов. Реальными предпосылками для формирования указанного банка стали непрерывные работы по совершенствованию ЭБДПИ, а также развитие информационно-поисковых языков, обновление технологии обработки правовой информации и создание информационно-поисковых систем.

Инициирован вопрос и о создании на базе интегрированного банка данных «Судебная практика» единого общереспубликанского банка дан-

ных, состоящего из документов, издаваемых в ходе правоприменительной практики. Создание при помощи компьютерной техники банков данных нормативных правовых актов является наиболее совершенной формой их учета и систематизации. Формирование новых баз и банков данных сопровождается серьезными мерами, направленными на достижение соответствующего качественного состояния нормативных правовых актов. Систематизируются не только правовые акты, но и процедуры, обеспечивающие их подготовку, принятие (издание), опубликование. Речь идет об упорядочении правил юридической техники, о формировании механизма, позволяющего создавать логически обоснованное, непротиворечивое, системное изначально, качественное по сути законодательство.

Следует согласиться с авторами Национального доклада «Информационные ресурсы России», что дальнейшее развитие информационных ресурсов лежит в поле формирования их модифицированных версий, содержащих только открытую, интересную массовому пользователю информацию, технологически и организационно доступную для граждан, СМИ и независимых коммерческих информационных служб, использующих ее для производства информационных продуктов и услуг [7].

Таким образом, все рассматриваемые ресурсы различаются по объему и способу предоставления информации, однако имеют единый базовый элемент: нормативные правовые акты, единую цель совершенствования – улучшение качества и доступности информации, ее потребительских свойств. И самое важное в их оценке то, что они являются составными компонентами ГИПР.

На современном этапе организованная совокупность ГИПР и информационные технологии, обеспечивающие взаимодействие государственных органов, НЦПИ и иных государственных организаций по сбору, учету, обработке, хранению, систематизации, актуализации и распространению (предоставлению) правовой информации, а также официальному опубликованию правовых актов, составляют ГСПИ [8]. В этой связи возникают закономерные вопросы как о ГСПИ в составе государственных информационных ресурсов, так и о комплексе первоочередных мер по дальнейшему развитию правовой регламентации в данной сфере.

Правовая регламентация государственных информационно-правовых ресурсов. Согласно части второй статьи 2 Закона об информации законодательством Республики Беларусь могут быть установлены особенности правового регулирования информационных отношений, связанных со сведениями, составляющими правовую информацию. Такой подход позволяет сформировать самостоятельную систему право-

вого регулирования в сфере ГИПР. Поэтому ни в Законе об информации, ни в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 26 мая 2009 г. № 673 «О некоторых мерах по реализации Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» и о признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь» нет конкретных положений, определяющих состав и содержание ГИПР [9].

Необходимо отметить, что в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 29 мая 2001 г. № 784 «О перечне информационных ресурсов, имеющих государственное значение», которое в настоящее время признано утратившим силу, была предпринята попытка комплексного подхода в классификации всех существующих в республике ресурсов [10]. Перечень информационных ресурсов, имеющих государственное значение, содержал 121 наименование информационных ресурсов, которые распределялись по двенадцати разделам. ЭБДПИ занимал 120-ю позицию в разделе XII «Нормативно-техническое и нормативно-правовое обеспечение». Наряду с ЭБДПИ в этот раздел были внесены иные информационные ресурсы, имеющие государственное значение, но не относящиеся к правовой информации. Например, Государственный реестр средств измерений, банк данных о продукции, производимой в Республике Беларусь по стандартам и техническим условиям, Государственный кадастр служебного и гражданского оружия и боеприпасов к нему. Трактовка, допускающая совмещение кардинально различающихся информационных ресурсов, не выдерживала никакой критики. Объем нормативных правовых актов, их значимость, наличие разнообразных банков данных правовой информации объективно диктовали необходимость закрепления их в перечне информационных ресурсов на уровне самостоятельного раздела в оптимальном соотношении с другими видами ресурсов.

Однако сегодня правовое развитие в сфере регламентации ГИПР пошло по пути их дифференциации и формирования специальных требований, касающихся формирования, использования, учета и регистрации тех или иных видов информационных ресурсов. Можно предположить, что разобщенность в правовой регламентации государственных информационных ресурсов привела к тому, что в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174 «О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на

2010 год» отсутствуют конкретные положения, определяющие направления развития ГИПР или ГСПИ [11].

Проблема состоит в том, что различные виды информационных ресурсов рассматриваются в отрыве друг от друга. На наш взгляд, речь должна идти о взаимодействии различных субъектов при формировании тех или иных видов государственных информационных ресурсов, их использовании, актуализации, разработке мер по надежному хранению, обеспечению свободного доступа граждан и юридических лиц к этим ресурсам. Единый подход позволил бы определить ключевые проблемы развития, цели и задачи государственных органов и иных организаций в этой сфере.

Интересен тот факт, что в Национальном докладе «Информационные ресурсы России», в котором дается оценка состояния и видов информационных ресурсов, определяются направления их развития, указываются 10 компонентов информационных ресурсов: информационные ресурсы библиотечной сети России, информационные ресурсы Архивного фонда Российской Федерации, государственная система научно-технической информации, информационные ресурсы государственной системы статистики, государственная правовая информация, информационные ресурсы органов государственной власти и местного самоуправления, информационные ресурсы отраслей материального производства, информация о природных ресурсах, явлениях и процессах, информационные ресурсы социальной сферы, информационные ресурсы в сфере финансов и внешнеэкономической деятельности [7]. Из приведенного перечня видно, что правовые информационные ресурсы рассматриваются в рамках государственной системы правовой информации и являются элементом единой системы информационных ресурсов.

Анализ информационно-правовых ресурсов, которыми располагает республика, показывает, что в настоящее время недооценивается единый комплексный подход, позволяющий определить степень их значимости, уровень развития, доступности, приоритетности в рамках единой системы информационных ресурсов. Полагаем обоснованным закрепить в Законе об информации понятие ГИПР, определить критерии отнесения тех или иных правовых ресурсов к ГИПР, меры по их совершенствованию, порядок их учета (регистрации), а также механизм выделения бюджетного финансирования для их постоянного развития.

Эти ресурсы должны стать фундаментальной основой для всех источников правовой информации, консолидирующей новые потоки информации в правовой сфере. Немаловажное значение имеет определение приоритетных направлений в оптимизации различных видов ГИПР.

На данном этапе развития к приоритетным информационно-правовым ресурсам, имеющим государственное значение в Беларуси, следует отнести ЭБДПИ, Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, Свод законов Республики Беларусь. Обоснованно также в рамках Закона об информации выделить в качестве самостоятельной позиции ГСПИ. Логическим следствием данного предложения является классификация и закрепление на законодательном уровне всех основных видов ГИПР в рамках ГСПИ. К ним, в частности, можно отнести ЭБДПИ, Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, Единый правовой классификатор Республики Беларусь, Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, компьютерный банк данных проектов законов Республики Беларусь, Свод законов Республики Беларусь и др.

Полагаем, что обеспечение качества правовых ресурсов, степени их доступности является одной из важнейших государственных задач. Все ГИПР должны быть указаны в Законе об информации и соответственно включены в перечень базовых государственных информационных ресурсов. Кроме того, в рамках названного Закона обоснованно закрепить раздел, посвященный вопросам правовой информатизации, направлениям государственной политики, способам ее осуществления, что позволит реализовать интегрированный подход к правовой регламентации в этой сфере, а также активизировать процессы формирования информационно-пра-

вового пространства как неотъемлемой части всего информационного поля республики.

Актуальность формирования в Беларуси открытого информационного общества настоятельно диктует потребность в широкомасштабной систематизации всех информационно-правовых ресурсов, придании им статуса информационных ресурсов, имеющих государственное значение, а также неукоснительного соблюдения принципа свободного доступа к правовой информации как базовой основы конституционного права на информацию. Необходимо создавать качественное информационно-правовое пространство на основе целостной концепции реформирования национальных информационно-правовых ресурсов с учетом глобальных процессов становления новых социально-экономических систем.

Разработка стратегии и комплексного подхода к формированию информационно-правовых ресурсов может основываться на следующих блоках задач: ежегодном мониторинге состояния информационно-правового пространства республики, выявлении информационно-правовых потребностей государственных органов и иных организаций, изучении и использовании мирового опыта, прежде всего государств – членов Европейского Союза в формировании общего (единого) информационно-правового пространства, а также на определении перспективных направлений правового развития сбора, обработки, актуализации и распространения правовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Динамичный прорыв в развитии страны – путь к новому качеству жизни: послание Президента Респ. Беларусь А.Г. Лукашенко белорус. народу и Нац. собранию Респ. Беларусь, 20 апр. 2010 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2011.
2. Предприимчивость, инициатива и ответственность каждого – достойное будущее страны: послание Президента Респ. Беларусь А.Г. Лукашенко белорус. народу и Нац. собранию Респ. Беларусь, 21 апр. 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
3. Василевич, Г.А. Информационные технологии в Республике Беларусь: правовые реалии и перспективы // Проблемы правовой информатизации. – 2005. – № 2. – С. 6–12; Правовая информатизация в Республике Беларусь: становление и перспективы развития / Н.Н. Радиванович [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Радивановича. – Минск: ИЦПН, 2007. – 400 с.; Струков, Н. М. Основные этапы развития государственного управления информатизацией в Республике Беларусь / Н.М. Струков // Проблемы упр. – 2010. – № 4. – С. 56–61.
4. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь, 20 июня 2008 г., № 345-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
5. О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 712 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

6. О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 окт. 1998 г., № 524 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

7. Кравцов, О.Э. Государственная система правовой информации Республики Беларусь – ключевое звено информационно-правовой политики / О.Э. Кравцов // Проблемы упр. – 2010. – № 4. – С. 62.

8. «Информационные ресурсы России»: нац. докл. [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.gsnti.ru/inf_res/part2.html#contents. – Дата доступа: 04.02.2011.

9. Положение о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 712 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

10. О некоторых мерах по реализации Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» и о признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 мая 2009 г., № 673 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

11. О перечне информационных ресурсов, имеющих государственное значение: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 мая 2001 г., № 784: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 30.12.2008 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

12. О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 авг. 2010 г., № 1174 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Дата поступления статьи в редакцию 16.02.2011

УДК 81.374.82+34:002.6(476)

МНОГОЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕСУРС

ШАРШУН В.А.,заместитель директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь,
кандидат юридических наук**ГРИНЕВИЧ М.Г.,**начальник отдела словарей и классификаторов управления правовой информатизации
Национального центра правовой информации Республики Беларусь

Статья посвящена инновационной разработке Национального центра правовой информации Республики Беларусь по созданию многоязычного словаря юридических терминов на белорусском, русском и английском языках. В статье рассматриваются вопросы практического применения данного многоязычного словаря в нормотворческой деятельности и в научных исследованиях.

The article is devoted to the innovative development of the National Center of Legal Information of the Republic of Belarus to create a multilingual dictionary of legal terms in Belarusian, Russian and English. The article discusses issues of practical application of this multilingual dictionary in rulemaking and in scientific research.

В соответствии с Положением о Национальном центре правовой информации Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524, одной из основных задач Национального центра правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) является участие в развитии и совершенствовании юридической терминологии на русском и белорусском языках [1].

В основе деятельности НЦПИ в сфере развития и совершенствования юридической терминологии заложены следующие основные принципы: реализация государственной языковой политики в ходе модернизации и интеллектуализации информационно-правовых ресурсов национального законодательства;

совершенствование информационного обеспечения, нормотворческой деятельности государственных органов с учетом принятия (издания) правовых актов на русском/белорусском языках;

создание национальных понятийно ориентированных терминологических ресурсов;

обеспечение государственных органов и иных организаций необходимыми информационно-правовыми терминологическими ресурсами в электронном и печатном виде.

Создание терминологических ресурсов – актуальная проблема правовой науки, нормотвор-

чества, сферы информационных технологий, лингвистики и лексикографии. Развитие понятийного аппарата национального законодательства является актуальной проблемой и для НЦПИ, так как центр осуществляет формирование государственных информационно-правовых ресурсов – эталонного банка данных правовой информации (далее – ЭБДПИ) и иных ресурсов, в том числе словаря юридических терминов ЭБДПИ, содержащего термины и определения на языке издания (принятия) соответствующих правовых актов, как правило, на русском языке.

С учетом потребностей общества и государства в настоящее время одним из приоритетных направлений в развитии государственной системы правовой информации Республики Беларусь является модернизация государственных информационно-правовых ресурсов. В рамках реализации этого направления в НЦПИ создана информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» версии 6.1, которая обеспечивает возможность неофициального перевода текстов правовых актов на русский/белорусский языки. Вместе с тем у специалистов возникает потребность в терминологических ресурсах на белорусском/русском языках при формировании понятийной системы в процессе подготовки проектов нормативных правовых

актов. Эта потребность обусловлена тем, что в настоящее время в республике недостаточно как изданий подобного рода [2], так и соответствующих электронных ресурсов.

За рубежом созданию терминологических ресурсов уделяется достаточно большое внимание. Например, в Российской Федерации подготовлен словарь-справочник по российскому законодательству, составленный под руководством Л.Ф.Апт в соавторстве с А.Г.Ветровым и другими исследователями [3]. Кроме того, в Российской Федерации издавался ряд юридических энциклопедических словарей, содержащих юридические термины и их общие определения [4]. Юридические терминологические ресурсы на русском языке содержатся и в сети Интернет (например, сайт Глоссарий.ru, Большой юридический словарь ОНЛАЙН и др.) [5].

В Казахстане издан Русско-казахский словарь юридических терминов и понятий, содержащий термины и понятия казахского законодательства на казахском и русском языках [6]. Также имеются юридические терминологические ресурсы и на английском языке, например онлайн-словарь юридических терминов и их определений на американском юридическом портале Law.com [7].

Изучение понятийной системы национального законодательства актуализировало деятельность НЦПИ по совершенствованию информационно-правового обеспечения нормотворческой деятельности в части создания терминологических баз данных, в частности словаря юридических терминов на белорусском, русском и английском языках (далее – многоязычный словарь), который может быть эффективно использован в нормотворческой деятельности.

В 2010 году в НЦПИ начаты научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР) по созданию многоязычного словаря, которые должны быть завершены в 2011 году. В ходе выполнения НИОКР выявилась необходимость проведения междисциплинарных исследований и сотрудничества специалистов различных областей знаний. При создании терминологических ресурсов требуется научно обоснованное и глубокое изучение понятийного аппарата (системы понятий) национального законодательства, определение критериев выборки юридических терминов для формирования массива многоязычного словаря.

Основной целью разработки многоязычного словаря является создание базы терминологических данных на белорусском, русском и английском языках, которая даст достаточно полное представление о современной понятийной системе действующего законодательства Республики Беларусь.

Основное назначение базы данных многоязычного словаря:

совершенствование информационно-правового обеспечения нормотворческой и правоприменительной деятельности;

осуществление перевода правовых понятий при подготовке проектов правовых актов на русском или белорусском языках;

обеспечение межгосударственного обмена правовой информацией;

обеспечение субъектов нормотворческой деятельности и других заинтересованных терминологическим ресурсом для переводов правовых актов (юридических терминов) национального законодательства на английский язык;

распространение (предоставление) официальной правовой информации в части юридической терминологии на русском, белорусском и английском языках.

В ходе формирования многоязычного словаря решались следующие основные задачи:

создание инновационной технологии формирования терминологической базы данных, позволяющей обеспечить будущих пользователей этого ресурса переводами юридических терминов на белорусский, русский и английский языки;

разработка методического обеспечения для специалистов по осуществлению терминологического анализа понятийной системы законодательства;

разработка подсистемы ведения базы данных многоязычного словаря, обеспечивающей дополнение массива новыми терминами, их редактирование, удаление, проверку правильности построения информационных связей и т.д.;

создание подсистемы доступа, обеспечивающей поиск необходимой информации.

Объектом исследования в процессе создания многоязычного словаря стали терминология национального законодательства, его понятийная система, а также тексты актов законодательства как источники юридических терминов.

В лексический массив многоязычного словаря входят:

термины, содержащиеся в Конституции Республики Беларусь, составляющие базовый ресурс понятийной системы национального законодательства. В 2010 году НЦПИ в ходе выполнения указанной НИОКР совместно с Конституционным Судом Республики Беларусь, Министерством юстиции Республики Беларусь, Министерством иностранных дел Республики Беларусь, Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, учреждением образования «Минский государственный лингвистический университет», юридическим факультетом Белорусского государственного университета была проведена работа по переводу Конституции Республики Беларусь на английский язык и подготовлен согласованный с данными государственными органами и организациями текст указанного перевода. На основании данного текста перевода был подготовлен перевод юридических терминов, содержащихся в Конституции Республики Беларусь, на английский язык, которые были включены в массив многоязычного словаря;

терминология актов отечественного законодательства и Единого правового классификатора Республики Беларусь;

термины и их определения словаря юридических терминов ЭБДПИ.

Для организации переводов юридических терминов на белорусский язык было осуществлено сотрудничество НЦПИ с государственным научным учреждением «Институтом языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси», на английский язык – с учреждением образования «Минский государственный лингвистический университет».

Перевод юридических терминов на английский язык будет способствовать созданию механизма межгосударственного информационного взаимодействия и сотрудничества в области обмена правовой информацией при формировании информационных запросов на английском языке, а также созданию условий доступности национального законодательства для иностранных субъектов, свидетельствующей об открытости правовой базы нашего государства.

Термины в многоязычном словаре представлены в структурированном виде на русском, белорусском и английском языках. Каждый термин содержит логические связи соответствующего правового понятия с иными родовыми терминами, что дает комплексное представление знаний о нем, позволяет полностью раскрыть его смысл и значение. Юридический термин и его логические связи с другими терминами многоязычного словаря образуют лексико-семантический указатель терминов – основной указатель многоязычного словаря с полными словарными статьями.

Словарная статья отражает основной термин и все упорядоченные по алфавиту термины, образующие терминологические системы конкретных правовых понятий. В ряде случаев словарная статья подкрепляется определением либо несколькими определениями выбранного термина, а также указанием на ассоциативные связи, которые в совокупности образуют терминологическую систему конкретного правового понятия. Установление логических (ассоциативных) связей позволяет полностью раскрыть смысл и значение выбранного термина, а также предоставляет возможность разрабатывать на основе такого анализа новые юридические термины.

Для удобства пользователей организация терминологических данных в структурированном виде, обеспечиваемая программно-техническим и технологическим комплексом, позволила создать очень простой ресурс для освоения и использования в различных областях юридической деятельности и проведения правовых исследований.

Рассмотрим пример работы с многоязычным словарем.

При обращении к терминологической базе данных мы набираем в поисковой строке с клавиатуры термин либо основной его фрагмент (корень), например: «террор», входящий в термин «Терроризм». В левой стороне экрана выдаются в алфавитном порядке все найденные термины. При выборе, например, термина «Борьба с терроризмом» сам термин представлен на русском, белорусском и английском языках, а также приведен перечень его ассоциативных связей с иными. При желании пользователь может перейти непосредственно в текст правового акта, содержащий искомое определение.

Многоязычный словарь может стать базой нормативной терминологии и эффективным инструментом унификации понятийного аппарата вновь принимаемых нормативных правовых актов, так как унификация юридической терминологии является одним из важнейших средств обеспечения единого информационно-правового пространства Республики Беларусь, используемого нормотворческими органами при подготовке проектов правовых актов, и важным средством обеспечения единства употребления юридической терминологии не только в рамках одного нормативного правового акта, но и всей соответствующей отрасли законодательства. При этом унификация юридической терминологии должна проводиться на всех уровнях: содержательном, логическом и лингвистическом. Как справедливо отмечает С.К. Магомедов, должен осуществляться как лингвистический анализ терминов и учет общих норм и закономерностей языка, так и учет специфики критериев оценки терминологии [8]. В соответствии с выработанным терминоведением предметно-логическим принципом соотношения означаемого и означающего в любой терминологической лексике связь того или иного знака и означаемого понятия должна находиться во взаимнооднозначном соответствии. Обладая, как и всякие иные термины, не только номинативной, но и дефинитивной функцией, юридические термины признаются полноценными лишь в том случае, если они с оптимальной точностью отражают целостное содержание терминируемых понятий, их логическую структуру и существенные признаки, семантические границы, иерархические родовидовые отношения [9].

Проведенные исследования в рамках НИОКР по созданию многоязычного словаря показали возможность его применения при унификации юридических понятий. Так, при исследовании множественности нормативных определений, например, термина «Близкие родственники», можно установить, что данный термин, не считая дублирующих терминов, содержит 16 совершенно разных по значению определений.

Анализ данных определений будет полезен при подготовке соответствующих проектов нор-

мативных правовых актов, а также в работе по унификации терминологии.

Динамичность национального законодательства предполагает поддержание многоязычного словаря в контрольном состоянии, то есть внесение соответствующих изменений, пополнение его новыми терминами (понятиями).

Многоязычный словарь планируется использовать как в электронном виде (в частности, интегрировать в ИПС «ЭТАЛОН», услугу «ЭТАЛОН-ONLINE»), а также подготовить его печатное издание.

При создании многоязычного словаря будут учтены изменения и обновления лексического состава речи, уточнение правописания, применение современной языковой практики и иные вопросы развития белорусского языка в соответствии с Законом Республики Беларусь от 23 июля 2008 года «Аб Правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» [10].

Отражение в словаре структурных и логических связей терминов (их родовые и ассоциативные связи), указание на наличие одного или нескольких определений даст возможность оценить объем и качество терминологии, наличие пробелов нормативных определений терминов, особенностей терминологии и т.д.

Создаваемый многоязычный словарь ориентирован на потребности специалистов нормотворческих органов при разработке нормативных определений, осуществлении перевода юридических терминов на белорусский, русский и английский языки, проведении системно-ком-

плексного анализа законодательства для решения различных задач правоприменительной практики, а также при обучении студентов юридических вузов и т.д.

Внедрение многоязычного словаря в деятельность нормотворческих и иных государственных органов и организаций позволит повысить ее эффективность в части совершенствования и унификации национальной юридической терминологии, будет способствовать ясности изложения терминов и их определений, которая влияет на восприятие всего текста правового акта и его принятие, и, в конечном итоге, окажет позитивное влияние на речевую культуру общества в целом.

Кроме того, использование данного ресурса будет способствовать обеспечению потребностей межгосударственного обмена правовой информацией и правоприменительной практикой в части юридического перевода, а также научных исследований понятийной системы различных отраслей права.

Обладая высокой степенью информативности, многоязычный словарь поможет специалистам в области нормотворчества, юристам-практикам и ученым составить представление о действительном состоянии юридической терминологии, обозреть ее особенности и сложности для определения путей ее дальнейшего развития. Ознакомление широкого круга пользователей правовой информации с терминами (понятиями), которые закреплены в национальном законодательстве, также будет способствовать повышению уровня правосознания граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 окт. 1998 г., № 524 // Собр. декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. – 1998. – № 31. – Ст. 785.
2. Словарь юридических терминов / С.Д. Василенко [и др.]; под ред. А.М. Абрамовича. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; Информ.-правовое агентство «Регистр», 2000. – 531 с.
3. Словарь-справочник по российскому законодательству / под ред. Л.Ф. Апт. – М.: Юристъ, 2001. – 910 с.
4. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1997. – VI, 790 с.; Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 368 с.; Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. О.Е. Кутафьин. – М.: Большая Рос. энцикл., 2002. – 559 с.; Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянова [и др.]; отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2009. – 816 с.; Юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – 2-е изд. – М.: Ин-т новой экономики, 2010. – 1152 с.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RPwgiu; <http://www.jur-words.info/cat-12.html>; <http://law-enc.net/>; <http://terms.pravo.ru/>.
6. Русско-казахский словарь юридических терминов и понятий. – Астана: ТОО «Ин-т законодательства Респ. Казахстан», 2008. – 999 с.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.law.com/>.
8. Магомедов, С.К. Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России / С.К. Магомедов // Журн. рос. права. – 2004. – № 3. – С. 25.
9. Чернобель, Г.Т. Теоретические основы упорядочения юридической терминологии. Проблемы совершенствования советского законодательства / Г.Т. Чернобель // Тр. ВНИИСЗ. – 1983. – Вып. 27.
10. Аб Правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі: Закон Рэсп. Беларусь, 23 ліпеня 2008 г., № 420-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 186. – 2/1517.

Дата поступления статьи в редакцию 23.06.2011

УДК 342.9:35

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

МАХ И.И.,

начальник отдела – заместитель руководителя института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Статья посвящена вопросам информационно-правового обеспечения контрольно-надзорной деятельности в Республике Беларусь. На основе анализа специальной литературы автором высказан ряд предложений, направленных на повышение эффективности деятельности контрольно-надзорных органов в рассматриваемой сфере, в частности, связанные с использованием интернет-ресурсов, а также с совершенствованием законодательства Республики Беларусь.

The article deals with the questions of information and legal ensuring the control and supervisory activity in the Republic of Belarus. On basis of the special literature analysis the author gives a number of proposals intended for effectiveness increase of the control and supervisory bodies activity in the sphere at issue, particularly concerning use of the Internet resources, and enhancement of legislation of the Republic of Belarus as well.

Совершенствование правового регулирования и повышение эффективности правоприменительной деятельности создают новые предпосылки и гарантии устойчивого, динамичного развития государства, его правовой системы. Достижение этих задач связано с наличием специального правового механизма наблюдения за происходящими в обществе правовыми процессами.

Государство заинтересовано в обладании достоверной информацией об имеющихся в нем явлениях, их оценке, своевременном и правильном решении, в принятии необходимых правовых мер.

Важное место в этом принадлежит органам административного надзора и контроля. Их развитие является сегодня одним из приоритетных направлений в области формирования контрольно-надзорной политики Республики Беларусь.

Контрольные и административно-надзорные органы Республики Беларусь составляют сегодня сложную систему, на которую возложены многочисленные задачи в области обеспечения законности и правопорядка. Это министерства и государственные комитеты, департаменты, управления и др. В частности, Министерство здравоохранения Республики Беларусь, Министерство внутренних дел Республики Беларусь,

Министерство Республики Беларусь по чрезвычайным ситуациям, Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь, Комитет государственного контроля, Департамент контроля и надзора за строительством Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь, Департамент по энергоэффективности Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь, Государственная инспекция Республики Беларусь по электросвязи Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Департамент по надзору за безопасным ведением работ в промышленности Министерства по чрезвычайным ситуациям, Департамент государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, управление государственного энергетического надзора Министерства энергетики, управление государственного энергетического надзора государственного производственного объединения электроэнергетики «Белэнерго» и др.

Проведение такой работы связано с современной оценкой административного надзора и контроля в новых условиях развития белорусского государства. В свою очередь, это обуславливает необходимость выявления тенденций и

закономерностей развития общества и государства, разработки концептуально новых теоретических выводов, способных обеспечить стабильность складывающихся в этой области общественных отношений.

Особое место в формировании контрольно-надзорной системы Республики Беларусь, повышении эффективности ее работы занимает правовая информация.

К сожалению, как показывает практика, сегодня в нашей республике отсутствует необходимый уровень ее обеспечения как в рассматриваемой, так и в иных сферах деятельности органов государственного управления.

Общеизвестно, что контроль и надзор как элементы воздействия на человека носят не только правовой, но и психологический характер. Именно поэтому отношения, возникающие в области деятельности контрольных и надзорных органов, относятся к категории наиболее сложных, носящих в ряде случаев принудительный, а порой и конфликтный характер.

Особенности правоотношений в области контрольно-надзорной деятельности обусловлены полномочиями государственных органов, осуществляющих данную деятельность и связанных с применением мер административного принуждения.

Сложность в отношении контрольно-надзорной деятельности заключается и в большом количестве правовых норм, предписаний, составляющих контрольно-надзорный правовой режим.

Об их количестве можно судить, например, исходя из экспертной оценки аналогичных норм, имеющих в Российской Федерации. По оценке экспертов их более 60 тысяч. Учитывая общность систем административно-надзорных органов и специфики административно-надзорной деятельности в Российской Федерации и в Республике Беларусь, можно сделать вывод о том, что у нас их не намного меньше. Например, сегодня только Министерством здравоохранения Республики Беларусь издано и действует более 160 нормативных правовых актов, содержащих нормы, правила и гигиенические нормативы. Их нарушение влечет за собой правовую ответственность. Всего в настоящее время в республике действует более 23 тысяч государственных стандартов, из них около 90 % – это стандарты, соблюдение которых обеспечивает нашу с вами безопасность.

В их числе стандарты на строительные материалы и изделия, медицинское оборудование, бытовые приборы, системы пожарной сигнализации и средства индивидуальной защиты, системы дорожных ограждений, качество сварки, топливо и нефтепродукты, продукты питания и др.

На состояние контрольно-надзорных правоотношений оказывает влияние и невысокая пра-

вовая культура граждан, отсутствие юридических служб (кадров) в учреждениях, на предприятиях и в организациях.

К сожалению, они отсутствуют и в ряде органов, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность, издающих соответствующие нормативные правовые акты.

К проблемам контрольно-надзорной системы республики относится и то, что принимаемые многочисленными контрольно-надзорными органами нормативные правовые акты не всегда являются доступными.

Для того чтобы контрольно-надзорная система действовала эффективно, необходимо обязательно довести до сведения заинтересованных лиц (лиц, на которых распространяет действие норма) установленные правовые требования (стандарты). Кроме того, подобная информация должна быть понятной, точной, поступать вовремя и доводиться до сведения заинтересованных лиц. Это общепризнанные правила. Важным в этом деле является и то, что такая информация должна быть отделена от другой, не содержащей правовых предписаний, составляющих соответствующие контрольно-надзорные правовые режимы, например, строительные, санитарные, противопожарные и иные нормы, правила и нормативы.

Как показывает практика, знакомство с ними, «вычленение» из множества других норм является делом достаточно трудоемким, а порой и невозможным. Это касается и электронных источников правовой информации, официальных сайтов органов, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность, и имеющихся в республике информационно-правовых систем.

Не менее важным в деятельности контрольно-надзорных органов является и вопрос взаимодействия различных контрольно-надзорных органов, их подразделений. К сожалению, эта проблема существует и сегодня. Речь идет не только об отсутствии необходимого информационного оборудования, наличии специалистов, заинтересованности в обмене, доведении необходимой информации и результатов работы до соответствующих вышестоящих и иных органов, но и об отсутствии необходимых специализированных систем и программ.

Географическое положение республики, ее активная международная деятельность в области экспорта продукции предполагает соблюдение установленных в различных странах нормативных требований, стандартов, технических условий, предъявляемых к определенным объектам, являющимся предметом международного сотрудничества.

В их числе можно назвать санитарные требования, предъявляемые, например, к объектам торговли, сырью, продовольственным и непродовольственным товарам, нормы и правила про-

тивопожарной, экологической безопасности и др. Как показывает практика, отсутствие соответствия этим требованиям в Республике Беларусь и странах, сотрудничающих с нашей республикой, в ряде случаев может вызвать негативные последствия. Именно поэтому в последнее время принят ряд международных актов, регулирующих эти вопросы. В качестве примера можно привести решение, принятое Комиссией таможенного союза стран Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации от 18 июня 2010 г. № 319 «О техническом регулировании в таможенном союзе» [1].

Важную роль в преодолении этих проблем, а также в формировании современной информационно-правовой системы в области деятельности контрольно-надзорных органов должны сыграть электронные средства информации Интернет. Одной из форм такой деятельности являются официальные сайты органов, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность. Анализ их содержания показывает, что в них имеются разделы, в которых размещены нормативные правовые документы, включающие в себя нормы, правила и требования, составляющие соответствующий правовой режим. В частности, это относится к сайту Государственного комитета по стандартизации – раздел «Строительство: экспертиза, контроль, надзор», сайту Министерства здравоохранения Республики Беларусь – раздел «Технические нормативные правовые акты», раздел «Техническое нормирование и стандартизация» на сайтах Министерства связи и информатизации Республики Беларусь и Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды. К сожалению, достаточно сложно получить информацию о действующих технических нормативах в области деятельности Министерства Республики Беларусь по чрезвычайным ситуациям. Это касается норм и правил в области пожарной и радиационной безопасности. Так, в разделе «Нормативные правовые акты» дан перечень лишь законодательных актов, но они не содержат специальные нормы и правила в области пожарной и радиационной безопасности. Как нам представляется, структура сайта не обеспечивает достаточной доступности к необходимой правовой информации [2–5].

Анализ содержания сайтов позволяет выявить и некоторые недостатки: отсутствие информации о проводимых этими органами проверках, их результатах, а также комментарии юристов по принимаемым нормативным правовым актам и др.

Исключением является официальный сайт Министерства здравоохранения Республики Беларусь, в котором достаточно размещается информация об органах санитарного надзора, проводимой ими профилактической работе и ад-

министративной практике. В связи с этим представляется целесообразным создание и размещение специальных сайтов контрольных и административно-надзорных органов.

В структуру сайтов необходимо включить:

- а) информацию о нормах и правилах, составляющих содержание специального правового режима;
- б) комментарии юристов по вопросам правильного их исполнения;
- в) материалы отчетов контрольных и административно-надзорных органов по профилактике правонарушений и административной практике.

Одним из важных направлений в совершенствовании этой сферы является сегодня создание современной правовой информационной модели контрольно-надзорной системы республики.

По нашему мнению, работа должна идти в следующих направлениях:

во-первых, создание единого внутрисистемного республиканского информационного пространства, обеспечивающего получение необходимой оперативной, служебной и иной информации всеми участниками, субъектами, осуществляющими контрольно-надзорную деятельность:

а) создание Республиканской информационной системы административного надзора и контроля с формированием в ее рамках подсистем «Учет правонарушений», «Жалобы, предложения и обращения граждан» с обеспечением непосредственного доступа к информации с рабочих мест, интегрированных в республиканскую и региональные информационные системы;

б) расширение информационного взаимодействия с иными органами государственного управления Республики Беларусь;

во-вторых, общедоступный информационный банк правовых предписаний, составляющих административно-надзорный и контрольный режимы, включающий в себя соответствующие нормативные правовые акты, принимаемые в республике, в их числе законы, акты главы государства, контрольных и административно-надзорных органов.

Возможны две основные формы создания таких банков: в форме отдельных разделов сайтов, соответствующих государственных органов и в форме самостоятельного, отдельного сайта. На наш взгляд, вторая форма является более предпочтительной;

в-третьих, международная информационно-правовая сеть, позволяющая обеспечивать взаимодействие стран, сотрудничающих с Республикой Беларусь в области контроля и административного надзора.

Повышению качества правовой информации, обеспечивающей эффективность правового ре-

жима контрольно-надзорной деятельности, будет способствовать внесению некоторых дополнений и изменений в действующее законодательство, в частности, в ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информатизации» закреплены принципы правового регулирования информационных отношений. Считаю необходимым дополнить ее таким важным принципом, как доступность информации [6].

Анализ правовой информации в области деятельности контрольно-надзорных органов, содержания соответствующих правовых режимов позволяет также сделать вывод и о том, что здесь существуют проблемы соответствия правовой информации текущему моменту времени.

Поскольку информационные процессы растянуты во времени, то достоверная и адекватная, но устаревшая информация может приводить к ошибочным решениям. Необходимость поиска (или разработки) адекватного метода для работы с данными может приводить к такой задержке в получении информации, что она становится не актуальной и не нужной. Речь идет о регулярном обновлении соответствующих разделов сайтов контрольно-надзорных органов.

Поэтому указанная выше ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информатизации» должна быть дополнена таким принципом, как актуальность информации.

Обеспечение своевременной и достоверной информации о принимаемых в подведомственной сфере нормативных правовых актах и доступности к ней заинтересованных лиц представляется необходимым закрепить в качестве задачи в положениях о контрольных и административно-надзорных органах.

Повышению эффективности правовой информации в области контрольно-надзорной деятельности будет служить дополнение п. 1 ст. 22.9 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь «Нарушение законодательства о средствах массовой информации», изложив его в следующей редакции: «Нарушение законодательства о средствах массовой информации, выразившееся в незаконном ограничении свободы массовой информации, своевременности предоставления, объективности, полноты и достоверности информации...».

ЛИТЕРАТУРА

1. О техническом регулировании в таможенном союзе: решение комиссии тамож. союза, 18 июня 2010 г., № 319 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tsouz.ru/KTS/KTS17/Pages/R_319.aspx. – Дата доступа: 16.06.2011.
2. Министерство здравоохранения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minzdrav.gov.by/>. – Дата доступа: 16.06.2011.
3. Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gosstandart.gov.by/>. – Дата доступа: 17.06.2011.
4. Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mpt.gov.by/new/modules/news/>. – Дата доступа: 17.06.2011.
5. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minpriroda.by/ru/news>. – Дата доступа: 17.06.2011.
6. Об информации, информатизации и защите информатизации: закон Респ. Беларусь, 10 ноябр. 2008 г., № 455-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2008. – 2/1552.
7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – 2/946.

Дата поступления статьи в редакцию 27.12.2010

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

МАЗАНИК Е.Н.,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье рассматриваются вопросы, связанные с дополнительным образованием сотрудников органов внутренних дел, подходы к этой проблематике педагогов и юристов. Анализируются цели и функции повышения квалификации, что позволяет определить содержание данного понятия. Обосновывается повышение эффективности этого вида дополнительного образования при условии лично-ориентированного обучения слушателей. Определяется круг проблем, решаемых посредством повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел.

In the article the questions concerning the additional education of employees of law-enforcement bodies, approaches to this problematic of teachers and lawyers are considered. The purposes and functions of improvement of professional skill that has allowed to determine the contents of the given concept are analyzed. The increase of efficiency of this kind of additional education under condition of the personal-focused training of listeners is justified. The circle of problems solved by means of improvement of professional skill of employees of law-enforcement bodies is determined.

Выполнение задач, стоящих перед органами внутренних дел (далее – ОВД), показателей оперативно-служебной деятельности подразделений и служб в настоящее время во многом зависят от состава кадров, их профессионализма, что в свою очередь обуславливает актуализацию вопросов подготовки личного состава ОВД. Современные социально-экономические отношения, переоценка ценностей в различных сферах общественной жизни, демографическая ситуация, снижение престижа службы, высокий уровень ответственности и требований к сотрудникам негативно сказываются на количественных и качественных характеристиках кадрового ядра ОВД. Анализ кадрового обеспечения органов внутренних дел на протяжении последних пяти лет показал, что общий некомплект аттестованного состава остается стабильным и не имеет тенденции к уменьшению.

В связи с этим возникает ряд проблем, связанных с комплектованием вакантных должностей в подразделениях ОВД. Несмотря на увеличение в 2010 году набора в Академию Министерства внутренних дел (далее – МВД) и преобразование Могилевского колледжа МВД в высшее учебное заведение, учреждения образования МВД

не в полной мере обеспечивают территориальные ОВД квалифицированными специалистами. Выходом из сложившейся ситуации является прием на службу выпускников «гражданских» учреждений образования, которые зачастую не готовы к самостоятельному, социально ответственному действию в сфере профессиональной деятельности. Представляется возможным предположить, что эффективное использование системы повышения квалификации и переподготовки кадров способно оперативно решить ряд кадровых проблем.

На сегодняшний день повышение квалификации осуществляют все учебные заведения МВД. Подготовка руководящих кадров, а также сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение, в установленном порядке организуется на базе Академии МВД, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Академии управления МВД Российской Федерации. В соответствии с решением Министра внутренних дел РБ от 27 марта 2008 г. в МВД реализуется двухуровневая система переподготовки и повышения квалификации кадров, в соответствии с которой руководящие работники МВД, должности которых включены в кадровый реестр

Главы государства, его резерв, направляются для обучения по указанным формам в Академию управления при Президенте Республики Беларусь, иные руководители и специалисты органов и подразделений внутренних дел – в Академию МВД и другие учреждения образования.

Однако определенные проблемы в организации повышения квалификации все же имеются. Как отмечают российские авторы, анализ комплектования учебных групп показывает, что имеют место случаи направления на учебу бесперспективных сотрудников, не в полной мере соблюдаются установленные законодательством сроки прохождения повышения квалификации сотрудниками ОВД. На недостаточном уровне находится обеспечение системы дополнительного профессионального образования учебными пособиями, в том числе их компьютерными версиями. Отсутствие единого научно-педагогического подразделения в ОВД в области дополнительного профессионального образования осложняет координацию организационных мероприятий по повышению квалификации сотрудников ОВД [1, с. 34, 35].

Профессорско-преподавательский состав, обеспечивающий повышение квалификации кадров ОВД, задействован в подготовке курсантов и слушателей, что затрудняет обеспечение целенаправленной работы со специалистами, получающими дополнительное образование. Указанные сложности в определенной степени характерны и для Республики Беларусь. Таким образом, следует констатировать, что на сегодняшний день в системе МВД плановая и целенаправленная работа по повышению квалификации сотрудников ОВД требует дальнейшего совершенствования.

Востребованность системы дополнительного образования обусловлена ускоряющимся процессом устаревания знаний, потребностью гибко и своевременно реагировать на новые требования и возможностью без значительного отрыва от служебной деятельности в наиболее короткие сроки достаточно качественно повысить профессиональный уровень сотрудника.

Понятие «повышение квалификации» в научной литературе трактуется неоднозначно. По мнению К.В.Щербакова, современная система повышения квалификации представляет собой сложное социально-экономическое и информационно-технологическое явление, особый тип гибкой организационной системы управления, системы инновационных подходов, способный чутко реагировать на потребности общества и своевременно перестраиваться с учетом требований внешней среды в целом и правоохранительной системы в частности [2, с. 63]. Л.П.Орехова рассматривает повышение квалификации как процесс непрерывного обновления знаний, навыков и умений преподавателей, специали-

стов и руководителей для их полного соответствия изменяющимся условиям и видам деятельности [1, с. 42]. А.П.Егоршин под «повышением квалификации» понимает основной способ обеспечения соответствия квалификации сотрудников современному уровню развития науки, техники и экономики [3, с. 20]. Таким образом, основной акцент в перечисленных дефинициях ставится на обновление и углубление уже имеющихся у слушателей знаний.

Полагаем, что наиболее полное определение понятию «повышение квалификации» дается в Инструкции о порядке и условиях проведения профессиональной подготовки сотрудников ОВД Республики Беларусь, утвержденной приказом Министра внутренних дел РБ. Вышеуказанный нормативный акт определяет, что повышение квалификации – это процесс обучения, направленный на углубление полученных ранее профессиональных знаний, приобретенных умений и навыков, совершенствование деловых качеств сотрудников и удовлетворение их образовательных потребностей, связанных с профессиональной деятельностью.

Содержание данного социально-образовательного института наиболее полно раскрывается через его цели и функции. Е.В.Измайлова главной целью обучения в системе повышения квалификации считает поступательное развитие специалиста как личности и как профессионала на основе совершенствования его профессиональной деятельности. К функции повышения квалификации она относит: адаптивную, предполагающую оперативную подготовку к изменяющимся условиям деятельности и общества, инновационную как обновление теоретических знаний и совершенствование умений, развивающую, которая обеспечивает формирование профессиональной направленности личности, ориентационную – осуществление самообразования в межкурсовой период. Также выделяет компенсаторную функцию, восполняющую пробелы в базовом образовании [4, с. 42, 43]. По мнению Н.И.Пицика, основной целью системы подготовки и переподготовки кадров являются рост профессионального уровня, подготовка управленческих кадров нового стиля мышления, обладающих необходимыми знаниями, умениями и навыками для выработки стратегии развития, разбирающихся в особенностях рыночной экономики, проблемах государственного управления, финансового менеджмента, управления человеческими ресурсами, управления конфликтами [5, с. 122]. Такой же точки зрения придерживается и А.В.Фатула, который выделяет три основные цели повышения квалификации руководящих сотрудников ОВД: переподготовку сотрудников, назначенных на новые руководящие должности; подготовку сотрудников, для продвижения по службе (подготовка резер-

ва), повышение квалификации (периодическое обновление и расширение знаний) [6, с. 80]. На основании вышеизложенного представляется возможным предположить, что содержанием понятия «повышение квалификации» является удовлетворение образовательных потребностей слушателей, с одной стороны, и обеспечение структур ОВД квалифицированными кадрами, с другой.

Таким образом, прохождение повышения квалификации позволяет сотрудникам ОВД приобрести новые, необходимые для качественного выполнения обязанностей, знания, обновить имеющиеся знания, совершенствовать умения и навыки практической работы, расширить кругозор, повысить уровень правовой культуры и реализовать свое право на дополнительное образование. Также появляется возможность сократить период адаптации и подготовить сотрудника к занятию вышестоящей должности.

Поскольку повышение квалификации является одним из видов дополнительного образования, без учета особенностей категории обучающихся подготовка кадров будет неэффективной. Как справедливо отмечает Е.В.Измайлова, взрослый человек – уже сложившаяся личность, обладающая своими индивидуальными запросами и потребностями, своим индивидуальным стилем мышления, собственным опытом. Он вправе выбрать для себя форму и направления собственного, в первую очередь, профессионального самосовершенствования [4, с. 60].

Заслуживает внимания мнение Л.П.Ореховой, которая полагает, что нельзя ограничиваться только организацией системы повышения квалификации, методом централизованных сборов. Причиной этого указывает невозможность охватить весь контингент сотрудников, нуждающихся в повышении квалификации, слишком значительный временной перерыв между учебными сборами, интенсивное развитие науки и практики, невозможность полного удовлетворения индивидуальных потребностей в знаниях каждого сотрудника. Предлагает использовать различные формы повышения квалификации, в том числе и самостоятельное обучение по индивидуальному плану непосредственно в ОВД с последующим отчетом перед комиссией для получения соответствующего сертификата [1, с. 45, 46].

Однако, по нашему мнению, самостоятельное обучение, как и повышение квалификации, является отдельным компонентом системы профессионального развития кадров и оно не тождественно понятию «повышение квалификации». Профессиональное развитие – это процесс улучшения профессиональных способностей человека, приращение профессионального опыта, процесс наполнения структурных компонентов

профессионального опыта человека новым, отличным от предыдущего, содержанием [7, с. 295]. Повышение квалификации основывается на получении и обновлении знаний путем эффективного взаимодействия профессорско-преподавательского состава, практических работников и слушателей. Процесс обучения организовывается учебными заведениями.

Однако следует отметить, что повышение квалификации является также и обязанностью. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 марта 2008 г. № 379 «Об утверждении Положения о порядке осуществления повышения квалификации, стажировки и переподготовки работников и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Беларусь» повышение квалификации относится к дополнительному образованию и обеспечивает углубление профессиональных знаний и навыков работников на соответствующих уровнях полученного ранее основного образования и подтверждается свидетельством о повышении квалификации установленного образца. В вышеуказанном документе закреплено, что повышение квалификации работников осуществляется по мере необходимости, но не реже одного раза в пять лет.

Указом Президента Республики Беларусь от 2 июня 2009 г. № 275 «О некоторых мерах по совершенствованию подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере управления» предусмотрено, что государственные органы и иные государственные организации обеспечивают прохождение повышения квалификации руководящих кадров из числа своих работников не реже одного раза в три года, а работников, организующих идеологическую работу, – не реже одного раза в год.

К сожалению, на сегодняшний день учреждения образования МВД не располагают достаточной материально-технической базой для подготовки сотрудников ОВД в системе повышения квалификации в необходимом количестве и с необходимой периодичностью. С учетом изложенного представляется возможным предположить, что совершенствованию системы повышения квалификации будут способствовать следующие меры:

1. Создание электронных информационных баз данных о прохождении повышения квалификации сотрудниками во всех структурных подразделениях МВД позволит систематизировать учет, скоординировать работу кадровых подразделений в этом направлении и соблюдать установленные законодательством сроки направления сотрудников в учреждения образования для повышения квалификации.

2. Использование единой информационной системы обучения (далее – ЕИСО) для сотрудников ОВД позволит сократить сроки пребывания

ния в учреждениях образования до двух-трех дней для обмена опытом с практическими работниками, получения разъяснений по изученному материалу профессорско-преподавательского состава и прохождения итоговой аттестации. ЕИСО предоставляет различным категориям сотрудников ОВД возможность самостоятельного обучения по шести направлениям служебной деятельности, получения консультаций профессорско-преподавательского состава Академии МВД, дистанционного обучения сотрудников, представляемых для назначения на должности основной и учетно-контрольной номенклатур МВД.

3. Также представляется возможным использовать такую форму повышения квалификации

как проведение учебных сборов по направлениям деятельности с участием профессорско-преподавательского состава учебных заведений на базе областных управлений внутренних дел. Две предложенные формы повышения квалификации позволят обеспечить эффективное взаимодействие слушателей и учреждений образования.

4. Издание ведомственного нормативного акта, четко регламентирующего формы прохождения повышения квалификации и соответствующую им иерархичность категорий сотрудников, позволит значительно улучшить качество подготовки специалистов и оптимизировать имеющиеся интеллектуальные и материально-технические ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орехова, Л.П. Совершенствование дополнительного профессионального образования сотрудников органов внутренних дел МВД России: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Л.П. Орехова. – М., 2003. – 236 л.
2. Щербаков, К.В. Развитие управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел в системе повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / К.В. Щербаков. – Барнаул, 2008. – 222 л.
3. Егоршин, А.П. Управление персоналом / А.П. Егоршин. – Н. Новгород: НИМБ, 1997. – 605 с.
4. Измайлова, Е.В. Повышение квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы на основе личностно-ориентированного обучения: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Е.В. Измайлова. – Киров, 2008. – 169 л.
5. Пицик, Н.И. Государственная кадровая политика в органах власти и управления как социальный институт: дис. ... д-ра социолог. наук: 22.00.04 / Н.И. Пицик. – М., 2006. – 428 л.
6. Проблемы организации работы с личным составом ОВД: тр. Акад. МВД Рос. Федерации; под ред.: Л.М. Колодкина [и др.]. – М.: Акад. МВД Рос. Федерации, 1993. – 100 с.
7. Государственная служба: энцикл. словарь / В.К. Егоров [и др.]; под общ. ред. В.К. Егорова и И.Н. Барцица. – М.: РАГС, 2008. – 432 с.

Дата поступления статьи в редакцию 24.03.2011

УДК 159.9:342.534

ПРОФЕССИОГРАММА ДЕПУТАТА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА

КИБАК И.А.,

доцент кафедры психологии и педагогики Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат психологических наук

В статье рассматриваются проблемы и пути развития профессиограммы депутата в законодательном органе. На основе анализа собственных наблюдений и исследований приводятся профессионально важные качества депутата, необходимые в парламентской деятельности. Представлена авторская структура профессиограммы депутата, включающая описание всех сторон его парламентской (законотворческой) деятельности: интеллектуально-волевая законотворческая деятельность, целеполагающе-законотворческая деятельность, поисковая законотворческая деятельность, аналитическая законотворческая деятельность, коммуникативная сторона деятельности депутатов, удостоверительная законотворческая деятельность, прогностическая парламентская деятельность, организационная парламентская деятельность, информативно-представительская деятельность, социальная деятельность, консультативная парламентская деятельность, идеологическая парламентская деятельность. Намечены наиболее перспективные направления дальнейших исследований.

There is a consideration of problems and ways of development of deputy professionogram in legislature. On the basis of the analysis of own supervision and investigations there is a list of professionally important qualities of the deputy that are necessary in parliamentary activity. There is an author's structure of deputy professionogram, including the description of all parts of its parliamentary (legislative) activity: intellectual and strong-willed legislative activity; goal setting and legislative activity; searching legislative activity; analytical legislative activity; communicative aspect of deputies activity; attestant legislative activity; prognostic parliamentary activity; organizational parliamentary activity; informatively representation activity; social activity; advisory parliamentary activity; ideological parliamentary activity. The most perspective directions of the further researches are planned.

Происходящие в белорусском обществе процессы предъявляют к депутатам Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь (далее – депутат), к уровню их психологической культуры, профессионализма, компетентности повышенные требования. Одним из важнейших качеств депутатов выступают личностные качества, от развития которых напрямую зависит эффективность и продуктивность законотворческой деятельности. Проблема развития личностных качеств депутатов обладает научно-практической значимостью, поскольку, с одной стороны, именно профессиональная деятельность депутата является главной формой активности личности, а с другой стороны – от нее во многом зависит успешное функционирование Палаты представителей. Профессиональная деятельность большинству депутатов дает возможность удовлетворить их

потребности, реализовать свое «Я», достичь определенного общественного признания. Вместе с тем проблема совершенствования личностных качеств депутатов в ходе парламентской деятельности еще недостаточно разработана, особенно в отношении выявления условий и факторов, обеспечивающих оптимизацию их развития.

Исследование личностно-деловых качеств профессионалов, включая депутатов, возможно на базе различных научных дисциплин: социологии, политологии, психологии, философии и т.д.

Профессиональную парламентскую деятельность депутатов можно рассматривать как разновидность юридической деятельности, процесс планирования и осуществления которой, в свою очередь, сам подробно урегулирован законодательными и регламентными нормами. В то же

время законотворческая деятельность депутатов отличается от иных видов юридической деятельности тем, что депутат для ее осуществления чаще всего не является юристом по базовому образованию; его профессиональные навыки в этой сфере приобретены в процессе практической деятельности и не всегда в должной мере подкреплены академическими знаниями. Задача психолого-правового обеспечения деятельности депутатского корпуса возложена на работников профессиональных подразделений палат Парламента Республики Беларусь.

Практика свидетельствует, что в зависимости от личностных качеств, профессионального и жизненного опыта депутаты по-разному осваивают свои депутатские полномочия и правовые гарантии деятельности, отдают предпочтение различным формам работы (законотворческой, внепарламентской). Так, одни депутаты регулярно посещают пленарные заседания, голосуют в соответствии со своей гражданской позицией и позицией своей депутатской группы, но мало вникают в юридические хитросплетения положений законопроектов. Другие, напротив, основную нагрузку в осуществлении своих депутатских полномочий несут в области разработки, внесения и последующей содержательной доработки законопроектов. Третьи всецело посвятили себя партийно-политической деятельности, в рамках которой находится место и законотворчеству. Четвертые выступают как лоббисты интересов своего избирательного округа либо отдельных лиц, активно используя для этого возможности депутатских запросов и обращений. Пятые, устранившись от рутинной парламентской деятельности, месяцами не появляясь в зале заседаний, заняты своими коммерческими делами или посещают политические и иные презентации.

Жизнь вносит свои коррективы в направленность, которая не всегда благоприятна. Так, исследования мотивов профессионального выбора у депутатов, решивших работать в законодательном органе, и их сравнение с данными 90-х годов прошлого века показало, что реже отмечаются: семейная традиция, влияние депутатской деятельности, содержательный интерес профессиональной депутатской деятельности и, наоборот, приобретают больший вес такие мотивы, как поиск выхода из трудных коммерческих условий, сильная неудовлетворенность прежней работой, необходимость иметь депутатскую неприкосновенность, свободное время для определенных занятий (бизнеса, лоббирования законов, создания имиджа депутата-политика, преподавания, написания диссертаций и книг и т.п.).

На основе собственных наблюдений и исследований в Палате представителей второго созыва на первое место мы переместили такой мотив, как возможность иметь депутатскую неприкосновенность, лоббировать свой бизнес, иметь

льготы, чувствовать себя в безопасности, стать увереннее. Такие изменения, подтверждаемые и другими исследованиями, обязывают повысить внимание к вопросам изучения, оценки и развития системы мотивации у всех работающих в законодательном органе, правовой системе депутатов.

Однако вне зависимости от избранных приоритетов парламентская деятельность сохраняет свой сложный многоцелевой интеллектуально-практический характер, требует специальных навыков и умений, коммуникабельности, психологической устойчивости и работоспособности. Успехи и достижения депутата в его профессиональной деятельности определяются не только его авторитетом публичного депутата-политика и уровнем базовой профессиональной и психологической подготовки, но и рядом личностных качеств, которые в иных условиях могут не проявляться и не реализовываться. Профессиональная парламентская деятельность отличается событийной насыщенностью, сжатостью временных рамок, эмоциональной напряженностью и в то же время – необходимостью придерживаться жестких и корректных правил в общении с коллегами. Это требует стрессовой устойчивости, способности подавлять отрицательные эмоции, не поддаваться психологическим манипулятивным приемам, явной и скрытой агрессии.

Принятие законопроектов, законодательных решений – это прежде всего защита справедливости, утверждение законности и добра, борьба со злом и несправедливостью. Защищая законность, справедливость и мораль, депутат обязан сам в своих действиях, поведении и личной жизни быть морально примерным. Это не только дает ему моральное право, без этого он просто не может правильно решать проблемы морали в парламентской деятельности. Работа в Палате представителей связана с высокими морально-психологическими нагрузками, выдерживать которые обязан каждый депутат.

Мораль – не только требование, неотъемлемая сторона, результат профессиональных действий, но всегда и характеристика сознания депутата, его психологии, личных качеств и морально-психологической подготовленности. Несоответствие подготовленности морально-психологическим требованиям, которые объективно предъявляют к нему профессиональная депутатская деятельность и внепарламентская работа, ведет к срывам, ошибкам, неэффективности принятия законов и законодательных решений, нарушениям законности, подрыву авторитета Парламента и престижа депутатской профессии, недостаточной поддержке населением Палаты представителей, утрате гражданами веры в справедливость в обществе и другим негативным последствиям.

Чтобы пресекать зло, утверждать законность, добро и справедливость, депутату надо быть в своих действиях на высоте моральных требований. Парламентская деятельность испытывает моральную стойкость депутата, способность устоять перед соблазнами, не воспользоваться некоторыми преимуществами и возможностями положения, депутатскими полномочиями, не поддаваться стремлениям преступного мира подкупить его совесть, честное имя и репутацию. Депутат, не обладающий высокими морально-психологическими качествами, всегда находит десятки оправданий для возведения психологической крепости, ограждающей его совесть от угрызений, заставляя ее молчать, тем самым облегчая переживания по депутатской целесообразности. Морально-психологическая незрелость психологии личности депутата приводит к допущению безнравственности, видимости депутатской работы, нарушениям законности.

Морально-психологические особенности личности депутата выражаются в следующем: стремление постоянно, в любых условиях следовать требованиям гражданского, патриотического, профессионального парламентского долга; нацеленность в жизни и парламентской деятельности на утверждение добра и справедливости, на борьбу со злом и несправедливостью; знание моральных норм, убежденность в их ценности и необходимости, подчинение им своего личного поведения в повседневной жизни и парламентской деятельности; глубокое понимание избирателя, признание его достоинства, прав, интересов и жизни как высшей социальной и духовной ценности; понимание связи своей депутатской деятельности с вопросами морали, убежденность в необходимости достижения не только правовых, но и высоких моральных результатов; умение и стремление всегда разбираться в моральных нормах, тонкостях своего профессионального поведения и действий, учитывать их при рассмотрении, обсуждении и принятии проектов законов и законодательных решений; стремление всегда быть на высоте моральных требований и выполнять их не ради законодательного решения исходя не из страха перед избирателями (лобби), а по внутренней моральной потребности; обладание высокой морально-психологической устойчивостью при действии факторов, подталкивающих его к отступлению от моральных норм; умение сохранять оптимально бодрое, здоровое морально-психологическое настроение в любой парламентской ситуации.

Такое поведение и действия регулируются личностным комплексным психологическим образованием, профессиональной подготовкой, психологической и нравственной культурой депутата. Это именуется морально-психологической подготовленностью и имеет свою внутреннюю структуру.

Психологический анализ законотворческой деятельности позволяет выделить ряд этапов прохождения законопроекта, через которые происходит движение к конечной цели – получению информации об эффективности предлагаемых правовых норм. Особенно важно четкое представление целей, на достижение которых направлена вводимая правовая норма, осознание того, какие формы человеческого поведения требуют расширения либерализации либо репрессий, а какие – их осуждения, каковы психологические механизмы общепреventивного воздействия норм права. Одним из главных результатов психологического анализа законотворческой и внепарламентской деятельности должно явиться создание профессиограммы депутата, представляющей собой комплексное отражение основных сторон этой деятельности, а также личностных качеств, которые в ней реализуются.

О.Н.Булаков, И.С.Крылов, Р.М.Романов отмечают: у депутатов с разной интенсивностью проявляются те или иные стороны законодательной деятельности [1; 2; 4, с. 203–204; 5]. У каждой конкретной личности, занятой законотворческим процессом, та или иная сторона может доминировать на базе развития личностных качеств. Как отмечал А.С.Косопкин, «законотворческая деятельность налагает особые требования к депутатам как субъектам принятия решений: умение отстаивать свою точку зрения, дискутировать, аргументировать свою позицию в состязательном споре» [3, с. 18]. Профессионально важные качества депутатов обусловлены их взглядами, направленностью и последовательностью мировоззрения, которое способствует выработке понимания социальной значимости своей профессии, идейной убежденности, воспитывает чувство долга, справедливости, объективности, честности как комплекса профессиональных функций, а также предопределяет активность личности как стремление принимать деятельное участие в жизни общества, проявляя при этом социально важную инициативу. Сложность и ответственность деятельности по осуществлению законодательного решения требуют мобилизации всех способностей личности депутата, поскольку они прямо зависят от ее психологической структуры и избранной депутатской профессии. Профессиональные функции формируют психические качества личности, подчиняя их требованиям, предъявляемым к данной сфере деятельности, поэтому каждый субъект права законодательной инициативы должен сознательно совершенствовать свои психические качества, анализировать их состояние применительно к избранной профессии. Большое значение имеет понимание личностью социальных функций, которые она выполняет в связи с осуществлением законотворчества. Социальная значимость этих функций определяет

нравственную модель личности, создает структуру такой профессиограммы, которая включает многие направления законотворческой и внепарламентской деятельности.

В психологических исследованиях последнего времени не анализируется структура профессиограмм, относящихся к деятельности законодательного органа. Профессиограмма депутата должна включать подробное описание всех сторон его парламентской (законотворческой) деятельности, необходимых качеств, знаний, умений, навыков и опыта. Первое исследование профессиограммы депутата принадлежит автору и представляет собой общий психолого-профессиональный портрет личности депутата, основанный на данных психологических и социологических методов изучения его деятельности. Профессиограмма личности депутата, по нашему мнению, — это многоуровневая иерархическая структура, отражающая все основные стороны профессиональной парламентской деятельности, а также личностные качества, умения и навыки, которые реализуются в законотворческой и внепарламентской деятельности. Профессиограмма депутата состоит из нескольких блоков, последовательно включающих определенные стороны его деятельности. К ним отнесены:

целесообразно-законотворческая деятельность, которая определена как основная, поскольку формирование направленности, общественных целей и их реализация путем законотворческой деятельности, парламентского воздействия на все компоненты законодательной системы являются главной особенностью данного явления в контексте современного управления обществом. Она проявляется в процессе уяснения смысла, цели и содержания предлагаемых законопроектов, законодательных решений. Кроме того, деятельность депутатов в рамках обсуждения вопросов и принятия законопроектов, правовых решений предельно регламентирована, что неизбежно накладывает отпечаток на психологическую составляющую законотворческой деятельности. Профессиональная направленность депутата — особая система его побуждений к применению своих сил и способностей в укреплении законности, прав человека и правопорядка в стране с помощью принятия проектов законов. Она характеризуется отношением депутата к принятию законопроектов как к высшей социальной и жизненной ценности, к борьбе за законность, права и свободу человека и правопорядок, к законодательной деятельности, как отвечающим главным своим особенностям и потребностям, установкам на использование законных и цивилизованных способов решения депутатских полномочий. Направленность — ведущее психологическое свойство личности, в котором представлена вся система

ее побуждений к жизни и деятельности, определяющая избирательность отношений, позиций и активности;

интеллектуально-волевая законотворческая деятельность — волевая направленность мышления на решение определенных законотворческих задач, способность обеспечить разрешение спорных ситуаций, анализ собранной информации по проекту закона и выдвижение на базе ее анализа и специальных психолого-юридических знаний рабочих вариантов эффективности предлагаемых правовых норм законопроекта. Личностные качества депутата: воля, память, воображение, мышление, внимание и специальный интеллект, интуиция;

поисковая законотворческая деятельность заключается в собирании исходной психолого-правовой информации, необходимой для подготовки и принятия законопроекта, законодательного решения, разработки критериев и показателей эффективности норм права. Личностные качества депутата: профессионально-психологическая наблюдательность, любознательность, устойчивость и концентрация внимания, высокая ориентация;

аналитическая законотворческая деятельность — изучение, обобщение и осмысление критической информации о проекте закона, способность к усвоению социальной сущности парламентских решений, предвидению их последствий, оценка законотворческой деятельности всех ветвей государственной власти;

коммуникативная сторона деятельности депутатов проявляется в ходе общения с коллегами и иными субъектами права, с представителями органов государственной власти, избирателями и включает также умение отстаивать свою точку зрения, дискутировать, аргументировать свою позицию в состязательном споре. Заключается в получении необходимой психолого-правовой информации в процессе разработки и принятия проекта закона. Особенно большое значение эта деятельность имеет при обсуждении (общественных и парламентских слушаниях, расширенном обсуждении на постоянных комиссиях) проекта закона. Коммуникативная деятельность способствует развитию взаимодействия и взаимосвязи депутатов, государственных органов и организаций, создает социальные цепочки отношений различных субъектов права. Для данной деятельности необходимы следующие качества: общительность, эмпатия, рефлексия, эмоциональная устойчивость, чуткость, умение выступать на пленарных заседаниях и иных мероприятиях, умение слушать человека, умение говорить с ним;

установочная законотворческая деятельность — приведение всей полученной информации по проекту закона в специальную, законом предусмотренную форму (изменение, ис-

ключение, дополнение либо создание новых правовых норм) или в виде заключения, обоснования, предложений и т.п. Личностными качествами депутата являются аккуратность, пунктуальность, четкая письменная речь в плане написания обоснований, замечаний и предложений по законопроекту;

прогностическая парламентская деятельность – прогнозирование развития законотворческих и политических процессов в Палате представителей и в стране в целом, особенностей профессиональной парламентской деятельности и возможных результатов (в том числе и отрицательно влияющих на общее состояние дел в тех или иных сферах деятельности) депутатской работы, поведения парламентариев. Личностные качества депутата: интуиция, представления и воображение, способность образно предвидеть, мысленно проигрывать события и др.;

организационная парламентская деятельность проявляется в соответствии с распределением статусных ролей и функциональных обязанностей в вопросах планирования и организации процесса принятия законопроектов, законодательных решений, а также в волевых действиях по реализации и проверке законотворческих вариантов и планов по эффективности предлагаемых правовых норм закона. Статус депутата в целом предполагает самостоятельность в реализации депутатских полномочий. Она подразделяется на следующие аспекты: самоорганизованность, воля, собранность, целеустремленность, настойчивость, организаторские способности в работе с избирателями и при принятии законодательного решения. В частности, организаторские способности депутата проявляются в нескольких направлениях его деятельности: самоорганизации, выражающейся в дисциплинированности, правильном распределении времени, выполнении различных депутатских полномочий; организации деятельности других лиц, участвующих в законотворческом процессе; организации и координации деятельности учреждений, выполняющих законодательное обеспечение применительно к возникшим ситуациям. В организации работы депутатов важное значение имеет способность противостоять отрицательным эмоциям. Они могут быть сведены к минимуму за счет глубокой уверенности в значимости выполняемой законотворческой работы, ее высокой социальной полезности, а также удовлетворения, которое приносит решение по проекту закона либо по другим вопросам жизнедеятельности избирателей;

информативно-представительская деятельность связана с обеспечением депутатом представления интересов избирателей своего округа и политических партий. Депутаты, определяя и отстаивая свою позицию в отношении предлагаемых парламентских решений, олицетворяют

волю делегировавших их избирателей. Она носит характер обратной связи: обеспечение субъектов права (депутатов) информацией об их взаимодействии, общественном мнении, общественных настроениях, отношениях к конкретным действиям, поступкам, акциям;

социальная деятельность охватывает политический и законотворческий аспекты в деятельности депутата как инициатора и организатора принятия закона, правового решения. Деятельность эта включает участие в законотворческой деятельности, правовую пропаганду, психологическую и правовую культуру. Сердцевина социально-мотивационных качеств – социально зрелое мировоззрение – совокупность идей, убеждений, взглядов на жизнь и общество. Каждый депутат может успешно выполнять свои депутатские полномочия, лишь понимая жизнь общества, занимая общественно правильную позицию в решении проблем, будучи полноценным гражданином общества, сознательным борцом за социальную справедливость, за лучшее будущее белорусского народа. Общие качества: патриотизм, гуманность, честность, принципиальность; консультативная парламентская деятельность – оказание психолого-правовой и иной помощи субъектам права, депутатским группам, отдельным депутатам по совершенствованию их деятельности, а также избирателям, консультирование в системе отношений «субъект права–депутат», «депутат–депутат» и «депутат–избиратель»;

идеологическая парламентская деятельность выражается в том, что законотворчество и внепарламентская деятельность оказывают определенное воздействие на формирование у депутата определенных взглядов, идей, выражающих его отношение к определенным слоям общества, нациям, религиям, и к избирателям, принадлежащим к названным социальным образованиям. Идеологическое воздействие может быть позитивным, прогрессивным, соответствующим принципам равенства всех людей независимо от нации, вероисповедания. Оно может формировать и негативное отношение к другим нациям, религиям, разжигать межрелигиозную, межклассовую вражду и ненависть. Основами такого различного идеологического воздействия законотворчества являются направленность правового регулирования, характер правовых норм, закрепляющих отношения между нациями и религиями и между людьми разных наций, религий, общественных слоев.

Профессиональная деятельность парламентария связана с властными полномочиями, с правом не только применять власть, данную ему законом, но и на соответствующем его полномочиям уровне формировать правовые нормы социального поведения. Это требует от парламентариев высокого уровня социальной ответственности

ности, осознания важности последствий принимаемых ими законопроектов, правовых решений.

В приведенной профессиограмме главенствующее место принадлежит их законотворческой деятельности, поскольку она способствует формированию профессионально-психологических качеств депутата. Вместе с тем элементы данной структуры взаимосвязаны таким образом, что наличие одного из них определяет эффективность функционирования других. Исследование профессиональной парламентской деятельности депутата позволяет выделить профессионально важные психические свойства лиц, участвующих в законотворчестве. Среди них можно назвать творческое мышление, аналитические способности, коммуникабельность, волевые качества, организаторские способности, способность противостоять отрицательным эмоциям, правовой опыт, связь с практикой, профессионализм (знание предмета, статуса, регламента, а также умение убедить других парламентариев в необходимости принятия того либо иного законопроекта), компетентность.

Многосторонность и разнообразие законотворческой деятельности связаны с разными обстоятельствами, обусловленными сущностью и

характером действий депутата. Этим объясняются сложность и психологическая напряженность в выполнении депутатом профессиональных функций. Нестандартные ситуации, в которых необходимо принятие единственно возможных законопроектов и законодательных решений, противодействие со стороны заинтересованных лиц (лоббистов) вынуждают депутатов проявлять волевые качества, чтобы обеспечить эффективную организацию их деятельности и незамедлительное принятие законодательного решения.

Разнообразие приведенных характеристик (сторон деятельности депутата) обуславливает сложность профессии депутата, связанную с парламентской (законотворческой) и внепарламентской деятельностью, ее многоаспектную направленность, высокую общественную и государственную значимость, психологическую и воспитательную роль. По общему правилу обсуждение и принятие законопроекта носит открытый характер: формулировки законодательных решений обсуждаются и отстаиваются иногда в жесткой конкурентной борьбе, ход которой скрупулезно отслеживается прессой и электронными СМИ. Это требует от депутатов особых психологических качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаков, О.Н. Двухпалатный парламент Российской Федерации / О.Н. Булаков. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. – 753 с.
2. Косопкин, А.С. Психология парламентского законотворчества / А.С. Косопкин. – М.: Наука, 2006. – С. 18.
3. Крылов, И.С. Европейский парламент / И.С. Крылов. – М., 1987. – 324 с.
4. Романов, Р.М. Парламентаризм: теория, история и современность / Р.М. Романов. – М., 2002. – С. 203–204.
5. Романенко, О.К. Юридическая этика: учеб.-метод. комплекс / О.К. Романенко. – Минск: Изд-во МИУ, 2004. – 126 с.

Дата поступления статьи в редакцию 15.02.2011

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ЛОГУНОВА Н.М.,

соискатель кафедры экономической безопасности Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье проведен анализ угроз экономической безопасности на различных направлениях Государственной границы Республики Беларусь. С учетом реальных условий рассмотрены возможные направления деятельности республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов по повышению уровня экономической безопасности на Государственной границе и приграничной территории.

In the article there is the analysis made on the challenges to the economic security in different directions of the State border of the Republic of Belarus. Taking into account real life conditions the article considers possible course of action of the republican authorities of the state administration, local executive and regulatory bodies aimed at the increase of the level of the economic security on the State border of the Republic of Belarus and in the border area.

Начиная с 1995 года экономика Республики Беларусь развивается по экономической модели социально ориентированной рыночной экономики, сочетающей преимущества современного высокоразвитого рыночного хозяйства с обеспечением эффективной социальной защиты граждан. Одной из главных задач в условиях трансформации экономики является обеспечение экономической безопасности страны, предусматривающее эффективное развитие экономики, интегрированность в международные союзы, создание механизмов защиты собственных экономических интересов.

Страны, имеющие развитую экономику, не столько нуждаются в новых территориях, сколько стараются как можно шире распространить свое экономическое влияние. В глобальном масштабе происходит передел рынков, перераспределение финансовых потоков и производственных сил, обострение конкуренции. Становится очевидным, что без устойчивого развития экономики страны трудно претендовать на какую-либо роль в нынешнем мире. Поэтому на передний план выдвигается проблема обеспечения экономической безопасности страны. Достижение экономической безопасности страны — одна из важнейших функций государства, оказывающая прямое влияние на безопасность страны в целом [1].

Обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь на Государственной гра-

нице и приграничной территории приобретает особую значимость, поскольку именно здесь происходит соприкосновение национальных интересов государств в международной, экономической, информационной, военной и иных сферах деятельности. При этом национальные интересы Республики Беларусь представляют собой совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие [2].

Одним из субъектов, осуществляющих защиту экономических интересов государства на Государственной границе и приграничной территории в рамках обеспечения пограничной безопасности, являются органы пограничной службы Республики Беларусь. Пограничная безопасность является составной частью национальной безопасности Республики Беларусь и представляет собой состояние защищенности политических, экономических, информационных, гуманитарных и иных интересов личности, общества и государства на Государственной границе и в пограничном пространстве. Данное положение защиты жизненно важных интересов регулируется Законом Республики Беларусь «О Государственной границе Республики Беларусь» и иными актами законодательства Республики Беларусь,

в том числе путем осуществления охраны Государственной границы, функционирования пунктов пропуска через Государственную границу, предупреждения и пресечения правонарушений на приграничной территории [3].

Анализ оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь показывает, что основной объем ввозимых в Республику Беларусь товарно-материальных ценностей составляют товары промышленного производства: одежда, обувь, галантерейные товары, крупная и мелкая бытовая техника, автомобильные запчасти, автокосметика и аксессуары, продукты питания, товары для детей, мобильные телефоны, компьютеры и комплектующие, строительные материалы и строительный инструмент.

Основными видами продукции, в массовом порядке вывозимой из Беларуси на протяжении последних двух лет, остаются табачные изделия и дизельное топливо.

При этом, как отмечают сотрудники правоохранительных органов, номенклатура товара, вовлеченного в противоправный оборот, полностью соответствует легально перемещаемому через Государственную границу.

По оценкам сотрудников органов пограничной службы и оценкам компетентных служб (пограничных и таможенных) сопредельных государств, непосредственно на Государственной границе из незаконного оборота изымается не более 25–30 % предметов контрабанды, еще 10–15 % – удается обнаружить и изъять на территории страны. В конечном итоге не менее 50 % незаконно ввезенных в страну товаров вовлекаются в торговый оборот, из них около 30–35 % реализуются через легальную сеть оптовых и розничных продаж [4].

Активность как легальных, так и незаконных перемещений товаров через Государственную границу Республики Беларусь со странами Европейского союза напрямую связана с действующей на данный момент ценовой политикой. Так, сравнительный анализ стоимости продукции, ввозимой в Республику Беларусь, показывает, что практически во всех случаях ее цена на территории сопредельных государств в полтора – два раза ниже, чем в Беларуси. С другой стороны, цены на продукцию табачной промышленности и горюче-смазочных материалов в странах Европейского союза выше, чем в Беларуси в 1,5–2 раза.

Практика показывает, что введение ограничений и (или) повышенных ставок таможенных пошлин на конкретный вид продукции влечет за собой их уход в тень, нелегальный оборот.

Кроме того, существенное влияние на данные процессы оказывает политика, проводимая сопредельными странами. В частности, граждане Европейского союза, в том числе Польши, Литвы и Латвии, в своем большинстве не под-

вергаются столь жесткому и тщательному контролю со стороны собственных контрольных служб (пограничных, таможенных) в пунктах пропуска, как граждане Беларуси. Такая политика привела к смещению баланса лиц, пересекающих Государственную границу, в сторону иностранных граждан.

Анализ работы международного автомобильного пункта пропуска на белорусско-польском участке границы показывает, что среднесуточный поток легкового транспорта, принадлежащего гражданам Беларуси, на выезд из страны составляет порядка 450–470 единиц, из которых около 300 въезжают в Польшу по процедуре так называемого «бестоварного» въезда. Таким образом, следуя на выезд из страны, граждане Республики Беларусь в основном вывозят разрешенные объемы табачных изделий (1 блок сигарет) и полный бак топлива. Возвращаясь в Республику Беларусь, данная категория граждан ввозит промышленные товары, зачастую с нарушением таможенного законодательства. Очевидно, что именно эти граждане вовлечены в так называемый челночный бизнес через Государственную границу.

Как правило, иностранцы из числа граждан Польши, Литвы и Латвии, выезжая из Беларуси, вывозят табачные изделия и горюче-смазочные материалы с превышением норм, разрешенных к ввозу на территорию стран Европейского союза.

В настоящее время разница в цене одного блока сигарет белорусского производства составляет около 7–8 долларов США, российского – 10–11 долларов США. Цена дана в сравнении со стоимостью табачных изделий на польском черном рынке.

Вывоз горюче-смазочных материалов, а именно дизельного топлива, в настоящее время является лишь незначительным дополнением к «экономическому эффекту» от поездки в Польшу. Так, в случае заправки на белорусской АЗС чистая прибыль составляет около 10 долларов США с 50–60 литров.

Характерной особенностью белорусско-украинского участка границы является то, что преступными группами Украины предпринимаются попытки перемещения через Государственную границу вне пунктов пропуска крупных партий товаров народного потребления, прибывающих в одесский морской порт из Китая, Турции и других государств, а также алкогольной продукции украинских производителей. В 2009 году органами пограничной службы Республики Беларусь на этом участке границы было задержано товарно-материальных ценностей на сумму 15 313,3 млн. рублей. Уже в 2010 году эта сумма составила 17 961,9 млн. рублей [4].

По оценке компетентных органов в 2010 году в рамках защиты экономических интересов го-

сударства при незаконном перемещении через Государственную границу белорусскими пограничниками задержано материальных ценностей на сумму более 41 071,3 млн. рублей, в том числе в пунктах пропуска через Государственную границу – на сумму более 19 482,2 млн. рублей, вне пунктов пропуска – на сумму около 21 589 млн. рублей.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что действующие механизмы обеспечения экономической безопасности на Государственной границе Республики Беларусь требуют творческого переосмысления и совершенствования.

Состояние пограничной безопасности в экономической сфере показывает, что оно напрямую связано с социально-экономическим положением на приграничных территориях и уровнем развития приграничного сотрудничества. В целях создания дополнительных условий для социально-экономического развития приграничных территорий пограничное ведомство внесло предложение в областные исполнительные комитеты по сокращению пограничной зоны с 30–50 км до пределов сельских советов. В итоге значительная по размеру территория стала доступной для белорусских граждан, иностранных гостей и субъектов хозяйствования без всяких ограничений и дополнительных режимных требований. Тем самым созданы благоприятные условия для развития экономики и инфраструктуры приграничья, а также привлечения выгодных инвестиций в региональную экономику. Появились дополнительные возможности у туристической бизнес-сферы. В конечном итоге значительная часть населения приграничных территорий получила возможность улучшить условия труда, повысить размер заработной платы и тем самым снизить общее количество потенциальных нарушителей пограничного законодательства.

Весомый потенциал возможностей по развитию социальных и экономических интересов имеют недавно созданные областные комиссии по проведению государственной пограничной политики на местах. Решение вопросов по развитию объектов сервиса на путях международных сообщений, оптимизации процедур осуществляемого контроля, создания дополнительных рабочих мест и повышения материального достатка приграничного населения осуществляется с целью создания условий для своевременного выявления, предупреждения и пресечения правонарушений, создающих угрозу пограничной безопасности, частью которой является экономическая безопасность [5].

Важным направлением развития приграничного сотрудничества является инициированное государственными органами Республики Бела-

русь малое приграничное движение, которое предусматривает возможность пересечения Государственной границы жителями приграничных территорий как Республики Беларусь, так и сопредельного государства, проживающими на расстоянии 30 км от Государственной границы [6].

Независимо от курса внешней и внутренней политики в сопредельных государствах все больше распространяется понимание необходимости укрепления связей с ближайшими соседями. Также остро ощущается потребность в налаживании партнерских отношений между государственными, муниципальными органами, неправительственными организациями и частным сектором. Различные формы добрососедского сотрудничества в экономической, научной, образовательной, культурной и иных сферах требуют разработки взаимоувязанных программ территориального развития приграничных регионов.

Таким образом, можно сказать, что развитие социально-экономического положения приграничных территорий и различных форм добрососедского сотрудничества является одним из основных направлений в области обеспечения экономической безопасности.

В настоящее время предпосылками для разработки новой парадигмы трансграничного сотрудничества и прогноза территориального развития приграничных регионов Республики Беларусь являются внешние и внутренние факторы, обусловленные:

- переходом Республики Беларусь и соседних стран на принципы устойчивого развития;
- интеграцией стран в общеевропейское пространство, требующей увязки принципов и методов планирования со странами европейского сообщества;

- новой ролью Беларуси в качестве страны, находящейся на границе двух континентальных таможенных зон – Европейского союза и Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана;

- изменениями в нормативной законодательной базе сопредельных государств в области пограничной политики (административные реформы, новые нормативные правовые акты, принятые в последние годы);

- новыми стратегическими планами (национальными и региональными) территориального развития обоих государств;

- новыми международными соглашениями и проектами.

Определяющим фактором на долгосрочную перспективу выступает развитие по периметру внешних границ Республики Беларусь пояса добрососедства во всех измерениях: военном, политическом, культурном, информационном, социальном и экономическом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришин, М.Л. Погранология: проблемы пограничной политики / М.Л. Гришин, В.Н. Губченко. – М.: Отд-ние погранологии МАИ, 1999. – 340 с.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
3. О Государственной границе Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 419-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 184. – 2/1516.
4. Государственный пограничный комитет Республики Беларусь. – Минск: 2011.
5. Об органах пограничной службы Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 2008 г., № 454-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 276. – 2/1550.
6. Рачковский, И.А. По закону границы / И.А. Рачковский // Юстыця Беларусі. – 2010. – № 9.

Дата поступления статьи в редакцию 21.03.2011

О ВЛИЯНИИ СОСЕДНИХ ГОСУДАРСТВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

ДАВЫДИК В.В.,

заместитель начальника управления научной работы – начальник научно-исследовательского центра государственного учреждения образования «Институт пограничной службы», соискатель Национального центра законодательных и правовых исследований Республики Беларусь, полковник

В статье проведен анализ развития пограничных правовых отношений с сопредельными государствами и их влияние на формирование государственной пограничной политики Республики Беларусь.

In the article the author analyzes progress of the border legal relations with the neighboring countries and its influence to the Belarusian State Border Politics formation.

Исследование мировой практики развития пограничных отношений между соседними государствами показывает, что они могут находиться в диапазоне «дружественные–нейтральные–отчужденные–враждебные». Указанный диапазон зависит от различных обстоятельств, к которым относятся географическое положение государства, состояние уровня экономического развития, степень зависимости от внешних связей, социально-политический строй, национальные интересы и направления внешней политики государства. Вместе с тем идеальный вариант пограничных отношений предполагает стремление государства к тому, чтобы в надежной охране все соседние государства, и возникающие между ними проблемы по пограничным вопросам разрешались на взаимовыгодной, договорной основе (путем переговоров). Другими словами, обеспечение пограничной безопасности и разработка согласованных мер по противодействию угрозам диктуют необходимость тесного сотрудничества между соседними государствами и предопределяют области совпадения их политических, экономических, военных и иных интересов в пограничных пространствах. Интересы страны в пограничном пространстве выступают основой для выявления угроз, формирования целей и задач пограничной политики, а также ее стратегии на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Стратегические национальные интересы определены Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь и включают обеспечение независимости, территориальной целостности, суверенитета, незыблемости конституционного строя, устойчивое экономическое развитие и высокую конкурентоспособность белорусской экономики, достижение высокого уровня и качества жизни граждан [1]. По своему содержанию они являются интегрированным выражением жизненно важных интересов личности, общества и государства на Государственной границе и приграничной территории.

Реализация национальных интересов государства осуществляется посредством проведения взвешенной государственной пограничной политики, которая для каждого участка Государственной границы (польский, литовский, латвийский, российский, украинский) имеет свои особенности.

Выбор того или иного варианта пограничной политики во многом определяется специфическими особенностями конкретных участков: их протяженностью, ландшафтом приграничья, интенсивностью трансграничных потоков, социально-экономическими и культурными характеристиками сопредельных территорий, остротой вызовов безопасности и т.п.

Развитие пограничных отношений Республики Беларусь с государствами – членами Европейского союза (Польша, Литва, Латвия) проис-

ходит в условиях, когда в пограничной политике этих государств идет поиск баланса между интересами обеспечения безопасности на внешней границе и направлениями развития сотрудничества со странами, находящимися за ее пределами.

С целью обеспечения безопасности на внешней границе и с учетом того, что Польша, Литва и Латвия имеют далеко не одинаковый потенциал, а их опыт в сфере охраны границ серьезно различается, особое значение как приоритет пограничной политики Евросоюза получает внедрение и поддержание общих стандартов пограничной политики согласно Регламенту Европейского парламента и Совета Евросоюза от 15 марта 2006 г. № 562/2006 «Устанавливающий Кодекс Сообщества о режиме пересечения людьми границ (Шенгенский кодекс о границах)». К пограничным и таможенным службам этих государств предъявляются типовые требования: демилитаризация этих служб и подчинение их министерствам внутренних дел, компьютеризация пунктов пропуска, использование современного оборудования в процессе контроля над границами, соблюдение прав человека.

Главным содержанием развития взаимовыгодных форм и направлений сотрудничества, формирования правовых основ взаимодействия по пограничным вопросам после вступления в Евросоюз ближайших соседей Беларуси (Польша, Литвы, Латвии) стало желание внедрения стандартов, единых для пограничных ведомств, стран Евросоюза в деятельность органов пограничной службы Республики Беларусь. Прежде всего, это касается вопросов борьбы с трансграничной организованной преступностью, разработки и применения современных систем управления границей, миграционными потоками, оснащения современной техникой связи, средствами автоматизации, пограничного и радиационного контроля, укрепления регионального сотрудничества. С этой целью в рамках Программы, финансируемой Европейской Комиссией, были разработаны мероприятия по интегрированию органов пограничной службы Республики Беларусь в единую систему общеевропейской политики в сфере правосудия и внутренних дел.

Республика Беларусь в силу своего географического положения в полной мере подвержена воздействию трансграничной организованной преступности по налаживанию каналов транзита наркотиков, оружия, миграционных потоков и другой противоправной деятельности в страны Евросоюза. Очевидно, что в таких условиях решить проблему обеспечения безопасности на Государственной границе без финансовой и технической поддержки Евросоюза довольно сложно. Поэтому, осознавая значимость институтов и механизмов партнерства, одним из основных направлений государственной пограничной поли-

тики был выбран путь международного сотрудничества и развития по периметру внешних границ Республики Беларусь пояса добрососедства во всех его измерениях: военном, политическом, культурном, информационном, социальном и экономическом. В рамках сотрудничества и международной технической помощи Государственным пограничным комитетом Республики Беларусь совместно с Евросоюзом заключены соглашения по реализации проектов программы ТАСИС «Усиление пограничного и таможенного контроля в Беларуси, Украине и Молдове (БОМБЕЛ-3)» и «Усиление условий предоставления убежища и международной защиты в Республике Беларусь (ЭНЕЙ-2)».

Важное значение в проведении государственной пограничной политики занимает деятельность по установлению Государственной границы и ее международно-правовое оформление. Участие Государственного пограничного комитета Республики Беларусь в разработке и реализации флагманской инициативы «Интегрированное управление границами» в рамках инициативы Евросоюза «Восточное партнерство» позволит получить финансовую помощь на демаркацию и техническое оснащение белорусско-украинской границы.

Беларусь входит в пояс безопасности Евросоюза, что, с одной стороны, означает усиление контроля и проверок на границах Евросоюз–Беларусь, и, с другой стороны, вызывает необходимость углубления сотрудничества Евросоюза с Беларусью в узкоспециализированных сферах, таких как борьба с терроризмом, организованной преступностью, незаконной миграцией, транспортировкой людей, торговлей наркотиками.

В результате выполнения партнерских обязательств в рамках унификации правовых формальностей и развития необходимых условий для технологической интеграции на уровне границ в проведении государственной пограничной политики Республики Беларусь получен новый опыт, внедрение которого благотворно сказывается не только на качестве борьбы с контрабандой и нелегальной миграцией, но и на гибкость регулирования трансграничного сообщения. Во многом благодаря этому осуществлена перестройка системы контроля в пунктах пропуска через Государственную границу по принципу «одно окно», при котором все проверки осуществляются только пограничниками и таможенниками, а другие службы привлекаются по мере необходимости. Данное положение закреплено решением от 16 января 2008 г. совместной Коллегией Государственного таможенного комитета Республики Беларусь и Государственного пограничного комитета Республики Беларусь.

Примером сближения направлений деятельности пограничных ведомств Евросоюза и Рес-

публики Беларусь в области проведения государственной пограничной политики является сокращение времени ожидания физических лиц и транспортных средств при организации пограничного контроля в пунктах пропуска через Государственную границу путем использования технологической системы «красного» и «зеленого» каналов. Введенные правила направлены, прежде всего, на соблюдение прав человека и применяются в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 503. Подобные мероприятия по сокращению времени ожидания лицами и транспортными средствами государств – членов Евросоюза в пунктах пропуска предусмотрены Шенгенским кодексом о границах (п. 10 Регламента Европейского Парламента и Совета от 15 марта 2006 г. № 562) [2].

Вместе с тем давление Евросоюза на Республику Беларусь с целью побуждения ее к укреплению своих границ в ряде случаев имеет и негативные последствия. Позиционируя себя как успешный образец интеграции и стирания границ, Евросоюз в то же время создает серьезные препятствия для реальной интеграции пограничных пространств Республики Беларусь с соседними государствами. Жесткий визовый режим и усиление контроля и проверок на внешних границах Евросоюза являются причиной разрушения трансграничных экономических, исторических и культурных связей, которые создавались на протяжении многовековой истории. Беларусь оказывается вне процессов, которые происходят с наиболее близкими для нашего народа странами. Очевидно, что в таких условиях одним из направлений государственной пограничной политики Республики Беларусь будет стремление к упрощению визового режима, что необходимо для нормального развития связей и контактов между странами. В настоящее время деятельность государственных органов Республики Беларусь направлена на обеспечение реализации двусторонних соглашений между правительством Республики Беларусь и правительствами Республики Польша (подписано в Варшаве 12 февраля 2010 г.), Литовской Республики (подписано в Минске 20 октября 2010 г.), Латвийской Республики (подписано в Риге 23 августа 2010 г.) о порядке взаимных поездок жителей приграничных территорий сопредельных государств.

В соответствии с положениями международных договоров жители приграничных территорий Республики Беларусь будут посещать приграничные территории Республики Польша, Латвийской Республики и Литовской Республики, а жители приграничных территорий сопредельных государств будут посещать приграничные территории Республики Беларусь без виз по разрешению на приграничное движение по причинам общественного, культурного либо се-

мейного характера или по обоснованным экономическим причинам.

К приграничным территориям относятся территории административно-территориальных единиц, расположенные не далее чем в тридцати километрах от общей границы, а если часть такой административно-территориальной единицы находится на расстоянии между тридцатым и пятидесятым километрами от границы, это также будет считаться приграничной территорией. Список административно-территориальных единиц указан в приложении к каждому международному договору [3].

Укрепление границ под давлением Евросоюза создает дополнительные неудобства для путешественников и трансграничных бизнесменов. Не во всех случаях их положение облегчается из-за внедрения более совершенных организационных форм контроля и современного оборудования. Дорогостоящие сканирующие комплексы, позволяющие проверять грузы за считанные секунды, применяются только на нескольких главных направлениях, тогда как на остальных досмотр грузовых транспортных средств по-прежнему может длиться часами или сутками. Поэтому нынешние приоритеты государственной пограничной политики направлены на создание эффективной системы комплексного интегрированного противодействия рискам и угрозам трансграничного характера и ориентированы на соблюдение интересов граждан и экономических субъектов.

В отличие от Евросоюза более прогнозируемая перспектива развития отношений в области пограничной политики принадлежит южному соседу Республики Беларусь. Главной целью пограничной политики Украины является создание современной пограничной службы европейского типа, что законодательно закреплено Концепцией развития государственной пограничной службы Украины на период до 2015 года, утвержденной указом президента Украины от 10 июня 2006 г. № 546/2006. Это обусловлено стремлением Украины идти курсом европейской и евроатлантической интеграции. Одним из принципиальных условий такого курса является эффективная система управления границей [4].

Оценка процессов, происходящих на белорусско-украинском участке границы, свидетельствует о том, что функции органов пограничной службы Республики Беларусь вышли далеко за рамки режимных мероприятий. Уже ни у кого не вызывает сомнений, что современные границы надо не просто охранять, их надо контролировать и управлять ими.

Схожесть позиций белорусского и украинского пограничных ведомств на вопросы обеспечения пограничной безопасности потребовали поиска направлений сотрудничества. Одним из перспективных направлений, создающих усло-

вия для координации развития трансграничной территории, сформировавшейся на основе единых интересов, отражающих тесные кооперативные связи между предприятиями, деятельность общественных организаций, многолетнее сотрудничество между местными властями, общность истории и культуры, является подписание соглашения от 29 апреля 2003 г. и принятие устава о создании еврорегиона «Днепр» и соглашения от 15 мая 1997 г. и принятие устава о создании еврорегиона «Буг».

Концепция еврорегиона имеет все основания стать одним из перспективных направлений государственной пограничной политики. Ее применение полностью отвечает интеграционным устремлениям Республики Беларусь и одновременно позволяет примирить противопоставляемые российский и европейский векторы политической ориентации Украины.

Концепция открывает возможности присоединения к европейским программам приграничного сотрудничества. Например, появление новой внешнеполитической инициативы Евросоюза «Восточное партнерство» предоставляет дополнительные возможности для развития приграничного сотрудничества Украины и Республики Беларусь как в двустороннем формате, так и в направлении реализации многосторонних международных проектов. Наиболее перспективным форматом международного сотрудничества Украины и Беларуси и Европейского Союза в рамках «Восточного партнерства» может стать проект создания международного транспортного коридора Балтийское море–Черное море. В контексте этой идеи требуются совместные усилия по созданию Дорожной карты реализации проекта с распределением между сторонами долей внутреннего и заимствованного финансирования за счет ресурсов Евросоюза.

Развитие белорусско-украинского межрегионального и приграничного сотрудничества в ближайшей перспективе предусматривает гармонизацию законодательной базы двух стран в области пограничной политики, а также внесение изменений в действующее законодательство о местном управлении и самоуправлении в части делегирования полномочий местным исполнительным и распорядительным органам в области трансграничного сотрудничества. Намерения сторон в этом направлении обсуждались на международной конференции «Новые горизонты: перспективы развития украинско-белорусских отношений на международном, межгосударственном и межрегиональном уровнях», состоявшейся 30 ноября 2009 г. в городе Чернигове, и закреплены принятой резолюцией [5].

Тесное сотрудничество Республики Беларусь и Российской Федерации по пограничным вопросам оказывает наиболее существенное влияние на формирование государственной погра-

ничной политики Республики Беларусь. Взгляды на функции государственной границы, направления пограничного сотрудничества и другие факторы, оказывающие влияние на обеспечение безопасности России в ее пограничном пространстве, определены положениями концептуального документа «Основы пограничной политики Российской Федерации», утвержденного Президентом Российской Федерации 5 октября 1996 г. Основы пограничной политики Российской Федерации являются документом, в котором раскрыты содержание и основные направления государственной пограничной политики России в условиях перехода ее на демократические принципы развития.

Схожесть организационных и правовых основ государственной пограничной политики суверенных государств Республики Беларусь и Российской Федерации послужила началом международных отношений по пограничным вопросам.

Основы взаимодействия пограничных ведомств Республики Беларусь и Российской Федерации были заложены в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве по пограничным вопросам, подписанным главами правительств в апреле 1994 года. С этого времени предпринимаются меры по согласованию и сближению национальных законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих режим и охрану государственных границ Российской Федерации и Республики Беларусь.

Тенденция к росту уязвимости государств – членов Союзного государства перед лицом разнообразных вызовов и угроз, спектр которых эволюционирует, видоизменяется и приобретает трансграничный характер, потребовала принятия адекватных мер, которые нашли отражение в Концепции пограничной политики Союза Беларуси и России, утвержденной решением Высшего Совета Союза Беларуси и России от 28 апреля 1999 г. [6].

Следует отметить, что многие положения Концепции пограничной политики Союза Беларуси и России легли в основу системы отношений на Государственной границе Республики Беларусь.

Дальнейшее развитие согласованной пограничной политики государств – участников Союзного государства закреплено в Договоре о создании Союзного государства, подписанном главами государств в декабре 1999 года [7]. В рамках программы действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства в настоящее время выполняется Программа обустройства внешней границы Союзного государства, рассчитанная на 2007–2011 годы, мероприятия которой направлены на совершенство-

вание пограничной инфраструктуры, оснащение пунктов пропуска специальной аппаратурой пограничного контроля, применение технических средств охраны границы и т.п.

Особое значение на формирование государственной пограничной политики Республики Беларусь оказывает совместная деятельность представителей пограничных ведомств в Пограничном комитете Союза Беларуси и России. В рамках сотрудничества в настоящее время действует единая Коллегия Пограничного комитета Союзного государства. Объединив свои усилия, Россия и Беларусь отвечают за обеспечение безопасности на внешних границах Союзного государства. Планируются и принимаются консолидированные решения по охране границ на каждый очередной год. Ежеквартально проводятся коллегии, на которых поднимаются актуальные вопросы по проведению пограничной политики. В рамках Коллегии Пограничного комитета Союзного государства пограничники в самом тесном контакте принимают участие во всех мероприятиях по формированию и реализации пограничной политики Союза Беларуси и России.

Детализация и уточнение мероприятий по реализации государственной пограничной политики как Республики Беларусь, так и Российской Федерации осуществляется ежегодным постановлением Пограничного комитета Союзного государства «Об обеспечении пограничной безопасности на внешней границе и приграничной территории Союзного государства».

Таким образом, главным содержанием развития взаимовыгодных форм и направлений меж-

дународного сотрудничества, формирования правовых основ взаимодействия по пограничным вопросам на всех направлениях Государственной границы Республики Беларусь является защита от внешних угроз транснационального характера, к наиболее опасным из которых относятся международный терроризм и экстремизм, незаконный оборот оружия.

В конечном итоге, оценивая степень влияния соседних государств на формирование государственной пограничной политики Республики Беларусь, следует отметить, что выбор направлений развития взаимоотношений между сопредельными государствами не может производиться изолированно от исторически сложившихся общественных, экономических, культурных и других связей. Сегодня трудно представить, что то или иное государство может игнорировать мнение сопредельной стороны по нейтрализации угроз трансграничного характера. Вместе с тем создание эффективной системы комплексного интегрированного противодействия рискам и угрозам трансграничного характера ориентировано на соблюдение, в первую очередь, национальных интересов и интересов экономических субъектов. Несовпадение этих интересов вынуждает сопредельные стороны искать пути прагматичного взаимодействия, основанного на эффективной многовекторной дипломатии, стратегическом партнерстве, равноправном взаимодействии и взаимном учете интересов. Сущность и содержание такого взаимодействия отражает государственная пограничная политика Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276. – 1/12080.
2. Устанавливающий Кодекс Сообщества о режиме пересечения людьми границ (Шенгенский кодекс о границах): регламент Европ. парламента и Совета ЕС, 15 марта 2006 г., № 562/2006.
3. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и правительством Республики Польша, 12 февр. 2010 г. // М-во внутр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=2941>. – Дата доступа 20.04.2011.
4. Об утверждении Концепции развития государственной пограничной службы Украины на период до 2015 года: Указ Президента Украины, 10 июня 2006 г., № 546/2006 // Біла книга 2007. Страт. бюл. прикордонної безпеки України. – Київ, 2007. – С. 109–122.
5. Новые горизонты: перспективы развития украинско-белорусских отношений на международном, межгосударственном и межрегиональном уровнях: матер. междунар. конф. // Наше мнение [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://nmbny.eu/news/analytics/2005.html>. – Дата доступа: 19.04.2011.
6. Об утверждении Концепции пограничной политики Союза Беларуси и России: решение Высш. Совета Союза Беларуси и России, 28 апр. 1999 г. – Минск: Гос. комитет погран. войск Респ. Беларусь, 2000. – 12 с.
7. Договор о создании Союзного государства и программа действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства // Союз. гос-во [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www/soynz.by/ru?guid=10447>. – Дата доступа 19.04.2011.

Дата поступления статьи в редакцию 10.05.2011

ТРЕБОВАНИЯ к материалам, представляемым для опубликования в научно-практическом журнале «Право.by»

Глава 1 Общие требования к статьям

1. К рассмотрению принимаются статьи на бумажном носителе (до 10 страниц при одинарном межстрочном интервале) в одном экземпляре, переданные вместе с файлами (файлы могут быть направлены по электронной почте: journal@ncpi.gov.by с уведомлением о доставке).

2. Языки публикуемых статей – русский, белорусский. Принимаются статьи на английском языке (публикуются в переводе на русский язык).

3. Правила оформления:

все поля – 20 мм. Шрифт – Times New Roman 15 пт, одинарный межстрочный интервал, на первой странице сверху по центру пишется название статьи (на русском и английском языках) полужирным шрифтом прописными (большими) буквами; затем пропускается строка и от середины страницы с прижимом по левому краю (также на русском и английском языках) пишутся фамилии и инициалы авторов с указанием должности, организации, ученого звания и ученой степени; каждый автор – с новой строки;

далее – пропуск строки и аннотация на русском и английском языках (кегель 12, курсив);

затем – пропуск строки и основной текст.

4. Рисунки вставляются в текст в формате JPG или BMP после первой ссылки на них в тексте. Каждый рисунок должен иметь название, которое помещается под рисунком. Если в тексте более одного рисунка, то они нумеруются арабскими цифрами (например, Рис. 2). Номер помещается перед названием.

Использование автоматических концевых и обычных сносок не допускается.

5. В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале.

В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адреса электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи рабочей группы с автором.

6. Файл статьи представляется в формате RTF, Word. Рукописи авторам не возвращаются.

7. Вместе со статьей представляется портретное фото автора в электронном виде в формате JPG.

Глава 2 Требования к научным статьям

8. Научные статьи подлежат независимой экспертизе (рецензированию). Рецензенты – доктора или кандидаты наук.

9. Объем научной статьи должен составлять не менее 14 000 печатных знаков. Научная статья должна содержать следующие обязательные элементы:

индекс УДК;

название статьи, отражающее ее основную идею;

фамилию и инициалы автора (соавторов) статьи;

аннотацию (до 10 строк), излагающую краткое содержание статьи, пригодную для опубликования отдельно от статьи;

введение, содержащее краткий обзор литературы по рассматриваемой проблеме, круг ранее не решенных вопросов, основную цель работы;

основную часть, подробно освещающую рассматриваемые вопросы;

заключение с четко сформулированными выводами;

список цитированных источников, оформленный в соответствии с действующими требованиями Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь;

подписи всех авторов статьи (на бумажном носителе).

10. Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например, [1], [2]).

11. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.

12. В случае, если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом ответственному секретарю редакционной коллегии при представлении материала.

13. Авторы передают редакции исключительное имущественное право на использование произведения следующими способами: воспроизводить статью (право на воспроизведение); распространять экземпляры статьи любым способом (право на распространение); переводить статью (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является действием, выражающим согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала (конклюдентное действие). Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в информационно-правовых ресурсах, формируемых Национальным центром правовой информации Республики Беларусь. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала.

14. Представленные автором для опубликования материалы должны соответствовать: нормам современного русского (белорусского) языка; специализированной, в том числе юридической, терминологии; принципам изложения текста с использованием делового и научно-делового стиля; оформительским требованиям, определяемым редакцией.

15. В случае выявления редакционной коллегией журнала (главным редактором, заместителем главного редактора, членами рабочей группы) несоответствия материалов требованиям, указанным в пункте 14, автору может быть предложено доработать (переработать) материал с учетом замечаний и предложений.

16. Доработанный (переработанный) автором материал может быть представлен повторно. Вопрос об опубликовании доработанного (переработанного) материала решается по предложению членов рабочей группы в индивидуальном порядке главным редактором (заместителем главного редактора).

**Адрес редакции: ул. Берсона, 1а, 220701, г. Минск
Контактный телефон/факс: (017) 222-70-75**

При перепечатке материалов из журнала «Право.by» ссылка на издание обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с позицией авторов.

Редакция информирует авторов, что материалы, опубликованные в журнале, могут быть также размещены в сети Интернет.

<i>Выпускающий редактор</i>	<i>Кириллова Д.В.</i>
<i>Редакторы</i>	<i>Голуб Е.А., Киридон Н.Г., Кирик О.Н., Кособуцкая И.И., Махальская А.Г., Новикова М.А., Окова Ю.А., Сазончик О.В., Трусова Е.Т., Шкляревская Е.Г.</i>
<i>Компьютерная верстка</i>	<i>Ладутько Т.В.</i>
<i>Телефон</i>	<i>(международ. код 1037517) 222-70-75; факс 222-70-64</i>
<i>Адрес редакции</i>	<i>ул. Берсона, 1а, 220701, г. Минск</i>
<i>e-mail</i>	<i>journal@ncpi.gov.by</i>
<i>Интернет-адрес</i>	<i>http://www.ncpi.gov.by http://www.pravo.by (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь)</i>

Подписной индекс **00796**

Свидетельство о регистрации журнала № 1700 от 29.08.2008.
Подписано в печать 18.08.2011. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,2. Тираж 270 экз. Заказ 2318.

Отпечатано в РУП «Издательство «БДП» производство № 1.
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Ул. Мясникова, 37, 220010, г. Минск.

© Оформление. Национальный центр правовой информации
Республики Беларусь, 2011